

Г. ФРОЛОВ

ЮРИЙ
ДВУЖИЛЬНЫЙ

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

В книгу включены документальные повести журналиста Г. Фролова о Герое Советского Союза Юрии Двужильном и героине битвы под Москвой в 1941 году Вере Волошиной. В результате многолетних поисков Георгию Фролову удалось воскресить светлые образы этих замечательных советских патриотов, отдавших жизнь за Родину.

- Юрий Двужильный

- ОТ АВТОРА

- ВЕРА ВОЛОШИНА

- НАЧАЛО ПОИСКОВ

- БЕДА ВОШЛА В ДОМ

- ДОМ НА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ

- В МОСКВУ

- ЖИТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

- А ТЫ ГОТОВ?

- ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

- БЕРУ ЕЕ В РАЗВЕДКУ!

- РАЗВЕДЧИКИ

- «ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ...»

- ТАМ, ГДЕ ПОГИБЛА ВЕРА

- ЮРИЙ ДВУЖИЛЬНЫЙ

- ЖИВУЩИЕ ВАМ БЕСКОНЕЧНО ДОЛЖНЫ...

- ПОИСК НАЧИНАЛСЯ ТАК...

- МИР УДИВИТЕЛЬНО ТЕСЕН...

- ДОРОГАМИ ПЕРВЫХ ИСПЫТАНИЙ

- ВОЙНА

- О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ПИСЬМА...

- НА ПРОНЕ И РЕСТЕ

- ПО ДОРОГАМ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ

- ИХ БЫЛО ТРИДЦАТЬ ДВА...

- ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...

- ДОЛГ ЖИВЫХ ПЕРЕД ПАВШИМИ

- notes

- 1

Юрий Двужильный

Г Е Р О И - С О В Р Е М Е Н Н И К И

Г. ФРОЛОВ

Юрий
 ДВУЖИЛЬНЫЙ

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
ПОВЕСТИ**

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1967**

Утром 22 июня сорок первого года три студентки, подружки по общежитию, купили в подарок Вере Волошиной белое свадебное платье. Трудно сказать, чего здесь было больше: девичьего озорства или твердой уверенности в том, что подарок этот скоро пригодится.

Но только однажды, всего лишь на несколько минут надела его Вера: там, в магазине, чтобы примерить. Потому что не свадебное платье и легкие туфельки, а тяжелые солдатские сапоги и телогрейка стали ее нарядом...

В тот же день снова стал в ряды воинов и Юрий Двужильный, близкий друг и одноклассник Веры, с кем связывало ее первое светлое чувство. Юрий учился в Ленинграде, Вера — в Москве, и каждый год они вместе уезжали в родной город на студенческие каникулы. Собирались и в этот раз...

Вера погибла под Москвой в сорок первом году, а Юрий — в Белоруссии в сорок четвертом. Когда их не стало, им было немногим больше двадцати, и для нас они навсегда останутся молодыми...

О том, как удалось узнать о судьбе Веры Волошиной, долгие годы считавшейся пропавшей без вести, и о Юрии Двужильном, похороненном в безыменной братской могиле под Могилевом, рассказывается в этой книге.

Знаю, что после минувшей войны, у нас осталось много безыменных братских могил неизвестных и уже, к сожалению, забытых героев. И мне очень хочется, чтобы этот рассказ о поиске, продолжавшемся несколько лет, и раздумья, порой горестные и тревожные, не дававшие мне покоя все это время, нашли отклик в сердцах читателей.

Поверьте, я буду по-настоящему счастлив, если эта книга умножит ряды добровольных искателей — следопытов нашей истории и это движение, получив широкую поддержку, приведет к тому, что мы не ради красного словца, как это бывает нередко, а с полным основанием сможем сказать: «Никто не забыт и ничто не забыто!»

ВЕРА ВОЛОШИНА

*Матери Веры Волошиной
Клавдии Лукьяновне посвящается
эта повесть*

Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте!.. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за нас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безыменных героях, творивших историю.

Юлиус Фучик

НАЧАЛО ПОИСКОВ

Откровенно говоря, первые страницы этой повести были для меня самыми трудными — я долго размышлял над тем, как начать свой рассказ о Вере Волошиной. Хотелось начать его необычно. В конце концов я решил, что самой лучшей формой повествования будет простой и правдивый рассказ о том, как в результате поисков, продолжавшихся несколько лет, мне удалось узнать о жизни, боевых делах и героической гибели разведчицы Веры Волошиной.

Вот как это было.

15 февраля 1957 года в «Комсомольской правде» я прочитал небольшую заметку кемеровского корреспондента Виктора Калачинского «Она сражалась рядом с Зоей». Автор рассказывал в ней о том, что в ноябре 1941 года вместе с Зоей Космодемьянской в тылу немецко-фашистских войск сражалась девушка из сибирского города Кемерово, студентка Московского института советской торговли Вера Волошина. Здесь же, в газете, была помещена ее фотография.

Что-то удивительно знакомое, близкое было во всем облике этой отважной девушки, в ее задумчивых, немного грустных глазах. Где же раньше я мог встретить ее?

И мне невольно вспомнились первые дни войны, неожиданно ворвавшейся в мое детство как что-то непонятное, нелепое, страшное...

По пыльной дороге бесконечным потоком шли и ехали на восток беженцы. Скрипели колеса, ржали лошади, плакали дети. Дорожная пыль, словно желтый туман, с утра и до позднего вечера висела в воздухе, и сквозь нее зловеще светилося багровое солнце, медленно склонявшееся к закату.

Над дорогой, почти касаясь деревьев, часто проносились самолеты с черными крестами на крыльях. Люди бросались в сторону, стараясь укрыться в придорожных, пропыленных насквозь кустах и канавах. А когда самолеты исчезали, на дороге снова начиналось движение...

По ночам на западе колыхалось зарево пожаров, орудийные раскаты с каждым днем доносились все ближе и ближе. И вот они перешагнули через нашу небольшую деревушку, затерявшуюся среди лесов и болот Белоруссии, и теперь уже гремят на востоке, уходя все дальше и дальше. Скоро гул орудий затих совсем, и только одно стеклышко в нашем окне, выходившем на восток, еще долго по ночам дребезжало мелкой, еле приметной дрожью. Но вот и оно затихло...

Вспомнилось холодное, дождливое утро, когда я впервые увидел партизан. Они вышли на опушку леса, где я пас деревенское стадо. Ко мне подошла девушка. Как сейчас, вижу тревогу в ее глазах, светлые волосы, выбившиеся из-под солдатской шапки, прожженные в нескольких местах полы шинели, разбитые сапоги, перевязанные кусками полевого кабеля...

— Мальчик, у вас в деревне есть немцы? — спросила она тихим, немного охрипшим голосом.

Мне особенно запомнились глаза девушки. Наверное, совсем недавно они были голубыми, но теперь их безмятежная голубизна потемнела, как и это тревожное небо осени. А руки, покрасневшие на ветру, еще непривычно, но с каким-то отчаянным упрямством сжимали цевье старой трехлинейки, видно послужившей не одному поколению русских солдат...

И хотя после этой короткой встречи прошло немало лет, мне и сейчас кажется, что я узнал бы эту девушку, ее глаза среди тысячи других глаз...

Теперь-то я знаю, что Вера Волошина никогда не бывала в Белоруссии. Но ее фотография в газете, небольшая заметка о разведчице-сибирячке глубоко взволновали меня, напомнив о минувшей войне.

Фотография Веры Волошиной, опубликованная в «Комсомольской правде» 15 февраля 1957 г.

В 1956 году я закончил Московский университет и начал работать ответственным секретарем редакции многотиражной газеты «Советский студент» Московского института народного хозяйства имени Плеханова, где готовят специалистов для торговли и общественного питания. Поэтому, когда я узнал, что Вера Волошина училась в торговом институте, мне захотелось рассказать о ней нашим студентам на страницах многотиражки.

Вскоре мне стало известно, что документы института, в котором перед войной училась Вера, хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства. Здесь меня встретила какая-то особенная, волнующая тишина. Вдоль узкого прохода — стеллажи с тысячами аккуратно пронумерованных, пожелтевших от времени

дел. Казалось, стоит раскрыть одну из этих многочисленных папок — и на тебя повеет дыханием истории.

Подъезжая к зданию архива, я волновался: «Сохранились ли документы Веры? Ведь с тех пор столько лет прошло!» Но теперь в этой строгой, торжественной тишине с каждой минутой крепла уверенность: здесь документы должны обязательно сохраниться!

Наконец в моих руках небольшая светлая папка с крупной надписью:

Л и ч н о е   д е л о

№ 658

ВОЛОШИНА ВЕРА ДАНИЛОВНА

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Раскрываю папку. Небольшая поблекшая от времени фотография красивой белокурой девушки с копной светлых, коротко подстриженных волос, обычный в те годы листок по учету кадров с множеством различных вопросов и кратких ответов, несколько выписок из приказов по институту и короткая автобиография, которую я привожу полностью.

«Родилась в 1919 году в г. Кемерово. В 1927 году поступила в школу. В 1935 году вступила в ВЛКСМ. В 1937 году закончила десятилетку и поехала учиться в Московский центральный ордена Ленина институт физической культуры. Сейчас по состоянию здоровья заниматься в нем не могу и подаю заявление на подготовительные курсы вашего института.

Отец неродной, но в 1936 году я им была удочерена. Работает на азотнотуковом комбинате в г. Кемерово.

Мать — медицинская сестра детской консультации. Все.

Волошина. 27/VIII—38 г.»

А вот выписка из приказа по институту:

«В ознаменование 23-й годовщины Рабоче-

Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота за активную оборонную работу в сочетании с отличными и хорошими успехами в учебе студентке третьего курса торгово-экономического факультета **Волошиной В. Д.** объявить благодарность.

22 февраля 1941 года.

А дальше в личном деле были аккуратно подшиты письма матери Веры, Клавдии Лукьяновны, упорно, но безуспешно разыскивавшей свою дочь, погибшую где-то под Москвой в ноябре 1941 года... Нельзя было без боли читать эти письма матери, которая вот уже пятнадцать лет пытается узнать, что же случилось с ее дочерью, разгадать таинственный смысл трех слов **«пропала без вести...»**

В тот же день я написал Клавдии Лукьяновне письмо. Ответ пришел скоро. Мать Веры горячо откликнулась на мою просьбу рассказать о дочери и выразила готовность помочь мне во всем. Она сообщила несколько адресов институтских товарищей Веры и ее боевых подруг — Клавы Милорадовой и Наташи Обуховской, а в конце письма приглашала приехать к ней в гости, ведь в письме всего не расскажешь.

Вскоре такой случай представился.

Меня встретила на вокзале Клавдия Лукьяновна, худенькая, рано поседевшая женщина с добрыми глазами, в которых навсегда застыли скорбь и недоумение.

Долгими зимними вечерами рассказывала она мне о своей Веруське, о том, как она росла, училась в школе, институте. С ласковой материнской улыбкой вспоминала ее детские проказы, бережно перебирала довоенные фотографии, ученические тетради, письма...

И уже когда я уезжал обратно в Москву, попросила, прощаясь: — Если можно, Георгий Николаевич, узнайте о судьбе Веры, найдите ее могилу. Ведь я столько лет ничего не знаю о ней...

И я обещал, потому что мне самому была хорошо известна вся свинцовая тяжесть этих трех коротких слов «пропал без вести» — такое же извещение получила и моя мать в первую послевоенную весну...

...Вернувшись в Москву, я разыскал живущих здесь товарищей Веры по институту, ее боевых подруг, написал письма в другие города. И вскоре один за другим из разных уголков страны стали приходить ответы: друзья и товарищи Веры охотно делились своими воспоминаниями, присылали довоенные фотографии, вырезки из газет, сообщали новые адреса.

Сейчас у меня собралось очень много таких писем, и я

использовал их в своей работе над повестью. Но мне думается, что было бы хорошо опубликовать отдельно эти воспоминания, где о Вере рассказывается очень много интересного и неповторимого.

Вот, например, несколько отрывков из воспоминаний.

«...Я училась вместе с Верой с четвертого по десятый класс, — пишет Н. Кочеткова. — Помню, когда я впервые пришла в школу, ко мне в классе подошла белокурая, голубоглазая девочка.

— Ты новенькая? — спросила она и тут же предложила: — Садись за мою парту, будем дружить. Хорошо?

В классе я быстро освоилась, и вместе с Верой мы были в числе лучших. В конце учебного года нас сфотографировали с учениками — ударниками школы. Высылаю вам эту фотокарточку...»

Точно такую же фотографию показала мне и Клавдия Лукьяновна, когда я был в Кемерове. На обратной стороне карточки было написано:

«На память лучшему ученику-ударнику Волошиной Вере. Школа химзавода, четвертая группа А...»

О детстве Веры тепло вспоминает и Екатерина Ивановна Андреева.

«С Верой я вместе не училась, — пишет она, — но мы с ней жили в одном доме на Нижней Колонии. В первом классе я тяжело заболела. Вера тогда училась в третьем. Лежала я дома, кровать стояла у окна, и Вера, возвращаясь из школы, всякий раз забиралась на завалинку и стучала в окно, чтобы привлечь мое внимание. А потом долго рассказывала школьные новости, о подружках, о том, как она учится. Однажды Вера попросила открыть окно (мне уже стало лучше) и подала небольшой сверток. В нем оказалась фарфоровая чашечка и блюдце из кукольной посуды. Какая же это была для меня радость! В те годы семье нашей жилось трудно и у меня не было покупных игрушек... Я долго хранила Верин подарок, и уже в 1943 году моя младшая сестренка, которой было тогда два года, разбила и блюдце и чашечку. Я до сих пор не могу простить ей этого...»

Каждое письмо раскрывало какую-либо новую, ранее неизвестную мне черту характера Веры, рассказывало о давних событиях, которые запомнились ее друзьям и близким. Вот что писал мне из Воронежа ее одноклассник, а позднее и однокурсник Василий Иванович Худолеев, ныне директор кооперативного техникума:

«В школе Вера очень любила русскую литературу, много читала и даже сама сочиняла стихи. Любовь к литературе сумел привить нам молодой преподаватель Аркадий Васильевич Мироненко. Он очень интересно проводил занятия, руководил школьным литературным кружком, и Вера нам часто читала свои стихи. Не могу сказать ничего об их достоинстве, но мне они нравились. Помню, одно ее стихотворение было посвящено родному городу (оно, к сожалению, не сохранилось). Вера мечтала, что через несколько лет наш город превратится в крупнейший индустриальный центр, станет «второй Москвой», с прекрасной набережной, театрами и дворцами... «Второй Москвой» он пока еще не стал, но за эти годы неузнаваемо изменился, превратился в крупнейший промышленный и культурный центр Сибири...»

В Москве сейчас живет и работает Валентина Николаевна Савицкая, которая в детстве и юности училась вместе с Верой Волошиной в кемеровской школе № 12. Правда, она была немного старше Веры, но это не мешало их дружбе. Наоборот, для Веры ее старшая подруга была примером — вслед за ней она поступила в Московский аэроклуб, училась водить самолет, прыгала с парашютом, а когда началась война, хотела вместе с Валею уйти в женский авиационный полк, который формировала Герой Советского Союза Марина Раскова. Но судьба распорядилась иначе — Вера ушла в партизанский отряд, а Валя Савицкая все годы войны была штурманом полка ночных бомбардировщиков. О своей подруге Вере Волошиной она вспоминает с большой теплотой.

«Вспоминая свое отрочество, — пишет она, — мне прежде всего хочется отметить, что в те довоенные годы, когда мы росли и формировались наши характеры, был какой-то особый дух патриотизма, который доминировал над всем остальным: учебой, дружбой, любовью к близким. Может быть, это свойственно сибирякам, но даже матери наши относились к детям без лишней

ласки... Как будто знали наши мамы, что юность их детей не пойдет по гладкой дороге мирной и радостной жизни...

Основным отдыхом от учебы и домашних обязанностей был у нас спорт. Водили мы компанию: Милка и Вера Тебеньковы, Вера Волошина, я и мальчишки — Юра Двужильный, Петя Гора и мой брат Аркадий. Жили все рядом, учились в одной школе. Это была лучшая в те годы школа, двухэтажная. Ее строили при нас. Во дворе мы сами оборудовали спортивную площадку. И был у нас чудесный преподаватель физкультуры, энтузиаст и любимец всей школы Коля Ступников, который в каждом из нас оставил частицу своей безграничной любви к коллективу... А дома, если мы сговаривались пойти куда-нибудь — на речку или на стадион, на каток или в лес, мы ходили кучкой по домам и «отпрашивали» друг друга у наших мам. И часто выручали друг друга, поливая чей-нибудь огород, таская воду в бочки, или зимой кололи дрова и расчищали снег. Это получалось потому, что мамы почти всегда находили предлог задержать нас дома, вот мы и спасались коллективным трудом... Вера была самой младшей в нашей компании. Рослая, сильная, она держалась как-то особенно прямо. Две тяжелые почти белые косы оттягивали ей голову, и от этого она некоторым казалась задавалой. Но нас это не беспокоило, потому что мы хорошо знали Веру, какая она простая и отзывчивая...»

Зинаида Васильевна Михайлова, ныне преподаватель Кемеровского медицинского института, училась с Верой в одном классе. Вот что она писала мне:

«В моей памяти Вера осталась вся в каком-то трепетном движении. Каждый день для нее был не просто прожитым днем — он всегда приносил что-то новое, интересное. Я всегда любила смотреть на нее, на ее легкую, стройную фигуру, когда вместе с другими она выполняла гимнастические упражнения на школьных вечерах. Кажется, уже в десятом классе Вера подарила мне открытку, где была изображена старуха, разбитая параличом. И вот на этой открытке она написала: «Как мне хочется жить! Неужели я умру? Я не хочу. Я хочу жить вечно и так, как живу сейчас. Ведь это самые лучшие дни в жизни человека...» И сейчас Вера стоит перед моими глазами, такая порывистая, увлекающаяся,

озорная, горячо откликавшаяся на все, что происходило вокруг...»

Хорошо знала Веру и Раиса Ивановна Миронова, ныне секретарь исполкома Кемеровского облсовета. Вот строки из ее воспоминаний:

«...Откровенно говоря, мы, девочки, по-хорошему завидовали Вере, ее стройной, красивой фигуре, успехам в спорте, удивительному умению со всеми держаться запросто, непринужденно, ее прямооте, жизнерадостности, умению все делать быстро и хорошо. Многие из нас, и я в том числе, старались во всем подражать Вере. Так же, как и она, стали увлекаться спортом, все свободное время проводили на реке или на стадионе. Часто группами на несколько дней уходили в туристские походы вдоль Томи или же в Барзасскую тайгу. По вечерам подолгу засиживались у костра, спорили, мечтали, пели любимые песни. Особенно неразлучны были мы в десятом классе, на пороге своей неизведанной жизни. И в том, что в школе, а потом и в институте я была активной спортсменкой, во многом «повинна» Вера...»

Верочке пять лет.

Много лет прошло с тех пор, но Александр Харитонович Агафонцев, одноклассник Веры, а ныне преподаватель английского языка в одной из кемеровских школ, с большой теплотой вспоминает выпускной вечер в школе.

«...Вера, как и все десятиклассники, — пишет он, — была в тот вечер радостной, взволнованной. Она все время танцевала с Юрием Двужильным. Оба высокие, светловолосые, счастливые... А я, будучи по натуре тихим, незаметным пареньком, да еще к тому просто самым маленьким в классе, стоял в стороне, стараясь

держаться солидно, независимо. А на самом деле я очень стеснялся — впервые в жизни надел сшитый по случаю совершеннолетия серый костюм, белую сорочку да еще галстук... Танцевать я как следует так и не научился, очевидно, помешало этому мое увлечение шахматами. Увидав меня, Вера подошла и, крепко взяв за руку, потащила в круг. «Смелее, Агафончик!» — улыбаясь, сказала она, и мы начали с ней кружиться в вальсе. Постепенно прошла моя застенчивость, и я принял участие в общем веселье...»

Прислали мне свои письма и подружки Веры по институту — Марина Ивановна Сониная, Валентина Ивановна Пичкур и Нина Ивановна Цалит. Вчетвером все годы учебы в институте девушки жили в одной комнате студенческого общежития на Волоколамском шоссе, вместе учились, бывали в театрах, кино, спорили о прочитанных книгах, мечтали о будущем.

Вот что писала мне из Мурманска Нина Ивановна Цалит:

«Вера была хорошим товарищем не только с нами, девушками, но и с ребятами. У нее получалось это по-мальчишески, по-детски, просто. Очевидно, это получалось оттого, что она обладала прямым и простым характером. Никому не постесняется она сказать правду о недостатках и ошибках, а также и сама все говорила о себе. Ее простота доходила до наивности, и некоторые считали, что она рисуется. Но я знала Веру в любой обстановке, и она всегда была такой».

Много интересного рассказали мне о Вере бывшие ее однокурсницы Валентина Георгиевна Конова и Софья Вениаминовна Котликова.

А 9 мая 1957 года у Большого театра я встретился с боевыми товарищами Веры Володиной. Каждый год они собираются здесь «в шесть часов вечера после войны».

Я познакомился с Натальей Трофимовной Самойлович, Александрой Федоровной Ворониной, Евгенией Николаевной Монучаровой, Клавдией Александровной Милорадовой. Из Риги прислала письмо Наталья Михайловна Обуховская, из Рыбинска — Лидия Александровна Булгина, из Львова — Иван Егорович Колесников.

Жизнь каждого из них — волнующая повесть о беззаветной преданности Родине. Я был глубоко восхищен героизмом этих простых советских людей, особенно подкупала их скромность, нежелание говорить о себе. Свое участие в обороне Москвы, в

партизанской борьбе они рассматривали как обычное дело, в котором нет ничего героического. Вот как об этом пишет Нина Ивановна Цалит:

«О себе сказать нечего. В тылу у немцев была четыре раза: два раза прыгала с парашютом и два раза ходила пешком. Работа эта, конечно, тяжелая — по плечу только молодым, и героического в этом я ничего не нахожу. Думаю, что и вы, т. Фролов, если вам придется попасть в такую обстановку, как это довелось нам, тоже будете честно и добросовестно выполнять все, что положено солдату. Тоже скажете, что это обыкновенная работа, которую должен выполнять каждый советский человек».

С каждым днем у меня накапливалось все больше и больше материалов о Вере Волошиной, и перед мысленным взором все отчетливее вставал образ этой замечательной девушки — комсомолки, смелой разведчицы, верного друга и товарища.

И я понял, что не имею права молчать. Все, что мне удалось узнать о Вере Волошиной и ее боевых товарищах, нужно рассказать людям, нашей молодежи, для которой их жизнь и героическая борьба с врагами должна стать примером служения Родине.

БЕДА ВОШЛА В ДОМ

В то морозное февральское утро еще ничто не предвещало приближения весны. Дома на Индустриальной утопали в глубоких сугробах, почерневших от угольной пыли. К весне эти сугробы осадут, а черные пылинки, согретые солнцем, продырявят их до самой земли. И будут они стоять по обе стороны улицы, приземистые, ноздреватые, с каждым днем оседая все ниже и ниже, пока не исчезнут совсем.

А пока в городе хозяйничает зима. Широкая Томь надежно закована льдом, а вдоль набережной порывистый ветер перекатывает поземку, пытаюсь соорудить причудливые сугробы и сугробчики.

Улица в эту раннюю пору совершенно пустынна, лишь в самом конце ее маячит нескладная фигурка девочки-почтальона. Ее здесь и ждут и боятся одновременно.

Подойдя к дому, Клавдия Лукьяновна привычно заглянула за оконный наличник, куда девочка-почтальон обычно клала ей письма от Веры. Но там, как и все эти последние дни, было пусто.

Молча открыла дверь и вошла. Свет уже можно не зажигать — за окном совсем стало видно.

Небольшая, аккуратно убранная комната. И все же здесь чувствуется запустение. На стенах много фотографий Веры и ее друзей. Они задорно улыбаются, и среди этого замершего веселья, смеха и улыбок одиноко стоит уставшая после двухсменной работы мать.

Напротив двери на тумбочке большая карточка Веры. Глаза ее искрятся улыбкой, словно приглашают разделить какую-то большую радость.

«И чего ты радуешься, Веруська? — думает мать. — Словно не знаешь, что вот уже два месяца от тебя нет писем...»

Устало опустившись на табурет, Клавдия Лукьяновна долго сидит не раздеваясь. В комнате холодно. Муж, очевидно, опять не ночевал дома. Все время на заводе, война ведь.

Отдохнув немного, Клавдия Лукьяновна принимается растапливать железную печурку. Согревшись, она снимает пальто, повязывает передник и начинает хлопотать по хозяйству.

Это была еще не старая худенькая женщина, из тех, кого у нас по-хорошему называют хлопотуньями и чистюлями. Темные волосы гладко причесаны и собраны на затылке в тугий узел. Серые глаза ее, очевидно, в молодости были голубыми, как и у дочери, но, видно, время и постоянная тревога последних лет наполнили их скорбью и затаенной грустью.

В дверь тихо постучали.

— Войдите! — поспешно отозвалась Клавдия Лукьяновна, все это время жившая в тревожном ожидании.

На пороге показалась девочка-почтальон. На ней был большой полушубок и мохнатый, все время сползавший на глаза треух. Торопливо порывшись во множестве отделений своей уже опустевшей сумки, девочка достала прямоугольный конверт и несмело протянула его Клавдии Лукьяновне.

Предчувствие беды сжало сердце матери. Ведь Вера всегда присылала ей письма, сложенные солдатским треугольником. А тут еще и незнакомый почерк на конверте...

— А вы не волнуйтесь, тетя, — испуганно пролепетала девочка, заметив, как мертвенная бледность залила лицо Клавдии Лукьяновны. — Может, там хорошие вести? Вот я вчера принесла такое же письмо Семеновым, что напротив живут. Те так перепугались! А в письме была благодарность командования. За их сына, Николая. Он теперь герой, разведчик! Даже «языка» привел...

Девочка еще о чем-то говорила, говорила, боясь остановиться. И в то же время ее быстрые глазенки следили за руками Клавдии Лукьяновны. Вот она осторожно надорвала конверт и достала небольшой листок, отпечатанный на пишущей машинке...

И хотя письмо начиналось теплыми, задушевными словами командира, далее шло страшное:

«...Ваша дочь, Волошина Вера Даниловна, пропала без вести при выполнении боевого задания в тылу врага».

В глазах матери потемнело, тупая боль сжала сердце, а потом сразу стало темно и тихо, словно она провалилась в бездну...

Очнулась уже в постели. Возле был врач, встревоженные соседи. Вызвали с работы мужа. Сидел он чуть поодаль, на табуретке, устало положив большие кисти рук на колени. И ему, как и матери утром, все так же радостно улыбалась с фотографии Вера...

А маленькой вестницы несчастья уже нет в доме. Она идет с опустевшей сумкой по улице и безутешно плачет. Слезы текут по щекам и тут же замерзают тоненькими ледяными дорожками.

Не плачь, глупая! Что поделаешь, если тебе выпала такая незавидная доля — приносить в дом людям не только радость, но и горе? И трудно сказать, что чаще. Ведь уже который день идет война, тяжелая и беспощадная...

Может, не одолела бы Клавдия Лукьяновна свалившееся на нее горе, если бы не люди, окружавшие ее, да работа, которая требовала так много душевных сил.

Уже несколько часов спустя после тяжелого известия ей надо было идти на дежурство в детскую консультацию. Там ее, старшую медсестру, ждали дети. И какое им дело до того, что сейчас война, на которой каждый день погибают люди, их отцы и старшие братья... Всю горечь утраты они поймут потом, повзрослев. А сейчас, несмышленные, они улыбаются, что-то лопочут на своем наречии и тянут ручонки к этой женщине с добрыми и грустными глазами.

Вот эти детские ручонки и поддержали в трудную минуту, а доверчивые глаза малышей, казалось, заглядывали в самую глубину души, не давая ей окаменеть, ожесточиться. Она, Клавдия Лукьяновна, нужна была им, потому что жизнь вопреки всему продолжалась!

Так возле чужих детей и не остыло сердце матери. Только как-то сразу, за одну ночь, она поседела, а в глазах навсегда застыли скорбь и недоумение. Она никак не могла примириться с мыслью, что ее Веруськи уже нет среди живых. «Может, вернется еще?» — думала она и каждый день, возвращаясь с работы, с волнением всматривалась в темноту улицы — не горит ли и в ее окне свет? Чем ближе к дому, тем торопливее шаги и чаще стучит сердце. А думы, беспокойные думы бегут еще быстрее. Может, Вера нежданно-негаданно вернулась с дальней дороги, и стоит только переступить порог, как она, ее девочка, возмужавшая и повзрослевшая, бросится к ней навстречу...

А потом они будут долго сидеть обнявшись, и Вера, как в детстве, прижмется головкой к коленям матери и, запрокинув лицо вверх, будет смотреть на нее счастливыми, немного лукавыми глазами...

Вера, наверное, уже сняла с себя военную форму и сейчас перед зеркалом примеряет свое любимое платье. То, что сшили ей летом 1940 года, когда они вместе с Юрой Двужильным приехали на каникулы. А у порога стоят ее кирзовые сапоги, и тут же висит изрядно поношенная шинель с зелеными петлицами. Клавдия Лукьяновна никогда не видела свою дочь в военной форме, даже на фотографии. Почему-то ей всегда казалось, что у Веры обязательно должны быть зеленые петлицы. Как у пограничников...

Но дом, как всегда, встречал Клавдию Лукьяновну темными провалами окон, натруженным скрипом калитки и привычным

холодом настывшего помещения. Волошин опять не ночевал дома.

И все повторялось — надо растопить печурку, приготовить ужин и... ждать. Ждать вестей с фронта, которых уже не будет, мужа, все реже и реже ночевавшего дома, времени, когда надо снова идти на работу.

Так один за другим шли дни, недели, месяцы. А жизнь готовила Клавдии Лукьяновне новые испытания. То, о чем она лишь смутно догадывалась, подтвердилось. Муж полюбил другую женщину, и та должна была стать матерью.

Когда у той женщины родился сын, она, как и все молодые матери, однажды принесла его на консультацию к медсестре. Прием вела Клавдия Лукьяновна. Женщина не догадывалась, как тяжело было в это время грустной, молчаливой медицинской сестре.

В тот же вечер Клавдия Лукьяновна уехала на другую квартиру. На все уговоры и просьбы мужа отвечала твердо:

— Иди к сыну. У ребенка должен быть отец.

Поселилась она в маленькой четырехметровой комнатухе на окраине города. Взяла с собой Верину кровать, ее вещи. Повесила на стене фотографии дочери, сложила стопкой ее книги, тетради. И стала жить. И все время надеялась, ждала. А после работы в который раз перебирала ее вещи, книги, тетради. Подолгу сидела над фотографиями, разглядывая их, вспоминая.

Вот Вере пять лет. В темном платице-матроске стоит она перед фотообъективом, доверчиво раскрыв свои глазенки навстречу жизни. А здесь Вере десять лет, она училась в четвертом классе. А дальше были фотографии, сделанные в 7, 8, 9, 10-м классах, в институте... Открытки, письма Веры, репродукции с картин Третьяковской галереи, которые она присылала из Москвы. И на каждой из них надписи, сделанные ее рукой...

Как-то зимой, проходя мимо стадиона, Клавдия Лукьяновна остановилась у ограды и долго смотрела на школьников, катавшихся на коньках. А дома из-под кровати достала Верины коньки, стерла с них пыль, старательно соскоблила пятнышко ржавчины и, завернув в газету, снова спрятала. Пусть лежат... Может, еще пригодятся.

У всех знакомых и незнакомых военных настойчиво выпытывала, что означают эти три слова «пропала без вести». А те не скупилась на рассказы о том, как часто на войне пропавшие без вести, бывает, спустя много месяцев и лет возвращались к своим...

Надежда помогает жить людям. И Клавдия Лукьяновна ждала,

надеялась, верила.

По ночам часто просыпалась. До рассвета лежала с раскрытыми глазами и, всматриваясь в темноту, думала, вспоминала. Так день за днем и прошла перед ней вся жизнь, с ее радостями и печальями.

ДОМ НА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ

Сейчас там, где до войны жили Волошины, раскинулись корпуса завода «Карболит». А раньше на этом месте были небольшие улочки, утопавшие летом в пышной зелени. И среди них бежавшая к Томи Индустриальная. Здесь и прошли детство и юность Веры.

Возвращаясь из школы, она обычно стучала в окно. Если получала оценку «отлично», то пять раз, а если «хорошо», то четыре. Бывали и короткие сигналы, и вслед за ними на пороге появлялась Вера, грустная и молчаливая, казалось, равнодушная ко всему. Но это длилось недолго. Вскоре она, прижавшись к матери а виновато заглядывая ей в глаза, рассказывала все, что случилось на уроке.

— Я, мама, сегодня не пойду на каток, — говорила Вера, упрямо тряхнув белокурой головкой. — Завтра обязательно исправлю. Вот увидишь!

И весь вечер сидела над книжками и тетрадями, шептала что-то, смешно хмурия лоб.

Первым не выдерживал отец, мастеривший в своем углу.

— Может, тебе помочь, Вера? — спрашивал он.

— Нет, дядя Володя, я сама!

Дядя Володя... Так она звала своего приемного отца. Родного не помнила, он погиб в гражданскую войну, вскоре после того как она родилась. С приемным отцом с детства у нее установились своеобразные отношения. Он — и отец и «дядя Володя», с которым можно запросто отправиться на рыбалку, искупаться в Томи и рассказать о своих детских проказах, о том, чего не решалась рассказать матери. Как старшему, хорошему другу, которого любишь и которому очень-очень веришь. Ведь он в гражданскую был красным командиром, командовал ротой. И Вера очень гордилась своим отцом, дядей Володей, который знал много-много, мог не задумываясь ответить на все ее «почему». Еще бы! Ведь он работал механиком на коксохимзаводе.

Вера с родителями.

Вот и сейчас дядя Володя хочет помочь решить ей задачку с двумя неизвестными. Но с сегодняшнего дня Вера начала «новую жизнь» — решила во всем разбираться сама. А то получится, как у Светы Васильевой: она сегодня так и не смогла у доски объяснить задачу, которую решала дома.

— Это хорошо, Васильева, что ваши родные знают математику, — сказал ей Михаил Николаевич, — но надо и свою голову иметь на плечах. Садитесь, «плохо»...

Нет, у Веры своя голова на плечах, она обязательно сама решит задачу!

И вот наконец, кажется, получилось.

— Мама! Дядя Володя! Решила, сама решила! Все сошлось с ответом!

— Дай-ка, дочка, я проверю, — пряча улыбку, говорит отец. И пока он, вооружившись карандашом, проверяет ход решения, девочка с волнением следит за ним.

— Все правильно, — говорит отец. — Молодец, Вера!

Он обычно скуп на похвалу, знает ей цену. Но сегодня надо — дочка одержала свою первую победу. Маленькую, каких еще будет

много. Но эта первая, от которой зависит многое...

А на следующий день раздалась торопливая дробь в окно, и сразу же на пороге появилась ликующая Вера.

— Мамошка! «Отлично»!

В школе любили девочку-непоседу. Старшие — за трудолюбие, внутреннюю собранность и прямоту, а малыши за то, что она не «задавалась», всегда держалась с ними как равная. А главное, за то, что не давала малышей в обиду. Правда, ей нередко попадало от мальчишек, но Вера никогда не жаловалась. Заметив у дочки синяки, Клавдия Лукьяновна только вздыхала. Знала, что, очевидно, опять сражалась с мальчишками, но не хотела об этом рассказывать. Только однажды прорвалось: вбежала с улицы раскрасневшаяся, возбужденная:

— Вот я ему сейчас надавала! Будет знать, как задираться!

— Кому это, дочка?

— Петьке Горе. Все пристаёт, за косы дергает...

Повзрослев, занялась самовоспитанием — вырабатывала характер, закаляла волю. Однажды в октябре все девочки ее класса пришли в школу в легкой одежде. Это Вера придумала конкурс на закаливание...

Она хорошо каталась на коньках, лыжах. Любила спускаться с ледяных гор на куске фанеры или же просто на сумке с книгами. А однажды поспорила с мальчишками, сказав, что съедет на лыжах с крыши сарая, стоявшего на краю глубокого оврага, занесенного снегом. Те, конечно, не поверили. Тогда она, подхватив под мышку лыжи, полезла по лестнице на крышу. Забралась на самую вершину, стала на лыжи и, оттолкнувшись, стремительно понеслась вниз и тут же с головой скрылась в сугробе. Когда Веру вытащили из оврага, она, отряхнув снег с шубки и закинув косы за плечи, сказала окружившим ее мальчишкам:

— Захотела и прыгнула! А вот вы попробуйте!

Охотников не нашлось...

Крепко досталось ей в тот вечер от Клавдии Лукьяновны. Но все же Вере показалось, что в глазах матери было что-то похожее на гордость за свою смелую дочку.

...Многое можно вспомнить за эти длинные зимние ночи. Тихо и темно в маленькой комнатухе. Вот так часто и лежит без сна Клавдия Лукьяновна до самого рассвета. Или же встанет, зажжет свет и, прислонившись к стене, молча смотрит на фотокарточку дочери. Долго-долго... А потом на востоке начинает алеть первая полоска зари — пора собираться на работу. Дел у нее прибавилось: война кончилась, и дети стали рождаться чаще...

Здесь, в Сибири, прошли детство и юность Клавдии Лукьяновны, опаленные гражданской войной. В 1919 году, в самое трудное время, родилась ее Веруська. А потом в эту сказочную даль Зауралья ворвалась новая жизнь, бурная и стремительная. Строились новые города, рудники, заводы. А их Щегловск, маленький уездный городишко, буквально на глазах превращался в один из крупнейших промышленных центров Сибири. Сюда приезжали тысячи и тысячи добровольцев: задорная комсомолия, демобилизованные красноармейцы, шахтеры, сталевары, строители, иностранные колонисты. И все это переплавлялось в горячем кипении наших советских будней, где каждый день — это стремительный прыжок в будущее.

Дети росли вместе с городом, его новыми шахтами, заводами, их тоже властно захватывала романтика трудового подвига. Они были свидетелями первых пятилеток, на их глазах создавалась новая, удивительная жизнь, которая свежим ветром врывается в каждую семью, никого не оставляя равнодушным. И как тут было не убежать после уроков на строительную площадку Кемеровской ГРЭС, где работало много удивительных машин и все так интересно, необычно? Или всем классом отправиться на строительство азотнотукового завода помогать взрослым? А сколько раз Вера с друзьями работала в новом городском парке на берегу Томи, где они своими руками сажали деревья, которые теперь стали такими большими и красивыми...

Вера очень любила деревья и даже утверждала, что они, как и люди, имеют свой характер, свою судьбу. Вот эту высокую ель с редкими ветвями она называла подростком, который очень торопится скорее вырасти, и поэтому все его одежды коротковаты, словно с чужого плеча. А вот эти две елочки — модницы. У них нарядные зеленые шубки и шишки у самых вершин, будто серьги. Чуть подальше береза, вся изогнувшаяся в поклоне. Вера называла ее ябедой и подхалимом. А вот эта елочка стоит печальная, опустив ветви. У нее, очевидно, большое горе...

Возле дома, где жили Волошины, был небольшой огород, и Вера с детства приучилась во всем помогать матери — сажала грядки, поливала, полола их, убирала урожай. У нее была даже отдельная грядка для различных опытов с растениями.

В доме постоянно жили несколько щенят, котят, черепаха и даже дрозд. Бездомных котят и щенят Вера подобрала на улице, раненого дрозда отняла у мальчишек, а черепаху девочке подарили матросы с парохода. Мать не мешала ее увлечениям. Требовала только, чтобы в доме был порядок. Понимала, что в

детях нужно воспитывать любовь ко всему живому. Плохой тот человек, кто не бережет деревья, животных. Сердце у такого холодное.

Со временем Вера все больше и больше помогала матери в ее домашних хлопотах. Пока мать на работе, Вера успевала убрать в комнате и переделать множество больших и малых дел. Но особенно она любила чистить картошку. Руки работают сами, а голова свободна — можно без конца думать о своих делах, мечтать или напевать свои любимые песни. Мать, вернувшись с работы и увидав ведро только что очищенной картошки, улыбалась:

— Опять, дочка, замечталась?

Но не корила ее за это — в ту пору картошка была, пожалуй, главной пищей семьи...

По вечерам, особенно зимой, у Волошиных обычно собирались гости — школьные друзья Веры, соседи. Приходили на огонек послушать сказки, которые очень интересно рассказывала бабушка, мать Клавдии Лукьяновны. И не беда, что иногда одна сказка затягивалась на несколько вечеров, — слушателям это нравилось. И взрослые и дети относились к ним серьезно, горячо переживали приключения сказочных героев.

...Тогда, в Кемерове, записывая рассказ Клавдии Лукьяновны о детстве и юности Веры, об этих интересных вечерах в доме Волошиных, мне припомнилось и мое детство, мои вечера сказок.

Было это зимой 1941 года, в глухой белорусской деревушке, затаившейся среди лесов и болот. Жили как на острове — ни наших, ни немцев. С войны пришло много мужчин: кто из окружения, кто из плена. Ждали чего-то, чутко прислушиваясь ко всему, что творилось вокруг. А по вечерам собирались у деда Сахона. Этот древний старик умел приготовить какой-то особенный самосад. Но главное, он знал множество интересных сказок.

Как сейчас, вижу трепетное пламя лучины, огоньки цигарок и сосредоточенные, заросшие лица.

А дед Сахон, поломавшись немного вначале (любил старик, чтобы его попросили), до поздней ночи рассказывал о приключениях Ивана — крестьянского сына, о его битвах со злым и коварным Змеем Горынычем и о Василисе Прекрасной, которую спрятал за семью морями и океанами в глубокой темнице Кощей Бессмертный...

Слушали молча, не перебивая, усердно дымя самокрутками. И словно не было войны на земле, будто жили мы в каком-то удивительном мире, населенном сказочными героями деда Сахона.

А потом снова улица, тихая и пустынная в этот полночный час. Все залито каким-то необычным, удивительно ярким светом луны: дома, заиндевшие на морозе деревья, дорога. И скрип лаптей на снегу — это по домам расходились мужчины. Шли молча, напряженно думая о чем-то. Ведь у всех в ту нелегкую пору было немало тревог и забот...

А весной, когда согнало снег, почти все наши односельчане подались в лес, к партизанам. У деда Сахона не стало слушателей, да и у нас, мальчишек, весной появились дела куда поважнее сказок...

* * *

Жизнь наша так устроена, что мы все время в делах своих и помыслах идем к людям. Со своей болью и радостью, со своими надеждами и планами. Все, что делается нами — для людей, да и мы сами лишь малая частица огромного человеческого моря, и лишь до тех пор мы люди, пока живем для них...

У каждого из нас бывает своя дорога в жизнь. Иногда очень легкая, с детства озаренная лучистым светом улыбок. Ты еще не успел по-настоящему ступить на эту землю, а у тебя уже десятки друзей, которым ты всегда почему-то очень нужен. Ты — неизменный участник всех детских проказ, без тебя не состоится ни один футбольный матч дворовой команды...

А бывает, что ты всегда оказываешься лишним. Все уже распределено, и тебе остается быть только зрителем. Можешь завидовать своим сверстникам, а можешь просто смотреть на все равнодушно. Твое дело!

Плохо, когда ты застенчив, неловок, не можешь постоять за себя. Над тобой сразу же начнут подшучивать безжалостные мальчишки, и среди них всегда найдутся мастера стукнуть по самому больному месту. Просто так, не думая, что это больно.

Пройдут годы, и ты, конечно, окрепнешь и сможешь постоять за себя, найдешь себе друзей и товарищей. Но на это уходит обычно много времени...

Вера росла тихой, застенчивой девочкой. Она могла часами играть одна, забравшись под стол или куда-либо в дальний угол. Вроде бы и хорошо — не озорная, послушная у Клавдии Лукьяновны дочь, но в сердце матери тревога. Нельзя же, чтобы ребенок привыкал к одиночеству, рос без людей. Надо было побороть ее застенчивость, помочь ей подружиться со своими сверстниками. И Клавдия Лукьяновна решила отдать Веру в детский сад, или, как тогда называли, на детскую площадку.

Детский сад внешне мало что изменил в жизни ребенка. Все так же Веруська играла одна в стороне от шумных детских забав, вроде бы безучастная ко всему. Но это только казалось. Из своего уголка девочка пытливо присматривалась к своим сверстникам, издали наблюдала за их играми. Вскоре в детском шуме можно было услышать и ее звонкий, радостный смех. А вечером, вернувшись домой, Вера с восторгом рассказывала о том, как сегодня интересно было у них на детской площадке...

Шли годы. Теперь уже Вера уверенней чувствовала себя среди сверстников, могла, если надо, постоять за себя. И как-то само собой получилось, что она стала особенно внимательной к таким же малышам, какой и сама была совсем недавно. Видно, понимала, как это важно, помнила, как к ней когда-то подошел хороший человек, поддержал и помог стать своей среди шумной детворы. Может, это был воспитатель, няня или такая же девчушка, как и она теперь. Кто знает!

А потом и школа. В классе тридцать девять мальчиков и девочек. Первые уроки, первые буквы на грифельной доске, первые слова, прочитанные дома бабушке, отцу, матери...

Вера среди школьных друзей. Справа — Юра Двужильный.

И Коля Ступников. Так звали его все, от десятиклассника до самого неприметного «первачка». Он был любимцем школы, этот высокий светловолосый юноша-спортсмен, преподававший урок физического воспитания.

Уроки... Как не подходит это слово ко всему, что делал в

школе Николай Ступников! Неутомимый затейник самых различных соревнований, прекрасный спортсмен и удивительно общительный человек, он был всегда окружен учениками, готовыми по малейшему знаку броситься выполнять его любое поручение.

Вы видели, друзья, соревнования в беге на пятьдесят метров самых маленьких — первоклассников? Посмотрите на этого раздумывавшегося, счастливого и гордого победителя соревнований. В его руках приз — коробка цветных карандашей, которую при всех вручил ему сам Коля Ступников! И поверьте, что спустя и двадцать лет после памятных соревнований ни одного карандаша этой памятной коробки не коснется лезвие ножа. Ведь ее вручил сам Коля Ступников!

Когда началась война, Николай Ступников добровольно ушел на фронт. Так же ушли на войну и многие его ученики-спортсмены, в которых он еще в школьные годы воспитывал самое главное — мужество и верность. Всей своей жизнью, всеми своими делами и помыслами.

Для Веры Волошиной, как и для ее одноклассников, Николай Ступников был гораздо больше, чем просто учитель. Как к светлому, яркому огню, к Николаю тянулись ученики, стараясь во всем быть похожими на него. И Вера буквально с первого класса с увлечением стала заниматься спортом. Стройная порывистая девочка с задорным блеском голубых глаз стала ближайшей помощницей учителя физического воспитания. Уже в третьем классе ее избрали членом спортсовета и поручили работу среди самых маленьких. А для этого ей надо было самой показывать пример во всем. И Вера с увлечением занималась в секции гимнастики, участвовала в самых различных соревнованиях. А зимой любила подолгу бродить на лыжах по полям, которые начинались сразу же за Нижней Колонией, или же в сосновом бору, что возвышался за Томью. Идешь неторопливо по сверкающему на солнце снежному насту наедине со своими мыслями. Можно думать вслух, можно, не боясь насмешливых улыбок друзей, запросто поговорить с белочкой, притаившейся на ветке, успокоить ее, а потом, поднявшись на пригорок, долго-долго смотреть на город, залитый красноватым светом заходящего солнца. Домой Вера возвращалась задумчивая, притихшая. И Клавдия Лукьяновна хорошо понимала состояние дочери: девочка была глубоко взволнована своей новой встречей с неповторимой красотой сибирского края. Зато на городской каток Вера всегда ходила вместе с друзьями. На катке нельзя быть одной, даже если бы хотела этого, не получится. Там шумно и весело...

Детство... Незабываемое и короткое, как весна в Сибири. Казалось, еще совсем недавно Вера была на детской площадке, ходила в первый класс. Она любила вместе с матерью работать на огороде, помогать дома по хозяйству. По вечерам всей семьей читали какую-либо интересную книжку, слушали сказки или отправлялись в кино. Часто бывали на городском стадионе и дружно болели за свою футбольную команду, которая в ту пору почему-то постоянно проигрывала.

Минули годы, и настала пора, когда Вера стала все реже и реже бывать с родителями. И хотя она, как и прежде, с большим доверием относилась к маме, рассказывала ей о себе, спрашивала, советовалась, Клавдия Лукьяновна, эта мудрая, все понимающая мать, знала, что в жизни ее Веруськи начинается что-то новое. К ней стали чаще заходить подруги, между девочками шел какой-то свой разговор, так не похожий на все, о чем они говорили раньше. А однажды, возвращаясь вечером с работы, Клавдия Лукьяновна увидела у своего дома Юрия Двужильного, одноклассника Веры, который очень смутился.

И мать поняла, что к ее дочери незаметно, без каких-либо напоминаний пришла юность. Ждала этого, знала, что ей придется еще о многом поговорить с дочерью, но все получилось не так, как думалось, гораздо раньше, чем ожидала. И поэтому с волнением и затаенной материнской тревогой следила она за первыми шагами дочери в этом новом для нее мире, где были свои радости и огорчения, свои неписанные законы дружбы, чести и товарищества. Какой будет ее Веруська, сможет ли сама разобраться во всем многообразии новых мыслей и чувств, сумеет ли она быть по-настоящему счастливой? А матери так хотелось этого...

На небольшом разъезде, где обычно скорый поезд не делает остановки, было пустынно. Только у будки стрелочника стояла молоденькая девушка в поношенной и явно с чужого плеча телогрейке. В руке, поднятой высоко над головой, она держала свернутый в трубочку желтый флажок. Когда поезд, гроыхая на стрелках, пронесся мимо будки, Вере показалось, что она увидела в глазах юной стрелочницы восхищение и то хорошее чувство, которое так не хочется называть холодным, несправедливым словом «зависть». Конечно, ей так же, как Вере, хотелось бы поехать далеко-далеко, вот так же стоять у распахнутой двери тамбура вагона и глазами, полными восторга, смотреть на все, что проносится мимо и остается где-то далеко позади. А ты летишь, словно в сказке, догоняя солнце, над тобою синее небо и белые-белые облака, которые паровозу зачем-то обязательно хочется заслонить от глаз клубами дыма...

Теплый ветер врывается в дверь, порывисто треплет белокурые волосы Веры. Она особенно хороша в этой белой кофточке, оттеняющей загоревшие шею и руки. В голубых глазах светится откровенное, безудержное счастье юности, которое у пожилых людей обычно вызывает теплую, немного грустную улыбку.

Да, Вера по-настоящему счастлива. Совсем недавно она закончила десятый класс и теперь едет учиться в Москву. На последней спартакиаде она завоевала звание чемпионки города по прыжкам в высоту. И вот сейчас в ее чемодане вместе с аттестатом об окончании десятилетки лежит направление в Московский институт физической культуры и спорта.

Ранним утром поезд подходил к Москве.

Проснувшись, Вера быстро собрала свои вещи, переоделась и прильнула к окну в радостном ожидании встречи с городом. Ей обязательно хотелось увидеть, как поезд пересечет ту незримую черту, за которой кончаются пригороды и начинается Москва.

На перроне, несмотря на ранний час, было много встречающих. Они бежали вдоль вагонов, заглядывали в окна, махали руками. И хотя Веру никто не встречал, ей было радостно оттого, что кругом так много цветов и улыбающихся лиц.

Тепло попрощавшись с попутчиками и легко подхватив свой небольшой чемодан, Вера направилась к выходу в город.

Вот и просторная Комсомольская площадь. Торопятся люди, обгоняя друг друга. А сколько вокруг машин! Недавно Вера прочла в газете, что в Москве все легковые автомобили старых

иностранных марок заменены первым советским легковым автомобилем «М-1», и она с интересом осмотрела одну «эмку». Машина ей очень понравилась.

Стараясь скрыть охватившее ее волнение, Вера вошла в вестибюль станции метро «Комсомольская». А потом выходила на каждой станции и подолгу бродила среди мраморных колонн, любуясь красотой подземных дворцов.

Наконец станция «Охотный ряд». Вера вышла на залитую утренним солнцем улицу. Слева, за зданием Исторического музея, виднелась Красная площадь. Сколько раз, слушая бой кремлевских курантов, она мечтала побывать на Красной площади, у Мавзолея Владимира Ильича Ленина! И вот ее мечта сбылась!

У входа в Мавзолей на посту стояли два молодых красноармейца с винтовками. «Хотя бы одно мгновение постоять в почетном карауле у Мавзолея великого вождя», — подумала Вера.

...Только к десяти часам утра она приехала в институт, на улицу Казакова. Помещался он в красивом старинном здании, которое еще в 1793 году выстроил знаменитый архитектор Казаков. На фронте главного корпуса — надпись крупными буквами: «Добро пожаловать, будущие студенты!»

В просторной комнате, где заседала комиссия, абитуриенты с тревогой поглядывали на молоденькую девушку, сидевшую за столом. Перед ней была установлена табличка: «Секретарь приемной комиссии».

Девушке, очевидно, очень нравились ее исключительное положение и почтительность, с какой обращались к ней абитуриенты, словно в ее маленьких руках находилась судьба каждого из них. Для большей строгости она все время хмурила брови, коротко задавала вопросы, что-то записывая в толстую разграфленную тетрадь, почти не устаивая взглядом подходивших к ней юношей и девушек.

И вот в руках Веры две бумажки — белая и синяя. Белая — экзаменационный листок. Синяя оказалась ордером в общежитие.

— У вас тоже девятая комната? — слышалось рядом. Вера оглянулась. Это ее спрашивала высокая девушка в спортивном костюме.

— Да, девятая.

— Здорово! Значит, жить будем вместе. Давайте знакомиться. Меня зовут Шура. Шура Горемычкина.

— Горемычкина? — улыбаясь, переспросила Вера, взглянув на пышущее здоровьем веселое лицо девушки. — Вам эта фамилия очень подходит.

Девушки рассмеялись.

— У нас, — пояснила Шура, — более половины села — Горемычкины. Говорят, от старого времени осталось это. Словом, наследие темного прошлого.

— Тогда надо менять фамилию.

— Выйти замуж? Ни за что!

Через несколько минут девушки знали друг о друге почти все. Обе увлекались спортом, любили стихи Маяковского, в Москву приехали впервые, и поэтому им надо держаться друг друга. Решили сегодня же побывать в Третьяковке.

— А завтра пойдем в МХАТ на «Анну Каренину», — предложила Шура. — Играл Тарасова и Хмелев. Хорошо?

— Хорошо, согласна. Да, постой, — вдруг вспомнила Вера. — Ведь нам послезавтра первый экзамен сдавать!

— Верно! А я-то совсем забыла. Давай, Вера, будем готовиться вместе. Хорошо?

— Давай. С завтрашнего дня начнем новую жизнь. Подъем — в шесть утра. Физзарядка. Заниматься в день по десять часов с перерывами на завтрак и обед.

— Ой, Вера, зачем так строго? Ведь мы же не в армии.

В студенческом общежитии.

— Ну и что же, что не в армии? Можем же мы ввести для себя военное положение? Или ты хочешь вернуться домой?

— Что ты, Вера! Ни за что!

— Тогда садись и пиши: «Приказ № 1 по войскам, штурмующим крепость, имя которой «Вступительные экзамены»... А теперь пошли в кино, — предложила Вера, когда «приказ» был закончен и вывешен на видном месте. — В «Спартаке» идет новая кинокартина «Арсен». Говорят, очень интересная.

После кино долго бродили по улице Горького и даже покатались на двухэтажном троллейбусе, который недавно доставили из Лондона.

С Воробьевых гор девушки долго любовались городом.

— Наверное, здесь, где мы сейчас стоим, — сказала задумчиво Вера, — Герцен и Огарев давали свою клятву...

— Вера, расскажи мне о Сибири. Там, наверно, очень холодно?

— Что ты, Шура! У нас так хорошо! — И Вера стала рассказывать подруге о своем городе, где она родилась и выросла, о школе и друзьях. Ей очень хотелось, чтобы Шура хорошо представила себе Кемерово и полюбила вместе с ней Сибирь, ее неповторимую красоту.

— Как интересно, Вера, ты рассказываешь! Мне так хочется поехать работать в Сибирь! Давай после института вместе туда поедем!

— Хорошо, но для этого нам еще надо поступить в него.

Девушки весело рассмеялись.

Над городом неторопливо опускался их первый московский вечер. В небе загорались звезды, ветер совсем затих, и было хорошо слышно, как на вокзале пытит трудолюбивая «кукушка», подавая иногда короткие сигналы. Откуда-то доносился приглушенный шелест, напоминавший шум старого леса. Это по асфальту Калужского шоссе шелестели сотни автомобильных шин... Издалека доносились и другие, приглушенные расстоянием звуки. Они сливались в стройную, еще незнакомую симфонию жизни столицы.

* * *

Раннее утро. В комнате, где теперь живут Вера, Шура и еще четыре девушки, тихо. Молчит и репродуктор, который Вера, ложась спать, просила не выключать.

— Почему не выключать? — недоуменно спросила одна из девушек. — Ведь радио будет мешать. Оно же начинает говорить в шесть часов.

— А я и хочу, Нина, встать в шесть.

— Так рано? Вот еще выдумала!

— У нас в Кемерове в это время уже не шесть, а десять часов.

— Ну, это у вас, в Кемерове. А нам-то зачем так рано вставать?

— Как зачем? — удивилась Вера. — Ведь к экзаменам надо готовиться! Давайте, девочки, присоединяйтесь к нам с Шурой, и вместе начнем новую жизнь.

— Нет уж, меня уволь от такой жизни. По утрам я люблю поспать! — послышался ответ.

...Когда в репродукторе тихо щелкнуло и раздались первые звуки позывных, Вера вскочила с постели и, выключив радио, стала торопливо одеваться.

— Шура! Вставай! — принялась она будить подругу. Но, видя, что та никак не может проснуться, рывком сдернула с нее одеяло. — Вставай, соня, а то водой оболью!

Угроза подействовала.

Ежась от утренней прохлады, девушки побежали к пустынному стадиону.

— Давай сегодня два раза пробежим вдоль стадиона, — предложила Вера, — завтра — три, послезавтра — четыре и так каждый день на круг больше. Согласна?

— Согласна, — без особого энтузиазма ответила Шура, — но только уговор — не больше десяти кругов в день.

— Ладно. Когда дойдет до десяти, посмотрим.

— Тебе, Вера, следует записаться в секцию художественной гимнастики, — посоветовала Шура, когда девушки возвращались в общежитие. — У тебя все очень красиво получается, каждое движение. Правда!

А в комнате по-прежнему было тихо. Стараясь не шуметь, подруги убрали кровати, умылись и, усевшись у окна, начали заниматься.

Первой проснулась Аня.

— Ну, как ваша «новая жизнь»?

— Знаешь, как здорово на стадионе! — воскликнула Шура.

— А знаете что, девочки, — сказала Вера, видя, что все уже проснулись, — давайте будем вместе заниматься!

На следующее утро в девятой комнате в шесть утра раздалась бодрая команда «Подъем!» — и через минуту с веселым шумом девушки выскочили из комнаты и, обгоняя друг друга, побежали к стадиону...

Девушки решили: всем сдать вступительные экзамены! Все было теперь подчинено этому короткому энергичному девизу, ставшему для каждой из них неписаным законом. Хотя нет, такой закон был написан: подруги одобрили «Приказ № 1», составленный Верой и Шурой, и скрепили его своими подписями.

Теперь они всегда были вместе: на стадионе, в столовой, в библиотеке, в спортзале, у двери аудитории, где одна из них сдавала экзамен.

Девушки помогали друг другу.

За день до экзамена устраивали «научную конференцию». Так они называли занятия, на которых окончательно приводились в систему их знания.

Обычно такие конференции затягивались до поздней ночи. Ведь их, семнадцатилетних, волновали не только законы Ньютона и теоремы Пифагора...

И кто знает, может быть, благодаря «новой жизни» все они успешно овладели крепостью «Вступительные экзамены» и были зачислены на первый курс.

Вера послала домой восторженную телеграмму: «Ура Принята Целую Вера».

Сколько радости приносят письма, которые с разных концов страны присылают Верины школьные, институтские и фронтовые друзья! Вот и сегодня пришло письмо из Тбилиси. Пишет его Александра Сергеевна Алиханова, преподаватель физкультуры одной из средних школ столицы Грузии. А когда-то это была просто Шура, Шура Горемычкина, студентка Московского института физкультуры...

Еще и еще перечитываю строки письма, вдумываюсь в каждое слово, стараюсь представить себе все то, что было более двадцати лет назад.

...Сразу же после выборов в Верховный Совет первокурсники уехали в зимний спортивный лагерь, в десяти километрах от Серпухова. В вагоне пригородного поезда, как всегда в таких случаях, рассказывали смешные истории, пели студенческие песни.

Со станции до лагеря шли на лыжах, прокладывая лыжню через поля и небольшие перелески, запорошенные первым, еще не слежавшимся снегом. Солнце светило приветливо. Вера шла впереди группы. Лицо ее разрумянилось на ветру, из-под шапочки выбивались светлые волосы, заиндеветшие на морозе. Девушку радовало это солнечное утро, синее, без единого облачка небо над головой и эти безбрежные просторы полей и лесов, одетые в белый, искрящийся наряд.

Наконец показался лагерь. Несколько бревенчатых домиков тесно жались друг к другу на краю небольшой поляны. Почти вплотную к ним подступали огромные мохнатые ели. На своих могучих лапах они бережно держали целые сугробы снега. А в их высоких вершинах даже в самую тихую погоду шумел ветер, и казалось, что еловый бор тихо, задумчиво поет колыбельную песню зиме, так покойно уснувшей на его могучих ветвях.

«Как красиво! — с восхищением подумала Вера. — Все здесь напоминает тайгу».

Торжественную тишину зимнего леса нарушили звонкие голоса. Сняв лыжи и рюкзаки, студенты принялись устраиваться на жилье. А когда вечером окна домиков засветились огнями, вся поляна как-то сразу преобразилась, стала приветливее.

Все, что окружало теперь Веру, удивительно напоминало ей лыжные походы, в которые она вместе с друзьями отправлялась в зимние каникулы. Как в таежных избушках охотников, пахло смолой и свежим сеном. За окном, залитые лунным светом, стеной стояли деревья. Их темные ветви, словно лапы гигантских

чудовищ, потревоженных светом и шумом, угрожающе шевелились.

Вере очень нравились ночевки в тайге. Она привыкла к глухому шуму деревьев, научилась распознавать голоса зверей, подражать им. С увлечением девушка училась читать испещренную следами снежную карту, а на привалах затаив дыхание слушала рассказы лесников и охотников.

Любила она спускаться с крутых склонов, когда дух захватывало от быстрой езды и ветер свистел в ушах, а навстречу, подпрыгивая на ухабах, стремительно неслись деревья, кручи, овраги. Подчиняясь ее воле, лыжи вздымали тучи снега на крутых поворотах, легко взмывали над сугробами и стремительно мчались по прямой. Вера с радостью чувствовала, что в эти короткие мгновения она может быстро принимать решения, не теряться перед неожиданно возникающими препятствиями и что ее воле подчиняются и эта бешеная скорость, и свистящий ветер, и все, что стремительно несется навстречу, расступается, чтобы дать ей дорогу...

* * *

Один за другим шли дни лагерной жизни. Каждое утро после завтрака студенты уходили на тренировку. Разбившись на группы, под руководством преподавателей почти до самого обеда отрабатывали приемы хождения на лыжах. И только минут за тридцать до окончания занятий Александр Петрович, старший тренер, разрешал студентам покататься по «свободной программе». С шумом и смехом они карабкались на крутую гору, спуститься с которой считалось высшей доблестью. Дух захватывало от этой крутизны, и не каждый, глянув вниз, решался съехать. Для многих спуск уже в самом начале превращался в «свободное падение».

В последние дни Вера чувствовала, что ей нездоровится. Болела голова, ломило в суставах. «Неужели простудилась? — с досадой думала девушка. — Этого еще не хватало. А еще сибирячка!» И Вера решила никому не говорить о своем недомогании. Но сегодня, вернувшись с занятий, она почувствовала себя особенно плохо. Кружилась голова, и острая пронизывающая боль отдавалась в позвоночнике.

Ее окружили встревоженные подруги.

— Что с тобой, Верочка? На тебе лица нет!

— Ничего, девочки, пройдет. Я, наверное, немного простыла.

Веру уложили в постель и старательно укрыли.

— Что вы делаете? — слабо сопротивлялась девушка. — Так вы меня совсем больной сделаете. Ведь я же завтра обязательно встану.

Но приехавший на следующее утро врач, осмотрев Веру, сказал Александру Петровичу: «Надо немедленно отправить в больницу. Положение очень серьезное. Боюсь, что могут быть неприятные последствия».

Когда Веру увозили в Москву, она, виновато улыбаясь, говорила друзьям:

— Ничего, ребята, я скоро поправлюсь и вернусь обратно.

...Маленькая палата, в которой она лежит уже второй месяц. Встать Вера не может: грипп дал осложнение на ноги, и теперь она прикована к постели.

Сколько передумано за эти долгие дни и ночи! С какой надеждой каждое утро девушка встречает главного врача, стараясь в его глазах прочесть что-либо утешительное! Сможет ли она снова заниматься спортом, учиться в институте? Ведь идет уже второй семестр, и ее друзья приносят в больницу книги, учебники, помогают ей готовиться. Вера чувствовала, что от нее все что-то упорно скрывают, словно не желая ее огорчить. Она читала это в глазах подруг, которые, рассказывая последние институтские новости, старались делать вид, что не замечают болезни Веры. А Шура Горемычкина, особенно в последние дни, стала ей все чаще приносить книги, в которых рассказывалось о мужественных людях, обладавших несокрушимой волей.

«В чем же дело? — с тревогой думала Вера. — Неужели мои дела так плохи? Нужно прямо спросить обо всем у Вадима Николаевича».

Когда утром в палату вошел главврач, пожилой высокий доктор с маленькой аккуратно подстриженной бородкой, чем-то напоминавший Чехова, Вера сказала:

— Вадим Николаевич! Скажите правду — что со мной? Когда я буду ходить? Смогу я учиться в институте? Только говорите правду! Не бойтесь. Мне очень важно знать правду. Понимаете, правду!

Голос девушки дрожал, но глаза были полны решимости.

— Хорошо, Вера, я вам скажу все. — Вадим Николаевич присел на край кровати и ласково, по-отцовски погладил ее по голове. — Вы серьезно больны, и лечиться придется еще очень долго.

— А как же институт?

— В этом году вы, к сожалению, не сможете учиться. А потом, — главврач на мгновение задумался, внимательно посмотрел в глаза девушки, — почему вы решили учиться именно

в физкультурном? Ведь сколько есть других, не менее интересных профессий!

— Я понимаю... Значит, мне больше не придется в физкультурном...

— Не огорчайтесь, Вера, вы ведь так еще молоды и у вас все впереди. Будете учиться, заниматься спортом. Все будет хорошо.

И хотя Вера заранее готовила себя к худшему, то, что сказал Вадим Николаевич, глубоко потрясло ее. Как же она будет жить дальше? Ведь немисливо расстаться навсегда с институтом, со своей мечтой стать настоящей спортсменкой. Что же делать?

Волейбольная команда института. Третья слева — Вера Волошина.

Тягостное раздумье прервала Шура Горемычкина. Немного помолчали. Вере почему-то не хотелось говорить подруге о том, что ей сказал Вадим Николаевич. Она взяла небольшую, изрядно потрепанную книгу, которую ей принесла Шура, и задумчиво стала листать страницы.

— «Как закалялась сталь»? Ведь я же ее, Шура, столько раз читала...

— А ты еще раз прочти. Понимаешь? Когда мне почему-то трудно бывает, я всегда перечитываю Островского.

И вот Вера осталась одна. Взяла книгу, стала перелистывать знакомые страницы... И перед ней снова как живой встал ее любимый герой Павка Корчагин, теперь как-то особенно дорогой и близкий.

В книге оказалось немало строк, старательно подчеркнутых чьей-то рукой. Вере очень нравилось читать такие книги. Перечитывая строки, подчеркнутые незнакомым человеком, девушка старалась представить его себе, понять, почему именно эти строки взволновали читателя.

Вот и сейчас на одной из страниц она прочла: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной». А рядом карандашом было написано лишь одно слово: «Правильно!»

Этой же рукой были помечены страницы, где рассказывалось о том, как в Шепетовке белополяки казнили Валю Брузжак и ее товарищей. Вера с волнением прочла их.

«У виселицы прокурор военный и высшие чины. Вывели из тюрьмы наконец Валю и тех двоих товарищей, что к повешению. Взялись они все трое под руку. Валя в середине, сил у нее идти не было, товарищи поддерживали, а она прямо идти старается, помня слова Степанова: «Умирать надо хорошо». Без пальто она была, в вязаной кофточке...

...Когда были недалеко от виселицы, запела Валя. Не слышал никогда я такого голоса — с такой страстью может петь только идущий на смерть. Она запела «Варшавянку»; ее товарищи подхватили. Хлестали нагайки конных; они били их с тупым бешенством. Но они как будто не чувствовали ударов. Сбив с ног, их к виселице волокли как мешки. Бегло прочитали приговор и стали вдевать в петли. Тогда запели мы:

Вставай, проклятьем заклейменный...»

Ком подступил к горлу девушки, слезы застилали глаза, мешая читать.

«А я смогла бы так умереть, как Валя?» — думала Вера. Она положила книгу на тумбочку у изголовья.

«Умей жить, и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной». Эти слова звучали как боевой приказ, который мог отдать лишь человек, всей своей жизнью завоевавший на это право...

* * *

Так случилось, что Вася Худолеев и Володя Сотников не

смогли уехать учиться вместе с друзьями. Они устроились работать учителями в своей же школе и готовились поступить в институт в будущем году. Было также решено, что учиться они обязательно будут вместе.

Часто приходили письма от Веры. Она рассказывала друзьям о своей студенческой жизни и приглашала приехать в Москву. «Вы обязательно сдадите здесь экзамены, — писала Вера, — только хорошенько подготовьтесь». Последнее письмо из Москвы пришло в конце декабря, а потом Вера надолго замолчала. «Наверно, новая жизнь закружила, — подумали друзья. — А потом и зимняя сессия началась — не до писем теперь».

Но шли дни за днями, а писем от Веры все не было. Однажды Худолеев прочел в «Комсомольской правде», что при Московском институте кооперативной торговли открываются подготовительные курсы.

— Давай, Володя, поедem в Москву, — предложил Худолеев другу. — Ведь это то, что нам надо. На курсах мы сможем лучше подготовиться в институт.

— Хорошо, едем, — согласился Сотников. — Давай сообщим Вере. Пусть встретит.

Сборы в дорогу были недолгими. На следующее утро друзья отправились на вокзал. Из Челябинска дали Вере телеграмму. Но, приехав в Москву, они прождали ее напрасно более часа на перроне Казанского вокзала. Вера почему-то не пришла.

— Может, она не успела получить телеграмму? Поедем к ней в институт, — предложил Володя.

Наконец разыскали институт, общежитие. Вот и комната, где живет Вера. На стук вышла девушка.

— Вам кого? — спросила она, с любопытством рассматривая ребят. — Веру Волошину? Да ведь она два дня тому назад уехала домой.

— Как домой? — удивились друзья. — Ведь в институтах еще идут занятия.

— А вы разве ничего не знаете? — И девушка рассказала о болезни Веры и о том, как однокурсники провожали ее домой.

Ребят очень огорчило все, что они узнали. «Как это могло случиться? Ведь Вера была такая закаленная», — с горечью думали они. И теперь друзья почувствовали себя особенно одинокими в этом большом незнакомом городе. Они ведь только потому решились поехать в Москву, что здесь была Вера. А теперь...

Словно догадавшись об их грустных мыслях, девушка сказала:

— Вы не огорчайтесь, ребята. Вера поправится и снова

приедет в Москву. А вы куда? В кооперативный? Давайте я вас провожу, а то не найдете. Это где-то далеко, на Волоколамском шоссе...

А через несколько дней Валя, так звали девушку, привезла ребятам письмо от Веры.

«Вы извините меня, ребята, что так получилось, — писала она. — Как жаль, что выше застали меня в Москве. Но ничего, я написала девчатам, чтобы они взяли над вами шефство».

О своей болезни Вера писала в шутливом тоне.

«Теперь меня лечит отец, — сообщала она. — Вы ни за что не догадаетесь как. Электричеством! Я, оказывается, могу быть неплохим дополнительным сопротивлением. Так что дело пошло на поправку».

Вера даже нарисовала электрическую цепь и себя в виде «дополнительного сопротивления». И хотя письмо было веселым, друзья поняли, как сейчас трудно Вере. В этот же вечер они отправили ей большое письмо о своих делах, о том, как идут занятия на подготовительных курсах.

«Как поправишься, — писали они, — приезжай обязательно в наш институт. Будем учиться вместе».

Ребята подробно рассказали о торгово-экономическом факультете, на который они решили поступить, о профессии экономиста.

«А спортом, — писали они, — можно заниматься и у нас. Здесь чудесный спортивный зал, а наша сборная — одна из лучших в Москве».

О многом передумала Вера, получив это письмо. Стать хорошим экономистом — ведь это так нужно сейчас! И учиться вместе с земляками...

Тем временем здоровье восстанавливалось, она начала ходить и вскоре уже играла в волейбол с друзьями. Но врачи категорически запретили ей продолжать учебу в институте физкультуры: произошли какие-то изменения в сердце, не дававшие ей возможности стать профессиональной спортсменкой. Тяжело было навсегда расстаться со своей мечтой. В эти трудные дни девушка часто вспоминала слова хорошего человека — дяди Васи, которого она встретила в больнице: «Надо не о себе думать,

дочка, а о людях, среди которых живешь. Тогда любое дело будет спориться в руках... Главное — быть человеком, жить для людей...»

Но как это сделать? Как найти свое место в жизни?

В середине июля Вера написала письмо в Москву.

«Мальчики, решила ехать к вам, в кооперативный.
Обо всем расскажу, как приеду. Так что встречайте!»

И вот снова Москва, Казанский вокзал... Веру встречали Володя, Вася и Петя Гора, который тоже поступал в институт — в Педагогический имени Ленина.

— Теперь нас здесь целое войско сибиряков, — шутила Вера, здороваясь с друзьями.

* * *

Вот и остался позади последний вступительный экзамен. С радостью Вера узнала, что она, Вася Худолеев и Володя Сотников зачислены на первый курс.

Поселилась в просторной светлой комнате со своими новыми подругами Ниной Цалит, Мариной Сониной и Валею Пичкур. Четыре железные кровати, четыре стула, стол, этажерка для книг и две тумбочки — вот и вся обстановка. Но уже на второй день комната преобразилась. Репродукции с картин, салфетки на тумбочках, книги, красивая домотканая скатерть и букет полевых цветов, безукоризненная чистота и порядок придали комнате уютный вид.

Девушки быстро подружились и уже несколько дней спустя удивлялись, как они могли раньше жить друг без друга. Решили создать коммуну, и у каждой нашлось дело по душе. Нине, как будущему бухгалтеру, поручили «казну». В нее шли стипендии и все те посылки и денежные переводы, которые иногда присылали родители. Бюджет коммуны был строго рассчитан, особенно в его расходной части. Нина ввела железную экономию, и напрасно Марина Сониная, любившая по воскресеньям приготовить подругам что-либо особенное, выпрашивала несколько рублей для какой-то необыкновенной приправы. Из всех таких «конфликтов» Нина всегда выходила победительницей: на ее стороне была неумолимая логика цифр. А когда, в бюджете образовывался дефицит, девушки по вечерам и в воскресные дни работали: перебирали капусту, картофель, а иногда вместе с ребятами ходили на станцию разгружать вагоны.

В бюджете коммуны, кстати, предусматривалась и

специальная статья на культурно-массовые расходы. Девушки вместе бывали в театрах, кино, на выставках и концертах. Позднее, правда, это правило не всегда соблюдалось: у каждой из них появились друзья среди студентов, и теперь, провожая кого-либо на свидание, подруги отдавали «ренегатке» свои лучшие вещи. А Нина, которую под горячую руку Марина не раз называла и Плюшкиным и Гобсеком, вручала подруге деньги.

— Это тебе для материальной независимости.

Естественно, у каждой из подруг были свои интересы, увлечения, по-разному воспринимали они прочитанные книги, новые кинокартины и спектакли. И часто далеко за полночь затягивались жаркие споры, иногда девушки даже обижались друг на друга. Но обиды проходили быстро, забывались, и они опять весело шумели, пели любимые песни. Особенно хорошо их пела украинка Валя Пичкур. Ее красивому, задушевному голосу тихо вторили задумчивые голоса подруг. На вечерние концерты в 381-ю комнату часто приходили Володя Сотников, Вася Худолеев и еще кто-либо из однокурсников. Вначале они только слушали, но потом голоса юношей один за другим вплетались в песню, наполняя ее новой силой, и песня звучала раздольнее.

Вера часто рассказывала подругам о своем городе, показывала фотографии, читала письма родных и друзей. И теперь не только ее подруги, но и многие однокурсники хорошо знали, какую пьесу ставит Кемеровский театр, когда будет построен новый мост через Томь и сколько кокса ежедневно выдает коксохимзавод.

А в институте шла обычная студенческая жизнь. Вера старательно записывала лекции, подолгу готовилась к семинарам в лабораториях, читальном зале. Но ее не покидало чувство неудовлетворенности. Все время почему-то казалось, что она взялась не за свое дело. Вера часто задавала себе вопрос: «Правильно ли я сделала, поступив в торговый институт?» Ей трудно было смириться с мыслью, что ее ждет скучная, сидячая профессия экономиста. Ведь не об этом она мечтала, заканчивая десятый класс! Теперь весь день ей придется просиживать за канцелярским столом, составлять различные графики и под треск арифмометров пересчитывать массу всевозможных цифр. Какая скука!

Решение поехать в кооперативный институт пришло как-то неожиданно, сразу. Страстно хотелось учиться, быть рядом с друзьями, идти вперед и с радостью ощущать это движение. Тогда она особенно не задумывалась над своей будущей профессией и не представляла ее себе по-настоящему. А теперь?

«Правильно ли я сделала? — думала с тревогой. — Свое ли

место заняла в институте?»

Своими сомнениями Вера поделилась с земляками. Они часто собирались вместе в комнате ребят. Приезжал Гора. Вместе обсуждали свои дела, обменивались новостями и просто вспоминали свой родной город, школу, друзей.

Горячая приверженность Володи и Васи к институту, к своей будущей профессии во многом помогла Вере. Но все же настоящая уверенность в том, что она правильно сделала, избрав профессию экономиста, пришла гораздо позднее.

Еще с детства Клавдия Лукьяновна приучила Веру делать хорошо любую работу. В школе эту привычку Вера перенесла на учебу. Сколько радости доставляла ей решенная задача, хотя пришлось посидеть над ней почти весь вечер! И вот теперь в институте, изучая товароведение, экономику торговли, статистику и другие специальные предметы, девушка упорно старалась проникнуть в глубь предметов, казавшихся такими неинтересными, скучными. И выходило, что торговая статистика, это удивительное нагромождение цифр, помогает глубже заглянуть в самые сложные процессы движения товаров, понять закономерности торговли. А ведь, зная закономерности явлений, можно активно вторгаться в жизнь, переделывать ее.

С каждым днем занятия становились интереснее, и постепенно приходило чувство какого-то внутреннего равновесия. Теперь Вера с интересом перечитывала не только всю рекомендованную литературу, но и другие специальные книги и журналы.

— Знаешь, Марина, — как-то сказала она подруге, — какое хорошее, радостное чувство всегда испытываешь, когда ты не просто готова к семинару, а глубоко, по-настоящему, разобралась в теме! Можно спорить, отстаивать свою точку зрения, убеждать других! А ведь очень легко убеждать в том, что ты хорошо знаешь. Правда?

Но где-то в глубине души все же не растаял окончательно холодок сомнения. «А может быть, все это — лишь увлечение самим процессом учебы, а не настоящий интерес к предмету?» — думала девушка. Ей очень хотелось поговорить обо всем с Александром Николаевичем Соколовым, секретарем партбюро института. Александра Николаевича очень уважали студенты и между собой называли «папашей». Рабфаковец, сам прошедший трудную школу жизни, секретарь хорошо понимал жизнь студентов, умел дать дельный совет, всегда был готов прийти на помощь в трудную минуту.

Однажды, когда Веру зачем-то послали в партком, она, немного поколебавшись, приоткрыла дверь кабинета Соколова.

В Серебряном бору. Осень 1940 г.

— Входите, Волошина. Что же вы там застряли у двери? — пригласил секретарь немного растерявшуюся девушку. — Расскажите, как вчера сыграли с МАИ?

Он словно не замечал ее смущения. Вера оживилась и стала рассказывать о встрече с женской баскетбольной командой авиационного института.

Александр Николаевич внимательно слушал, а когда она кончила, стал задавать ей вопросы о том, как проходила игра, причем он хорошо знал особенности игры каждой баскетболистки. Словом, шел настоящий профессиональный разговор. От недавнего смущения не осталось и следа. Незаметно разговор перешел на дела в группе, на курсе. Когда Вера собралась уходить, Александр Николаевич, пристально посмотрев в глаза девушки, спросил:

— Нравится ли вам, Волошина, будущая профессия, наш

институт?

Он словно догадался, зачем приходила она в партком. И Вера рассказала секретарю о своих сомнениях, о чувстве неуверенности в том, что она правильно выбрала профессию. Рассказала Вера и о том, как идут у нее дела сейчас.

— Да, положение у вас противоречивое. — В глазах его блеснули и сразу же погасли лукавые искорки.

Немного помолчали.

— Думаю, что чувство неудовлетворенности скоро пройдет. Да оно и сейчас уже проходит. Правда?

— Да, проходит, — согласилась Вера и рассказала о своем увлечении политической экономией и торговой статистикой.

— Вот видите, — обрадовался Александр Николаевич. — Я же вам говорю! На опыте проверено, что любое дело, если за него взяться с душой, приносит радость.

«Где же я слыхала эти слова? — думала Вера, выходя из парткома. — Да ведь это же тогда говорил Володя Сотников! Значит... Значит, и он был здесь, в парткоме? Тоже колебался? Ну, тогда, Володя, я тебе задам!»

В тот же день Соколов пригласил к себе Худолеева и Сотникова.

— Вам, товарищи, надо крепко помочь Волошиной, — говорил секретарь. — Сами понимаете, что ей сейчас трудно. Пришлось оставить институт физкультуры. В душе девушки идет ломка, и ей нужно помочь скорее стать на ноги. Втяните ее в общественную работу, дайте ей интересное, беспокойное дело...

А ТЫ ГОТОВ?

Казалось, что совсем недавно было это: и решение снова ехать учиться в Москву, в кооперативный, и встреча с друзьями на Казанском вокзале, и вступительные экзамены на первый курс торгово-экономического факультета.

А ведь с тех пор уже прошли целый семестр, первая экзаменационная сессия и даже две недели зимних каникул, которые девушки провели в Завидово, у родных Нины Цалит. И снова, сменяя друг друга, стремительно бегут дни за днями.

Кемеровцы, или, как их называли однокурсники, «наши сибиряки», быстро освоились с новой жизнью и с первых же дней учебы в институте с головой ушли в общественную работу.

Володю Сотникова на комсомольском собрании избрали секретарем бюро ВЛКСМ. Располагали к себе скромность Володи, умение со всеми держаться просто, сердечно. Он много читал, особенно книги по истории и теории военного искусства, хорошо рисовал, мастерски играл на гитаре, любил и хорошо знал музыку.

В Володе удивительно сочетались спокойствие, добродушие, обычно свойственные сильным людям, с неукротимой энергией и горячей юношеской взволнованностью.

Таким он был в институте и позднее на фронте, где сражался почти до конца войны. Майор Владимир Сотников погиб зимой 1945 года в боях за Будапешт...

Вася Худолеев несколько отличался от своего друга. Это был высокий стройный юноша с шапкой вьющихся темных волос, с веселым, задорным блеском глаз. Его, как и Володю, сразу же избрали на комсомольскую работу. Васин горячий темперамент, беспокойное стремление сделать комсомольскую жизнь живее, интереснее увлекали друзей, и у него всегда было много добровольных помощников, которые с энтузиазмом проводили соревнования, выпускали стенгазеты и молнии, готовили спектакли. И еще одно хорошее качество было у Васи — он как-то особенно хорошо знал жизнь своих товарищей: как они учатся, чем увлекаются, и умел дать дельный совет, вовремя помочь, поддержать, а если надо, то и одернуть.

Сложнее было отношение однокурсников к Вере. Жизнерадостная, красивая сибирячка нравилась многим товарищам. Но девушка как будто ничего не замечала и со всеми держалась одинаково просто, сердечно. Наиболее настойчивым своим поклонникам Вера давала понять, что им следует оставить ее в покое. И делалось это обычно с подкупающей простотой и

искренностью. Но Вера иногда могла быть резкой, беспощадной. Ее голубые, светившиеся дружелюбием глаза могли быть колючими, холодными как сталь, а голос, звонкий и веселый, — суровым и негодующим.

Вера неутомимо стремилась к знаниям, ей хотелось все прочитать, увидеть, понять. С завидной последовательностью знакомилась она с достопримечательностями Москвы, изучала теорию искусства, историю средних веков и древнегреческую философию. Ее полка на этажерке всегда была полна самых разнообразных книг и журналов. Книги были в тумбочке, в чемодане и даже под матрацем.

— Зачем тебе все это? — недоумевали подруги, видя, что Вера с увлечением читает много книг, которые не имели никакого отношения к ее будущей профессии экономиста.

— Как зачем? — удивлялась Вера. — Ведь мне хочется все знать! Вот только я прочла книгу о Циолковском. Какой это замечательный человек! Представьте, он мечтал о том, что скоро к Луне, на Марс и другие планеты полетят люди! И он не только мечтал об этом...

И Вера восторженно стала рассказывать о выдающихся открытиях ученого, о космических кораблях будущего, о полетах к далеким звездам...

Незабываемыми были годы учебы Веры Волошиной и ее друзей в кооперативном институте.

Это были годы героических дел и свершений нашего народа. У всех еще была свежа в памяти волнующая эпопея спасения челюскинцев советскими летчиками Водопьяновым, Дорониным, Каманиным, Леваневским, Ляпидевским, Молоковым, Слепневым — первыми Героями Советского Союза. А потом — легендарный дрейф во льдах Ледовитого океана четверки папанинцев, перелет через Северный полюс в Америку двух советских самолетов, пилотируемых экипажами Чкалова, Байдукова, Белякова и Громова, Данилина, Юмашева.

А сколько радости, тревог и волнений пережили Вера Волошина и ее друзья во время полета на самолете «Родина» советских летчиц Марины Расковой, Валентины Гризодубовой и Полины Осипенко. Тогда по-настоящему и окрепло решение Веры во что бы то ни стало поступить в аэроклуб, научиться водить самолет, прыгать с парашютом. И она добилась своего. В сентябре 1940 года ее зачислили курсантом Московского аэроклуба имени Чкалова.

Тысячи дорог ждали наших юношей и девушек. Влюбленные в жизнь, они рвались к патриотическим делам, в далекие и еще не обжитые края. По призыву Валентины Хетагуровой, жены

офицера-дальневосточника, советские девушки-патриотки ехали на Восток, где со сказочной быстротой вырастали заводы, фабрики, электростанции, новые города.

Вскоре Вера Волошина и ее друзья-кемеровцы стали на курсе кем-то вроде главных консультантов по «восточным делам» — студенты расспрашивали их о Сибири, этом далеком и манящем крае. И многие, в том числе Марина Мони́на, Валя Пичкур и Нина Цалит, уже на первом курсе решили, что они, закончив институт, обязательно уедут работать в Сибирь. Так было решено еще на первом курсе: всегда быть вместе, вчетвером...

А за рубежом в это время все ярче и ярче разгоралось зарево военных пожаров, бушевавших в Китае, Абиссинии, Испании, Польше, Франции. Война все ближе подходила к нашим границам.

События международной жизни глубоко волновали студентов, неизменно были главной темой их споров. Вера пыталась разобраться во всем, что происходило, понять, почему фашистские войска, нигде не встречая серьезного сопротивления, победно шествуют по Западной Европе. Она внимательно читала газеты, военные журналы, на семинарах по политической экономии задавала вопросы по экономике Германии, хотела понять, как могло случиться, что страны, разгромившие в 1918 году кайзеровскую Германию, сами же спустя всего лишь несколько лет вложили оружие в руки своего бывшего врага? И Вера все яснее, отчетливее видела, что это не какая-то роковая ошибка, а упорное стремление международного империализма направить фашистские орды на Восток, против Советского Союза. Об этом свидетельствовали многочисленные уступки Гитлеру, позорный мюнхенский сговор, отдавший Чехословакию в руки фашистов, отказ правящих кругов Англии, Франции от заключения с Советским Союзом пакта о коллективной безопасности. Тревога закрадывалась в сердце. «А что, если начнется война?» — думала Вера.

Она стала изучать военное дело. Записалась в стрелковый кружок и вскоре хорошо знала винтовку, станковый пулемет, револьвер. Во время летних каникул выучилась водить мотоцикл.

— Все это, девушки, может пригодиться, — говорила Вера подругам. — Мы должны ко всему быть готовы.

Однажды после занятий вся группа отправилась смотреть новую кинокартину «Человек с ружьем». Как обычно, показывали киножурнал. Это была иностранная кинохроника. Вступление фашистских войск в Париж...

Домой шли молча. Почему-то не хотелось говорить. Каждый переживал только что увиденное на экране.

Первой молчание нарушила Вера.

— Скажи, комсомольский секретарь, — обратилась она к Худолееву, — что ты будешь делать, если начнется война?

— Как что? — удивился Вася. — Уйду на фронт!

— На фронт? — переспросила Вера. — А стрелять ты умеешь, вояка? Это тебе не собрания проводить. По этой части ты у нас мастер.

— Я в кружке занимаюсь, — немного растерявшись, проговорил Худолеев. — Мы там винтовку изучаем.

— Вот утешил! — голос Веры стал непривычно злым, насмешливым. — Значит, с одной винтовкой думаешь воевать? Какой герой!

Друзья с интересом слушали, стараясь понять, к чему клонит Вера.

— Сейчас, Вася, мало знать винтовку, — задумчиво продолжала Вера. — Сам только что видел их в кино. Надо хорошо владеть и другими видами оружия, уметь водить мотоцикл, автомашину, прыгать с парашютом. Без этого сейчас нельзя.

— Ты, конечно, права, Вера, — согласился Худолеев и как-то по-новому, пристальней взглянул на шедшую с ним девушку, словно он только сейчас разглядел в ней что-то такое, чего раньше не замечал.

— А что, если собрать комсомольцев, — предложила Нина Цалит. — И пусть Вера выступит и скажет все, что только что говорила. Ведь она очень права. Надо сейчас готовиться к войне, тогда поздно будет...

А через несколько дней в актовом зале института шло открытое комсомольское собрание с повесткой: «Защита Отечества — священный долг каждого гражданина СССР».

С докладом на собрании выступила Вера Волошина...

* * *

Летом на каникулы Вера уезжала домой, в родной город. Сколько радости было у Клавдии Лукьяновны, когда ее повзрослевшая, возмужавшая Веруська входила с чемоданом в руке в маленькую комнату на Индустриальной улице!

Мать радовалась каждому приезду дочери и еще задолго начинала готовиться к нему. Иногда ей казалось, что Вера за эти годы стала как-то сдержаннее, спокойнее. Это и радовало и тревожило сердце матери. «Может быть, она отвыкла от нас, стариков, и ей здесь скучно?» — с тревогой думала Клавдия

Лукьяновна. Но, встретившись с ласковыми глазами дочери (словно та догадывалась о тревоге матери), Клавдия Лукьяновна успокаивалась. «Нет, она такая же, как и раньше. Серьезнее только», — с радостью думала мать.

Каждое утро к Вере приходили школьные друзья, и они вместе уходили купаться на Томь или же на стадион, где их школьный учитель физкультуры Николай Ступников теперь работал старшим тренером. И как в давние школьные годы, разбившись на команды, играли в волейбол, выступали на городских соревнованиях по легкой атлетике.

...Как быстро летит время! Казалось, что совсем недавно, забившись в угол, ее Веруська играла подолгу в детские, одной ей понятные игры. Хорошо помнит Клавдия Лукьяновна и тот день, когда Верочка впервые пошла в школу. За повседневными заботами как-то незаметно шли годы. На лице пролегли первые морщины, в волосах заблестели седые пряди, а ее девочка выросла и стала высокой стройной девушкой, чем-то напоминавшей ее молодость.

— Мама, ты меня не жди, ложись спать, — говорила теперь Вера, уходя вечером из дому. И Клавдия Лукьяновна ни о чем ее не спрашивала. Зачем спрашивать? Разве она не видит, как радостно светятся глаза дочери, когда она перед зеркалом надевает свое новое платье? А Юрий Двужильный, как и в школьные годы, почему-то стесняется заходить в дом и все так же стоит за углом соседнего дома, терпеливо поджидая Веру.

«Эх ты, мальчишка!» — с ласковой укоризной думает Клавдия Лукьяновна, заметив в окно его ладную, в форменном кителе, фигуру.

Юрий учился в Ленинграде, в институте инженеров Гражданского воздушного флота. А когда началась война с белофиннами, он добровольно вступил в лыжный батальон и ушел на фронт. Вера вспомнила, с каким волнением ждала она его коротких писем со штампом полевой почты! Иногда, очевидно написанные в перерывах между боями, письма становились длиннее, и Юрий в них рассказывал о своем солдатском житье-бытье. Но чаще всего вспоминал родной город, друзей, школу... О том, что каждый день думает о ней, как бережно хранит фотокарточку, которую Вера подарила ему на выпускном вечере, Юрий почему-то не писал.

Когда Вера впервые увидела на груди у Юрия орден Боевого Красного Знамени, она тихо спросила, словно не веря своим глазам:

— Ты правда воевал, Юра?

И, понимая, что задает наивный вопрос, как бы оправдываясь,

добавила:

— Я все время думала о тебе, но никак не могла представить, что ты на войне, что тебя могут убить...

Впереди — последний курс...

* * *

Вечер. Приглушенная расстоянием, доносится из сада музыка. С реки тянет прохладой. В небе загораются первые звезды.

Они идут вдоль набережной реки, совсем рядом Вера чувствует плечо Юрия. Немного повернув голову, вглядывается в его лицо, стараясь угадать, о чем он думает.

— Скажи, Юра, война будет обязательно?

— Странная ты, Вера! Ведь тебе же самой не раз приходилось

отвечать на такие вопросы, и ты сама хорошо все знаешь...

Но Вере непременно хочется знать, что об этом думает Юрий.

— Мне кажется, — задумчиво говорит юноша, — что война будет. Не знаю, когда точно, но будет обязательно.

— А как же пакт о ненападении? Ведь они же сами нам предложили.

— Это только на время. Фашисты не успокоятся. Вот увидишь. Там, в Финляндии, я видел их пулеметы, танки, пушки... Нет, Франции им мало. Рано или поздно, но они начнут.

— Ну и пусть! — В голосе девушки слышалось раздражение, решимость. — Пусть тронут, гады! Это им не Франция...

Немного успокоившись, уже тише Вера сказала:

— Если начнется война, я обязательно уйду на фронт...

Странно устроены люди! Зачем им сейчас думать о войне, когда так хорошо вокруг в этот прекрасный вечер... Ведь скоро они снова расстанутся, а Юрий так и не решается сказать ей о самом главном, о чем так хотелось написать с фронта. А ведь там, в Финляндии, он так много думал о Вере, и сердце юноши наполнялось радостью, счастьем. Ведь это так хорошо, когда на всем белом свете у тебя есть один человек, самый дорогой и близкий, которому хочется рассказать самое сокровенное. А по ночам, надев маскировочный халат, он уходил в разведку, оставив старшине роты все документы, недописанные письма и фотографию Веры. Уходя на задание, разведчики оставляют все.

И вот теперь они идут рядом, почему-то говорят о войне, а не о самом главном...

...В этот вечер долго бродили они по опустевшим улицам города, мечтали, пытались представить, что будет через год, когда они закончат учебу и уедут вместе далеко-далеко...

В день отъезда Веру и Юрия провожали родные, друзья. Чтобы скрасить минуты расставания, шутили, вспоминали забавные истории.

Но вот паровоз дал прощальный гудок, и поезд стал медленно отходить от перрона. Юрий, Вера, оба улыбающиеся, счастливые, стояли на подножке вагона и махали на прощание руками.

Такими и запомнила их Клавдия Лукьяновна на всю жизнь...

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Сдав летом 1941 года экзамены за третий курс, Вера Волошина и Нина Цалит уехали в Загорск на производственную практику. Работали они теперь в райпотребсоюзе: Нина — в бухгалтерии, Вера — в плановом отделе.

С первого же дня их зачислили в штат, выделили отдельные участки работы, за которые они теперь полностью отвечали.

Вначале было страшновато: а что, если не получится? Ведь это же их первая в жизни самостоятельная работа, за которую они даже будут получать зарплату!

Вере поручили составление квартального отчета о выполнении плана товарооборота. Нужно было не просто собрать воедино сводки, различные цифры, но и проанализировать их, выяснить, почему отдельные товары залежались на складах, почему некоторые магазины не выполняют плана. Во всем нужно было разобраться, сделать свои выводы и дать предложения.

Каждый день, уходя с работы, Вера, несмотря на усталость, чувствовала глубокое удовлетворение. Понимала, что ее работа нужна людям, она смогла разобраться в сложных вопросах торговли, увидеть, понять многие закономерности, о которых раньше только читала в учебниках или узнавала на лекциях и семинарах.

Часто Вера задерживалась после работы. Ведь нельзя же оставлять на завтра то, что нужно сделать сегодня! А то один день набегит на другой, и пойдет такая неразбериха...

Со всеми вопросами Вера обращалась к Ивану Петровичу Самокатову, начальнику отдела. Это был высокий седой человек, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Еще до революции он закончил Московское коммерческое училище, был одним из участников подпольной большевистской организации в Замоскворечье, воевал на фронтах гражданской войны, а в 1922 году был направлен на работу в торговлю. Тогда, в период ожесточенной борьбы с нэпманами, это был самый ответственный участок работы.

Влюбленный в свое дело, Иван Петрович с радостью передавал свои знания, опыт вот этой молоденькой упрямой девушке, которой обязательно хочется разобраться во всем.

«Эта девушка станет хорошим экономистом», — думал Иван Петрович, наблюдая за работой Веры. Однако, как и многие старые люди, скрывал свои чувства и был к ней особенно строг. Но Вера быстро поняла, что ворчливый, сердитый начальник планового отдела на самом деле очень добрый человек. Со

свойственным ей тактом девушка старалась не показать, что она разгадала слабость Ивана Петровича, и поэтому работала особенно старательно. Зато было очень радостно, сдавая работу, видеть, как из-под сердито нахмуренных бровей начальника одобрительно светились глаза.

Иван Петрович вышел из кабинета и увидел, что в опустевшей комнате, склонившись над столом, сидит эта упрямая девушка. Она что-то старательно стирала резинкой в отчете, а по нахмуренному лицу можно было догадаться: «Опять не сошлось!»

— Разрешите, Иван Петрович, я еще немного поработаю, — просила Вера, видя, что брови начальника недовольно сдвинулись. — У меня что-то никак не сходится одна цифра.

— Не получается, говорите? А ну покажите...

И вот уже две головы склонились над столом. Наконец ошибку нашли, и теперь в отчете все в порядке.

— Идите отдыхать, Вера, и чтобы больше не задерживались на работе. Понятно? Ведь какое чудное лето!

* * *

А лето действительно было чудесное. Стояли теплые, солнечные дни. Только к вечеру в синем, бездонном небе появлялись два-три белых облачка. С окрестных полей, где колосилась рожь и цвела гречиха, по вечерам ветер доносил тонкий медовый запах. За городом протекала речка, а чуть дальше начинался лес. Каждое воскресенье Вера и Нина с Валею и Мариной, которые приезжали к ним вечером в субботу, отправлялись на целый день за город. Но сегодня они нарушили свое обычное правило. Вера уговорила подруг сходить вместе в музей Троице-Сергиевской лавры. Сама она уже была там несколько раз.

22 июня. Солнечное, безоблачное утро. Легкий ветерок шелестит в вершинах столетних лип. Навстречу девушкам в одиночку и целыми семьями идут горожане. Ведь так хорошо летний день провести в лесу, на берегу реки!

— Чудная ты, Вера, — с недоумением глядя на подругу, говорит Нина. — Люди за город идут отдыхать, а ты нас тащишь в монастырь.

— А тебе, Нина, давно туда надо, — пошутила Вера.

Когда проходили мимо универмага, Вера вдруг предложила:

— Давайте, девочки, зайдем в магазин. Я там такое платье видела...

Белое шелковое платье, которое примерила Вера, всем

понравилось.

— Да ты как невеста в нем, — восхищенно сказала Валя. — Жаль, что до стипендии далеко...

И она вопросительно посмотрела на Нину — кассира.

— Сколько стоит это платье? — спросила Нина у молоденькой продавщицы. — Двести пятьдесят? Хорошо, мы берем его.

— Что ты, Нина, ведь это так дорого! — запротестовала Вера. — Где мы столько денег достанем?

— У нас, Вера Даниловна, — с шутливой серьезностью ответила Нина, — все есть. Не первый год в кассирах ходим.

Не слушая возражений Веры, Нина взяла аккуратно завернутую покупку и торжественно вручила подруге.

— Это тебе от нас всех подарок. Ведь ты же вправду у нас невеста. А насчет денег не беспокойся. Каждый месяц в кассе у нас всегда что-либо остается, и я собираю деньги на подарок каждой. А ты у нас первая.

Стараясь скрыть охватившее ее волнение, Вера пошутила:

— А я, признаться, Нина, думала, что твоей бухгалтерской душе чужды высокие порывы...

— И ты поэтому меня в монастырь решила упрятать, — в тон ей, улыбаясь, ответила Нина.

И вот наконец музей Троице-Сергиевской лавры. Тихо переговариваясь, бродили девушки по залам, восхищаясь удивительными творениями русских мастеров, подолгу останавливались у замечательных работ Андрея Рублева, скульптур Антокольского, рассматривали пожелтевшие от времени книги, памятники далеких столетий.

И в этой торжественной тишине как-то нелепо прозвучало короткое тревожное слово «война». Это крикнул вбежавший в зал сотрудник музея.

Не хотелось верить. До сознания никак не доходил весь страшный смысл этого слова. Ведь только сейчас, лишь несколько мгновений назад, все было спокойно, вокруг царила мирная тишина. «Неужели началось?» — билась тревожная мысль. На мгновение в памяти всплыли кадры иностранной кинохроники: разрушенные фашистскими бомбами кварталы Мадрида, Валенсии, Бильбао, самолеты с черными крестами над Нарвиком, Лондоном, Парижем, пылающие польские города и села, бесконечные потоки беженцев на дорогах Франции...

На улице у больших черных репродукторов стояли хмурые люди. Каждый из них думал и о себе, и о судьбе сотен тысяч людей, о судьбе Родины, и все, что еще вчера, даже сегодня утром, казалось таким важным в их жизни, как-то сразу поблекло,

отошло на задний план. Теперь всех волновал лишь один, самый важный вопрос: как там сейчас, на границе?

С первым же поездом подруги уехали в институт. Ведь шла война, и нужно было быть всем вместе!

Как неизнаваемо изменилась Москва за эти несколько часов войны! словно ветром сдуло с лица города его жизнерадостную улыбку. Он стал строже, суровее, собраннее. На стенах домов, на заборах появились первые военные приказы, плакаты, призывающие население города к спокойствию, организованности, революционной бдительности. Еще не просохла на фасадах домов черная краска, которой были нарисованы стрелы и написаны такие непривычные слова: «бомбоубежище», «газоубежище». На сквере у Большого театра артиллеристы устанавливали зенитные пушки, пулеметы, и вообще в городе появилось очень много военных, словно за эти несколько часов половина москвичей надела военную форму.

А в институте кипела работа. Учебный корпус и общежитие занимал военный госпиталь, а для студентов были отведены две соседние школы. В одной из них оборудовали лаборатории, кабинеты, а в другой — общежитие.

До позднего вечера студенты перевозили имущество, свои нехитрые пожитки и устраивались на новом месте. Но все теперь казалось таким ненадежным. Разве можно думать о лекциях, семинарах, лабораторных занятиях, если на границе идут бои! Каждому хотелось непременно уйти на фронт, на защиту Родины. Но оказалось, что нужно подчиняться строгому военному порядку, требовавшему, чтобы каждый оставался на своем месте. Как и в мирное время, работали фабрики и заводы, строились новые дома, прокладывались тоннели второй очереди метро. А Вера с Ниной снова должны были уехать в Загорск на практику. Этого требовала дисциплина...

На запад один за другим уходили эшелоны с войсками и боевой техникой. В коротких сводках Совинформбюро, которые передавались дважды в день, сообщалось о тяжелых оборонительных боях. Уже прошли на восток первые эшелоны с беженцами, платформы с оборудованием эвакуированных предприятий Минска, Бобруйска, Могилева... Чувствовалось, что с каждым днем война принимает все более ожесточенный характер и она будет не такой короткой, как это раньше казалось. Мужественно и сурово звучали первые песни Отечественной войны. Они звали советских людей на борьбу с врагом. Их пели красноармейцы, уезжавшие на фронт, ополченцы, маршировавшие по улицам города, юноши и девушки, отправлявшиеся на строительство оборонительных сооружений.

Вере особенно запала в душу песня, созданная поэтом Лебедевым-Кумачом, которую она услышала уже на второй день войны:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна —
Идет война народная,
Священная война!

Как всегда бывало в трудное время, партия обратилась к советским людям с горячим призывом теснее сплотить свои ряды, встать, как один, на защиту своего Отечества.

И Вера решила, что она непременно станет партизанкой, будет сражаться в тылу врага. Она узнала, что в ЦК комсомола уже начался набор добровольцев, но через несколько дней ее с группой студентов отправили на строительство оборонительных сооружений в прифронтовой полосе.

* * *

Раннее утро. Солнце где-то далеко за лесом, но его первые лучи уже позолотили края облаков, которые так и не успели вчера при попутном ветре скрыться за горизонтом.

На лесной опушке палаточный городок. Можно подумать, что это туристы остановились здесь на ночевку, как в доброе довоенное время. Но почему тогда у этого юноши, что идет между палаток, винтовка? Здесь же, у одной из палаток, лежат лопаты, кирки, ломы. Поодаль дымит полевая кухня. А через все поле, упираясь одним концом в край леса, извиваясь, тянется длинный противотанковый ров. Земля, выброшенная по обе стороны рва, еще не просохла. Потемнев от утренней росы, она цепко хранит следы вчерашней напряженной работы сотен людей, которые сейчас крепко спят.

Но вот из палатки вышла девушка и, взглянув на часы, что-то сказала часовому. Раздается звонкая, требовательная команда «Подъем», и сразу же тихая лесная опушка оживает.

После завтрака юноши и девушки разбирали лопаты, кирки, ломы и уходили на работу. Хорошо, если попадался песчаный грунт. А если глина, смешанная с мелкими камнями, как это было

под Дорогобужем? Словом, за эти два месяца Вера в совершенстве постигла профессию землекопа и теперь хорошо знала, какая земля в Витебской, Смоленской, Орловской областях. Без слов об этом говорили ее руки, покрытые сухими мозолями.

Работать было трудно. Часто приходилось рыть траншеи стоя по колено в воде. К вечеру все так уставали, что порой казалось: нет уже сил, чтобы выбросить еще одну лопату земли со дна глубокого рва. Но это только казалось. Откуда-то бралась сила, и они работали дотемна. А утром снова раздавалась команда «Подъем», и начинался новый трудовой день.

Как-то постепенно сложился твердый порядок дня, наладился лагерный быт студентов. Выработались и нормы поведения. Обычно ребята и девушки, что покрепче, работали на дне окопа, где было особенно трудно. Те, кто были послабее, отбрасывали землю, делали насыпи, брустверы, маскировали их.

Но такое разделение труда было условным. Ведь каждый уважающий себя юноша считал своим долгом работать там, где было труднее. Поэтому без особой дискуссии вскоре установилась очередь для работы внизу. Лодырей не было. Каждый старался сделать все, что мог. Ведь орудийная канонада доносилась все ближе и ближе.

Когда над полем, где работали студенты, впервые показался немецкий самолет, никто не думал прятаться. Сама мысль, что надо на своей земле прятаться от кого-то, казалась нелепой, унижительной.

Самолет — очевидно, это был разведчик — покружил и, развернувшись, скрылся за лесом. Примерно через час над полем появились три немецких самолета и сбросили несколько бомб, осколки которых тяжело ранили двух студентов.

Так постепенно входила война в сознание этих никогда не воевавших молодых людей. Тяжелая работа, многокилометровые переходы на новое место, налеты вражеской авиации, горящие города и села, бесконечные потоки беженцев на пыльных, разбитых дорогах Смоленщины — все это сделало строже, суровее молодые обожженные солнцем лица студентов. И может быть, здесь в их глазах впервые сверкнула настоящая ненависть к врагу, холодная как сталь.

...Упрямо стиснув зубы, шла Вера вместе с товарищами на восток. Лицо ее осунулось. Но она оставалась бодрой, жизнерадостной, рассказывала друзьям смешные истории, часто подходила к кому-либо из уставших друзей, молча брала вещевой мешок и, взвалив себе на плечи, шла рядом.

— Ну как, Нина, везет тебя твой «топтобус»? — улыбаясь, спрашивала у подруги. — Эх, хорошо бы сюда трамвай, нашу

дорогую «аннушку»! Правда? Вася, конечно, по старой привычке попытался бы проехать без билета, а Володя устроился бы на «колбасе»...

Однажды, это было уже недалеко от Вязьмы, Вера предложила друзьям:

— Давайте напишем письмо бойцам, которые займут наши окопы. До каких же пор будет тянуться отступление?

В обеденный перерыв на большом дубовом пне они писали письмо красноармейцам:

«Хватит, ребята, отступать. Дальше некуда. Ведь скоро уже Москва. Пусть этот окоп полного профиля и все другие сооружения, которые мы оставляем вам, будут последним рубежом. Нам хочется, чтобы отсюда вы перешли в наступление и погнали фашистских гадов с нашей земли...»

Письмо подписали, вложили в коробку из-под чая и оставили на бруствере только что вырытого окопа.

— Да, девочки, — спохватилась Нина Цалит, — давайте напишем наш адрес. Может быть, они нам ответят.

...Вот уже шестьдесят первая ночь тихо спустилась над необычным палаточным городком. Давно уже спят друзья Веры, а она, склонившись у костра, что-то пишет в потрепанную записную книжку. Возможно, это коротенькое письмо домой, а может быть, просто запись о минувшем дне.

БЕРУ ЕЕ В РАЗВЕДКУ!

В первых числах сентября студентов старших курсов отозвали в институт продолжать учебу. Вот что писала Вера своим родным, вернувшись в Москву:

«Вы, наверное, очень беспокоились обо мне. Ничего страшного нет. Я ездила по специальному заданию, как и все комсомольцы Москвы. Мы строили укрепления. Теперь идешь по Москве и видишь плакат: «Что ты сделал для фронта?» И чувствуешь удовлетворение, что что-то сделала...»

Но линия фронта все ближе и ближе подходила к Москве. С болью читала Вера в газетах сообщения о том, что после упорных боев наши войска оставили Смоленск, Ржев, Вязьму... Теперь бои шли на дальних подступах к Москве.

В город все чаще и чаще приходили эшелоны с ранеными красноармейцами. Их размещали в зданиях школ, институтов, в общежитиях и клубах, переоборудованных наспех под военные госпитали. Для спасения жизни бойцов нужна была кровь, много крови. И Вера вместе с подругами стала донором.

«Вы не пугайтесь, — писала она домой, — организм ничего не потеряет, если отдаст 200 граммов крови. Эти капли, может быть, спасут человеческую жизнь, а она нам сейчас так дорога...»

Вера, как и прежде, настойчиво просилась на фронт. Она каждый день бывала в военкомате, в райкоме комсомола. Здесь ее уже хорошо знали и обещали помочь.

Фронт все ближе и ближе подходил к Москве. 2 октября гитлеровцы начали генеральное наступление.

Вот в это грозное, тревожное время Вера узнала, что в ЦК комсомола работает комиссия, которая отбирает добровольцев на фронт. В тот же день с Ниной Цалит Вера поехала в ЦК комсомола. Марины и Вали не было в общежитии, они работали на одном из подмосковных военных заводов.

В просторных коридорах ЦК толпились взволнованные юноши и девушки. Они с нетерпением ждали своей очереди у двери кабинета, где работала комиссия. Каждого, кто выходил из кабинета, сразу же окружали тесным кольцом, забрасывали вопросами:

— Ну как, принят?
— О чем спрашивали?
— Кто там, в комиссии?
— Точь-в-точь как на экзаменах в институте, — пошутил кто-то.

Наконец пришла очередь Веры и Нины. Первой пошла Нина. Уже у самой двери она попросила подругу:

— Ты, Вера, ругай меня покрепче. Хорошо? Как в институте. Это мне всегда помогало на экзаменах...

Минут через десять, которые показались Вере целой вечностью, Нина выбежала из кабинета и бросилась к подруге:

— Верка, приняли!

Немного успокоившись, Нина быстро заговорила, наставляя подругу:

— Главное, не волнуйся, отвечай на вопросы спокойно, уверенно, — напутствовала она Веру. — Ну, Вера, ни пуха ни пера!

Вера улыбнулась и тихо, по студенческой привычке, ответила:

— Иди к черту!

В просторном кабинете вокруг стола сидели несколько человек. Большинство из них было в военной форме.

— Садитесь, — пригласил Веру Шелепин, секретарь горкома комсомола, когда та, стараясь скрыть охватившее ее волнение, по-военному четко назвала свою фамилию, имя, институт, курс.

— Вы знаете, Волошина, на какое ответственное задание вас могут послать? — спросил ее молодой белокурый военный с орденом Красного Знамени на гимнастерке.

— Да, знаю, — твердо ответила Вера.

Ей задавали самые разнообразные вопросы: о том, как она училась в школе, институте, какими видами спорта увлекается, имеет ли спортивный разряд, умеет ли стрелять, как знает немецкий язык.

— Скажите, — спросил в заключение Шелепин, — почему вы решили идти на фронт? Ведь и в тылу вы можете принести большую пользу.

— Я хочу сражаться против фашистов. Вот уже несколько лет готовилась к этому. Знала, что придется. — И девушка посмотрела на висевшую у стола большую карту, на которой синими и красными флажками была нанесена линия фронта.

Вера увидела, как потеплели глаза военных, и поняла, что она сдала свой первый экзамен.

Когда за ней закрылась дверь, командир формируемой части сказал:

— Молодец сибирячка! Такие не подведут. Беру ее в

Поздно вечером возвращались подруги в общежитие. Весь день они были заняты подготовкой к своей новой, необычной жизни: оформляли документы, подгоняли снаряжение и даже прослушали лекцию о формах и методах диверсионной работы в тылу врага. Отъезд был назначен на завтра, сбор у кинотеатра «Колизей» в два часа...

— А как же Валя, Марина? — волновалась Вера. — Неужели уедем, не повидав их?

Но когда девушки подошли к общежитию, Нина радостно сказала:

— Смотри, в нашем окне свет! Значит, приехали!

— Да, приехали. Что же мы им теперь скажем? Как объясним все, что случилось? Ведь они очень обидятся.

— Ничего, Вера, я им все объясню. А потом пусть и они завтра идут в ЦК. Их тоже примут.

Валя и Марина действительно обиделись не на шутку, узнав о таком «предательстве».

— А еще подругами называются, — с дрожью в голосе проговорила Валя. В ее глазах были слезы. И первый раз за все эти годы в комнате наступила тягостная тишина.

— Вы, девочки, пожалуйста, не обижайтесь, — волнуясь, начала Вера. — Ведь мы не думали, что так все быстро получится. Пошли узнать, хотели потом вместе с вами, а получилось, что завтра уже надо уезжать.

— Девочки, давайте же завтра вместе поедem в ЦК, — предложила Нина. — Вас обязательно возьмут. Вот увидите!

— Но мы завтра не сможем, — ответила Марина. — Нас почему-то вызвали в райком комсомола.

— В райком? Может быть, и вас берут? — спросила Вера.

— Не знаем, нам ничего не сказали. Велели быть к десяти утра.

В этот вечер девушки долго не ложились спать. Валя и Марина помогали подругам укладывать вещи. Не хотелось верить, что уже завтра Нины и Веры не будет здесь, в этой комнате. Вспомнилось все, что было связано с институтом, и как-то получалось, что память сохранила все самое светлое, радостное. А там, впереди, была зовущая и вместе с тем немного пугающая неизвестность. Ведь идет война, а девушки теперь знали о ней не только по книгам и кинофильмам.

— Когда мы встретимся после войны, — мечтательно проговорила Вера, — то снова будем жить вместе, в одной комнате.

— А Нина, как и прежде, будет у нас главным бухгалтером, — в тон ей продолжила Валя, — и Марина снова будет ругаться с ней из-за денег на петрушку и лавровый лист... А тебя, Вера, мы всей коммуной отдадим замуж, и наденешь ты на свадьбу то самое белое платье, что мы купили тебе в Загорске в первый день войны...

Утро. Давно уложены вещи в два больших рюкзака. Девушки, уставшие от бессонной ночи, не раздеваясь, прилегли немного отдохнуть, поставив будильник на девять часов....

Но их разбудил громкий стук в дверь. Гремя сапогами, в комнату вошли ребята — однокурники.

Милая Марина!
Война наступила день расста-
вания, о котором мы
раньше часто думали, но
не предполагали, что оно
будет в таких условиях.
Я уезжаю на фронт,
ты тоже уйдешь —
уедешь и увидишь
ли мои сироты-сироты.
Это будущее.
Самые прекрасные вещи
остаются у нас в памяти
до конца жизни, поэтому
это самые хорошие
годы.
Я все же пытаюсь на-
мечтать и искать всего
прекрасного и пытаюсь
написать что будет. Это
счастье.
Милая Марина, желаю
тебе самого хорошего.
Счастливого будущего.
Вера
1941 г.

Эту фотографию Вера послала своей подруге Марине Сониной перед уходом на фронт. Справа — надпись на обороте фотографии.

— Ну, девушки, не поминайте лихом, — сказал Вася Худолеев, — придется нам с вами расстаться, сердечные.

— Куда же вы собрались? — словно не догадываясь, спросила Нина.

— Как куда? Завтра уезжаем на фронт! — гордо сказал Дима Жданов, обычно застенчивый, скромный юноша. Он жил в одной комнате с Володей и Васей.

— На фронт, говорите? Вот удивили! — рассмеялась Марина. — А мы сегодня провожаем Веру и Нину. Через несколько дней и мы с Валеёй тоже уедем. И не шумим, не бахвалимся на все общежитие, как некоторые.

Увидев, что ребята растерялись от неожиданности, девушки рассмеялись.

— Это правда, Вера? — спросил Худолеев, но, взглянув на вещевые мешки, смущенно закончил: — Ну, тогда другое дело...

— А знаете, что я придумал? — заговорщически сказал он. — У меня созрела гениальная идея!

— Уже созрела? Тогда выкладывай.

— Вы когда, Вера, уезжаете? В два часа? Все ясно. В одиннадцать часов всем быть у ресторана «Спорт». Вопросы есть? Возражения? Принимается единогласно.

И вот в маленьком, уютном ресторане, где обычно студенты отмечали выдающиеся события в своей жизни или просто после стипендии заходили выпить по кружке пива, сидели будущие солдаты. Каждому хочется запомнить эти минуты навсегда, каждый отбрасывает от себя мысль, что кто-либо из друзей не вернется с войны. Кто может не вернуться? Ведь все они хотят жить, работать, учиться, все они мечтают о счастье.

— Давайте, друзья, — сказал, вставая во весь свой огромный рост, Володя Сотников, — выпьем за нашу победу над врагом, за то, чтоб все мы после войны встретились здесь же, за этим столом...

Четыре года спустя юноши и девушки в солдатских шинелях снова собрались в ресторане «Спорт». Как и тогда, были сдвинуты столы и по бокалам разлито красное вино. На том месте, где сидели 14 октября 1941 года Вера Волошина и Володя Сотников, тоже стояли приборы и в бокалах искрилось вино. Казалось, что они немного опаздывают и вот-вот войдут в распахнутую дверь...

Молча встали друзья и выпили, как было условлено четыре года назад, за нашу победу над врагом и за светлую память о тех, кто не вернулся с войны...

* * *

«Жаворонки» — так и сейчас называется небольшая железнодорожная станция под Москвой. При желании попасть туда легко — с Белорусского вокзала каких-нибудь тридцать

минут езды пригородным поездом. К станции со всех сторон подступает лес, окружая ее плотным кольцом. И только несколько проселочных дорог, извиваясь между деревьями, ведут к небольшим дачным поселкам, затерявшимся в лесной чаще.

В Жаворонках мало кто знает, что здесь, в одном из дачных поселков, осенью 1941 года размещалась воинская часть 9903 разведотдела штаба Западного фронта. Офицерам этой части в первые дни войны было поручено готовить и направлять в тыл врага разведывательные группы, всемерно содействовать развертыванию партизанского движения.

В такие группы зачислялись только добровольцы, прошедшие хорошую военную подготовку, способные выполнить любое задание командования. Большинство разведывательных групп поддерживали постоянную радиосвязь с Большой землей, имели широкую разведывательную сеть среди местного населения. Все это позволяло им собирать очень важные сведения о противнике и быстро передавать их советскому командованию. Кроме того, они совершали многочисленные диверсии на коммуникациях врага, тем самым оказывали большую помощь Красной Армии. В этой работе разведывательные группы часто взаимодействовали с местными партизанами, оказывали им всевозможную помощь — взрывчаткой, оружием, средствами связи, военными инструкторами. Позднее многие из этих групп выросли в крупные партизанские отряды, полки и соединения. Достаточно напомнить, что прославленные советские партизаны Заслонов, Линьков и многие другие ушли в тыл врага по заданию командования воинской части 9903.

Было бы очень интересно и полезно во всех деталях проследить боевой путь этой части, который начался в Белоруссии, недалеко от Бреста. По характеру и особенностям боевых действий его можно разделить на три периода — отступление, бои под Москвой и, наконец, действия разведывательных групп с января 1942 года и до конца войны. Это деление в высшей степени условно, но тем не менее оно дает возможность лучше разобраться в сложном калейдоскопе многочисленных боевых операций разведывательных групп.

Если при отступлении Красной Армии группы в значительной степени вынуждены были действовать самостоятельно и эффективность их работы зависела от собственной инициативы, то с января, а вернее, с весны 1942 года положение резко изменилось. Со всеми разведывательными группами была установлена и постоянно поддерживалась тесная связь, которая давала возможность умело направлять их удары по гитлеровцам, получать ценные сведения о противнике.

Особые задачи встали перед частью во время сражения под Москвой. В это время нужно было особенно широко развернуть диверсионную работу на коммуникациях немецко-фашистских войск, чтобы ослабить силу их последнего удара. И тогда на помощь пришли комсомольцы Москвы, Ярославля, Рязани, Тулы и других городов, изъявившие желание добровольно пойти на это опасное дело. В ЦК ВЛКСМ работала специальная комиссия. Она рассматривала тысячи заявлений, отбирала лучших из лучших.

А потом несколько дней боевой подготовки на станции Жаворонки, и комсомольцы-добровольцы небольшими группами уходили за линию фронта...

Вера Волошина, Нина Цалит и еще двадцать добровольцев прибыли на базу 14 октября. Это была одна из первых групп...

Прибывших разместили в большом деревянном доме, где до войны находился детский сад одного из московских заводов. Здесь все напоминало о довоенном времени, о безмятежной жизни детворы. И вот сюда, в этот залитый осенним солнцем мир, ворвалась война, вернее, то, что поминутно напоминало о ней. Выкрашенные белой краской детские кровати, и здесь же сколоченные наспех из неотесанных досок двухъярусные нары. Груды пестрых детских игрушек — и рядом ящики с гранатами, подсумки, противогазы, автоматные диски и коробки с лентами для станкового пулемета. Все смешалось и жило рядом одной жизнью: и далекий мир счастливого детства, и суровые будни солдат.

Занятия начались на следующий день, с восьми утра. До позднего вечера, с небольшими перерывами на обед и ужин, комсомольцы изучали оружие, учились хорошо стрелять, минировать мосты и переправы, пользоваться компасом и картой, бесшумно двигаться в темноте, — словом, всему, чего требовала нелегкая служба разведчика.

Вечерами по установившейся традиции юноши и девушки собирались у костра во дворе базы. Здесь они затаив дыхание слушали рассказы разведчиков, уже побывавших «там», по ту сторону фронта. А потом пели свои любимые песни. Чаще всего это были песни гражданской войны.

К костру всегда подсаживался пожилой военный, бригадный комиссар Никита Дорофеевич Дронов. За глаза разведчики называли его «батя». Участник трех революций, питерский рабочий, а позднее профессиональный военный, он прошел большую школу революционной борьбы. Незаметно комиссар включался в разговор, и вот уже юноши и девушки с волнением слушают его рассказ о годах революционного подполья, о встречах с В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, М. В. Фрунзе,

В. И. Чапаевым, о боях Красной Армии против Деникина, Колчака, Врангеля, о событиях недавних лет у озера Хасан, на Халхин-Голе, в Финляндии. Трепетное пламя костра освещало молодые взволнованные лица разведчиков, которым, быть может, завтра придется идти на свое первое в жизни боевое задание. И для некоторых оно, возможно, будет последним...

Тихо потрескивает угасающий костер. Уже перестало биться на ветру трепетное пламя, и только раскаленные угли еще светятся в темноте. Нетерпеливая ночь все ближе и ближе подбирается к огню. Но вдруг она откатывается назад — это неожиданно вырвалось пламя из-под угасающих углей. А через мгновение ночь снова устремляется вперед, стараясь довершить свое дело. Уж очень ей хочется погасить этот огонь, окутать тревожную землю непроницаемым мраком, словно не людям, а ей горько и обидно, что на земле пылает так много военных костров.

...Тревожным тихим сном спит лагерь разведчиков. Лишь командир и комиссар еще не ложились. Склонившись над картой, освещенной неярким светом керосиновой лампы, они в который раз уточняли маршруты, боевые задания группам, которым завтра предстояло уйти через линию фронта.

Нелегкое это дело — провожать в самое пекло войны совсем еще юных, необстрелянных бойцов, а потом с тревогой ждать их возвращения на базу. Смогут ли они выполнить боевое задание? Удастся ли им благополучно перейти линию фронта и попасть к своим?

И Вере Волошиной не спится в эту ночь. Завтра и она уйдет на боевое задание. С Ниной Цалит придется расстаться — их зачислили в разные группы. Нину в группу Герчика, а у Веры командиром будет Николай Смирнов, совсем еще молодой лейтенант. Очевидно, в часть попал сразу же после окончания училища...

Вера только что закончила письмо в институт, подругам. Ведь завтра она уже не сможет написать им...

«Милые Маринка и Валюша, — писала Вера. — Завтра у нас начинается новая жизнь. Вы долго не будете получать наших писем. Не сердитесь. Как только будет можно найти время, будем стараться писать. С Ниной мы будем не вместе, ну да так лучше. Когда встретимся, будет больше интересного... Вы, наверное, все же беспокоитесь о нас. Сильно не надо. Мы очень крепко вооружены. Если вы сейчас вооружены лопатой, то мы с Нинкой наганом, гранатой и еще кое-какими вещами. Нам выдали все обмундирование. Так что из нас

получились brave ребята.

Где вы? Что делаете? Живите дружной. Ты, Валь, поменьше ворчи на Марину, и наоборот.

Нинка здесь такая же обжора, и все забывает. Забывает даже пароль.

Письма посылайте по адресу: Полевая станция 736, п/я 14, Волошиной.

Тебе, Маринка, есть мне кое-что сказать из личного. Понимаешь? Маме я написала письмо. Если вам будет не трудно, напишите что-нибудь, ей очень будет приятно. Я ей написала, что ей может кто-нибудь написать из моих подруг. Узнайте, где Таня, Лера, Маша, напишите, а Нинка не подумает даже узнать.

Крепко целую обеих. Вера. 20.X—1941 г.».

Письмо это мне прислала из Куйбышева Марина Ивановна Фадеева (Сонина). Почти 18 лет бережно хранила она это единственное письмо Веры с фронта...

В группе, в составе которой 21 октября Вера уходила на боевое задание, было девять девушек, студенток московских вузов, и четверо юношей из Ярославля.

...Натруженно урча, вот уже который час пробирается «ЗИС-5» по размытой осенними дождями фронтовой дороге. Не раз разведчикам приходилось вылезать из кузова автомашины и вытаскивать ее из грязи. Наконец к вечеру прибыли на место. Линия фронта проходила восточнее Калинина, занятого немецкими войсками, по заболоченной равнине, поросшей кустарником. А дальше, на западе, темнела громада леса.

Командование части, на участке которой разведчикам предстояло перейти линию фронта, радушно встретило комсомольцев. Им отвели землянку, где можно было высушить промокшую одежду, накормили горячим обедом. Для прохода через боевые порядки фашистских войск была выделена группа разведчиков полка. С наступлением темноты они должны были провести комсомольцев по глухим лесным тропам в тыл врага. А для работы дальше, за линией фронта, был выделен проводник — местный житель.

И вот наступила ночь. Часто вспоминают бывшие разведчицы Жанна Манучарова, Саша Крапенкова охватившее их странное, непривычное чувство, когда они оказались на территории, занятой неприятелем. Ведь это наша, советская земля, а приходится скрываться, чутко прислушиваться к ночным шорохам, ровному шуму дождя, замирая при каждом подозрительном звуке...

Шли всю ночь. На рассвете сделали привал в густом молодом ельнике. Костра не разводили и, чтобы немного согреться, сбились в тесную группу, накрывшись от дождя плащ-палатками. Так и просидели остаток ночи, тихо разговаривая. Вспоминали довоенное время, рассказывали о себе, где кто учился или работал.

Наташа Обуховская, хрупкая темноволосая девушка, училась на втором курсе Московского технологического института легкой промышленности, Володя Прохоров работал на заводе, Иван Колесников — в пожарной охране города Ярославля, Жанна Манучарова и Саша Крапенкова пришли в отряд со второго курса института истории, философии и литературы.

Вера еще на базе подружилась с Наташей Обуховской, и теперь, в тылу врага, они всегда старались быть вместе. На привале, тесно прижавшись друг к другу, они тихо разговаривали,

вспоминая свою студенческую жизнь.

Уже совсем рассвело, но дождь, шедший всю ночь, не прекратился. Над лесом, почти задевая за вершины деревьев, плыли тяжелые облака.

Когда собрались завтракать, оказалось, что проводника нет. Поиски ничего не дали. Он исчез бесследно.

— Струсил, гад! — зло выругался Володя Прохоров.

— Да, товарищи, дела у нас неважные, — с тревогой в голосе проговорил Николай Смирнов, командир группы. — Надо что-то придумать.

— Давайте, ребята, скорее уходить отсюда, — сказала Наташа Обуховская, — Ведь проводник мог быть не только трусом, но и предателем.

— Правильно, — поддержала Вера подругу, — надо идти дальше. Поедим на ходу.

— А я думаю, товарищи, — начал было Смирнов, — что нам следует вернуться назад. Ведь нет проводника, и потом...

— Как «назад»? — перебила его Вера. — Ты думаешь, что говоришь? Немцы к Москве рвутся, а ты предлагаешь нам совершать прогулки туда и обратно. Нашел дураков!

— Но ведь у нас нет проводника, мы не знаем местности, — упрямо стоял на своем Смирнов, с тревогой оглядываясь по сторонам.

— Но у нас есть карта, компас. Найдем дорогу!

— Правильно, Жанна!

— А что это за командир, если он боится заблудиться?

Последняя фотография Веры.

— Ребята, надо назначить нового командира. Николай не может вести группу.

— Правильно!

И здесь же на коротком собрании комсомольцы решили отстранить Смирнова от командования группой. Командиром назначили Володю Прохорова, а Веру Волошину его заместителем.

И снова отряд двинулся на запад. К вечеру вышли на шоссе Старица — Калинин, по которому почти непрерывно двигались немецкие обозы. Послали разведку выяснить незаметные подходы к дороге, которую решено было минировать.

И вот оно, первое боевое крещение! К дороге уходят Иван Колесников, Наташа Обуховская и Вера Волошина. Остальные

залегли на опушке леса, чтобы в случае необходимости прикрыть огнем отход своих товарищей.

Томительно долго тянулось время. Наконец минеры вернулись.

— Порядок, — доложил командиру Колесников. — Минировали мост. Несколько мин поставили на обочинах дороги. Начнут метаться после первых же взрывов и обязательно на них наткнутся. Вот будет потеха!

— Молодцы, ребята! А теперь надо отходить.

Но Володе Прохорову не менее других хотелось своими глазами увидеть результаты первой диверсии. Поэтому он не стал особенно возражать, когда все единодушно предложили остаться.

Ждать долго не пришлось. Скоро в вечернем сумраке со стороны Старицы показалась колонна автомашин. Они шли с зажженными фарами, не опасаясь нападения самолетов. И вот первая машина въехала на мост. Вдруг блеснуло яркое пламя, осветившее все вокруг, а через несколько секунд донесся грохот взрыва. За ним последовал другой, третий. Скоро на дороге пылали автомашины, рвались цистерны с горючим, боеприпасы. Освещенные заревом пожара, с радостными лицами уходили комсомольцы в лесную чащу. А на дороге долго еще раздавались взрывы, беспорядочная стрельба и крики.

Первый успех окрылил комсомольцев. Они убедились, какую большую помощь Красной Армии может оказать их маленький отряд.

— Вот видишь, Николай, — беззлобно подтрунивали они над Смирновым. — А ты нам предлагал вернуться назад.

— А я что... Разве я теперь против?

...Так один за другим шли хмурые осенние дни, полные опасности и тревог. Но каждый день приносил радость от сознания того, что отряд наносит чувствительные удары по врагу. Уже немало немецких машин и повозок с боеприпасами, горючим, продовольствием подорвалось на их минах и не один фашистский захватчик нашел свой бесславный конец на калининской земле.

...Смелые действия разведчиков не на шутку всполошили немецкое командование. В поисках неуловимого отряда по дорогам и лесам рыскали каратели. Но комсомольцы всегда уходили от преследователей. И в этом им большую помощь оказывали местные жители.

Однажды днем разведчики зашли в небольшую деревушку, затерявшуюся в глухом лесу. Кругом было тихо, спокойно. Жители деревни радушно встретили комсомольцев, приглашали их к себе в гости. Вскоре в правлении колхоза, где остановились

разведчики, собрались женщины, старики, дети. На столе появилось сало, хлеб, молоко.

— Кушайте, детки! — приговаривала старая женщина, уголком платка вытирая слезы. — Может быть, и мои соколики вот так же, как и вы, где-нибудь ходят...

Вдруг в комнату вбежал мальчишка лет двенадцати.

— Немцы! Немцы едут с Макаровки! — крикнул он.

Лес был рядом, и уже через несколько минут разведчики были в безопасности. А в деревне слышался рокот моторов, крики, стрельба. Несколько пуль просвистело высоко над головами.

— Отделались легким испугом, — переводя дыхание, сказала Наташа.

— А могло быть гораздо хуже, если бы не мальчишка.

— Ах жаль, такой обед испортили, гады! — огорченно вздохнул Колесников.

— Не горюй, Ваня, — сказала Вера, — для тебя я специально захватила кусок сала и полбулки хлеба.

— Правда? Когда же ты это успела?

— А пока ты по огороду метался, искал, где бы перелезть через забор, — под дружный хохот разведчиков ответила Вера.

Теперь решили, что без крайней необходимости всему отряду в деревню не входить, посылать туда только разведку.

На рассвете группа подошла к небольшой, в несколько дворов, деревушке.

— Кто пойдет в разведку? — спросил Прохоров. В таких случаях он обычно посылал добровольцев.

— Я, — первой отозвалась Вера. Вместе с Верой пошел Иван Колесников. Они спрятали оружие под одеждой и, выйдя из леса, направились к крайней избе. На стук вышел высокий, крепкий старик. Он внимательно посмотрел на пришельцев.

— Мы, дедушка, — начала Вера, — работали под Калинином, окопы рыли. Теперь пробираемся к себе домой. Немцев у вас нет?

— Вчера были, но к вечеру уехали. Какой-то отряд все ищут. Говорят, партизаны объявились.

Еще раз взглянув на Веру и Ивана, старик молча повернулся и ушел в дом. Те с недоумением переглянулись и на всякий случай несколько отошли от крыльца. Вскоре старик вернулся, неся большой каравай хлеба и завернутый в газету ладный кусок сала.

— Это вам на дорогу, — сказал старик и, уже когда разведчики, поблагодарив, повернулись было уходить, добавил: — А оружие надо лучше прятать. Тоже мне еще вояки!

Хозяин, очевидно, был старым служакой, прошедшим не одну войну, и от его наметанного глаза не укрылось то, что у

пришельцев как-то подозрительно топорщилась одежда.

Можно было бы еще много привести примеров активной помощи, которую оказывали разведчикам местные жители. Так, с помощью калининских партизан, с которыми разведчики встретились, возвращаясь обратно, они благополучно 6 ноября перешли линию фронта в зоне одного из сибирских полков, занимавших здесь оборону.

Прохоров коротко доложил командиру полка о выполнении задания, сообщил разведывательные данные и попросил помочь вернуться на свою базу.

— А может быть, у нас останетесь воевать? — предложил присутствовавший при разговоре начальник штаба. — Нам очень нужны хорошие разведчики.

— Нет, товарищ майор, мы должны вернуться в свою часть.

— Жаль. Как говорится, насильно мил не будешь. Идите обедать и отдыхайте. Завтра утром отправим вас в Москву.

И вот они снова среди боевых друзей на базе. Две недели, проведенные в тылу врага, были большой и суровой школой, первым серьезным испытанием мужества. И комсомольцы выдержали его.

База разведотряда, которая теперь находилась в Кунцеве, жила своей обычной жизнью. Группы приходили и после короткого отдыха снова уходили на задания. Но бывало, что кто-либо из бойцов, а иногда и целые группы бесследно исчезали за линией фронта. Их сменяли новые добровольцы. О погибших товарищах вспоминали редко, но не потому, что о них забыли. Нет! Слишком сильна была у молодежи вера в жизнь, и рядом с ней не могли ужиться мысли о смерти. Пропавших без вести разведчиков ждали, верили, что они наконец вернутся. И так иногда бывало.

Как и прежде, после занятий собирались у традиционного костра, слушали рассказы о боевых походах, мечтали, спорили, пели любимые песни.

В ноябре в часть прибыло новое пополнение. Среди новичков были Леля Васильева, работница типографии «Искра революции», студентка Катя Пожарская, молодая учительница Клавдия Милорадова, ученица 9-го класса одной из школ Тимирязевского района столицы Зоя Космодемьянская.

Юность шла на решающую схватку с врагом.

Новички старательно овладевали профессией разведчика, а по вечерам у костра слушали рассказы товарищей, уже побывавших в тылу врага. То, о чем рассказывала Вера Волошина, обычно вызывало веселый смех. Под хохот друзей она показывала, как Иван Колесников застрял на заборе, удирая от

немцев, или как старик отчитал их за то, что они неумело спрятали под одеждой оружие... Слушая Веру, можно было подумать, что работа в тылу врага — увлекательное, интересное путешествие, полное необычных приключений.

Клаву Милорадову и Зою Космодемьянскую зачислили в одну группу с Верой. Порывистая, жизнерадостная Милорадова быстро освоилась с обстановкой, познакомилась с новыми товарищами и уже на второй день чувствовала себя на базе не хуже, чем в школе, где она недавно работала.

Сложнее все было у Зои Космодемьянской: в группе она оказалась моложе всех и долго не могла привыкнуть к своим новым друзьям. Держалась Зоя всегда в стороне, наедине со своими думами. Все это, конечно, беспокоило разведчиков — ведь скоро уже идти на новое задание, где судьба отряда зависит прежде всего от боевой дружбы, взаимной выручки. И каждому хотелось быть уверенным в своих товарищах. А тут эта новенькая...

Кое-кто из разведчиков предлагал сходить к командиру и попросить замену, но Вера возражала:

— Не горячитесь, ребята, Зое надо осмотреться, привыкнуть. Ведь не все так легко сходятся с людьми, как Клава. А потом Зоя прямо из школы. Чувствует себя моложе всех. Нам надо самим ее расшевелить, втянуть в жизнь группы.

Как-то после ужина Вера подошла к Зое. Вначале разговор не клеился, но постепенно девушки разговорились. Зоя рассказала о себе, о том, как она добилась, чтобы ее взяли в армию, о своем желании скорее уйти на боевое задание в тыл врага.

— Смогу я, Вера? Как ты думаешь? — спрашивала Зоя. — Мне так хочется стать настоящей разведчицей.

— Конечно сможешь. Только надо быть веселее, даже там, за линией фронта.

Вскоре девушки подружились, особенно после того, как Зоя узнала, что Вера сибирячка.

— Ведь и я жила несколько лет на Енисее, — радостно сообщила Зоя. — Отец и мать работали там в сельской школе.

Теперь девушки были неразлучны — на занятиях всегда были рядом, вместе сидели в столовой, и в казарме их кровати стояли рядом. После отбоя они еще долго шептались о чем-то в темноте.

— Хватит вам, сибирячки, — ворчал недовольно кто-нибудь из девчат. — Спать мешаете. Ведь завтра вставать рано...

Так и привилось, пристало к ним это слово — «сибирячки». Звали их так все: подруги, ребята из группы и даже их командир.

Кемеровская подруга Веры — Валя Кравченко (Савицкая).

— Где наши сибирячки? — обычно спрашивал он. — Передайте, что им сегодня заступать в наряд.

И, как всегда бывает, Зоя, сблизившись с одной из своих новых подруг, как-то сразу раскрылась вся. Исчезли ее замкнутость, застенчивость, она теперь всегда была с друзьями, нередко можно было услышать ее звонкий, задорный смех. Товарищи скоро почувствовали и оценили свойственные Зое прямоту, искренность, настойчивость и терпение. Она могла часами возиться с револьвером, автоматом, пулеметом, собирая и разбирая их, пока не научилась быстро и безошибочно устранять любые неполадки, или «задержки», как они назывались в наставлениях.

А однажды, зайдя в комнату к ребятам, она увидела, как Павел Проворов быстро собирал и разбирал револьвер с закрытыми глазами.

— Это очень важно для нас, разведчиков, — пояснил он Зое. — Ведь действовать придется там в основном ночью. Если

что случится, спичку не зажжешь...

И Зоя тоже решила научиться разбирать и собирать револьвер так, как Павел. После ужина она расстелила на кровати плащ-палатку, сняла сапоги и, поджав ноги по-турецки, приступила к делу. Вначале она разобрала револьвер не закрывая глаз. А потом, быстро собрав и проверив его, попыталась проделать все это с закрытыми глазами. Девчата, собравшись вокруг, ревниво следили: не подсматривает ли она.

Долгое время у девушки ничего не получалось. Один винтик она даже уронила на пол и потом долго искала его, ползая под кроватью. Подруги помогали ей.

Нашли наконец злополучный винтик. Думали, что утомонится Зоя, а она залезла на кровать и снова взялась за свое. В конце концов она научилась разбирать и собирать револьвер с закрытыми глазами и радостная, ликующая показывала свое умение подругам.

Так один за другим шли дни боевой подготовки разведчиков. Накануне ухода на новое задание Вере Волошиной разрешили на два дня съездить в Москву. Ей очень хотелось побывать в институте, узнать, где сейчас Валя и Марина. До города она доехала на попутной машине. Однокурсницы радостно встретили Веру. Серая солдатская шинель с голубыми петлицами, шапка со звездой, ремень, полевая сумка, сапоги придавали девушке воинственный вид, и это вызывало откровенную зависть подруг. В институте Вера узнала, что Валя и Марина спустя два дня тоже ушли в армию, в авиационную часть, стоявшую где-то под Рязанью. В опустевшей комнате общежития на столе Вера нашла коротенькую записку:

«Вера и Нина! Вот и мы тоже уходим в армию. Как жаль, что не придется быть вместе! Пишите нам обязательно. Встретимся, как было условлено. Крепко целуем. Валя, Марина».

А ниже стоял пятизначный номер полевой почты...

Прежде чем вернуться в часть, Вера решила побывать на Красной площади, где 7 ноября состоялся необычный военный парад. Пройдя торжественным маршем мимо Мавзолея В. И. Ленина, войска сразу уходили на фронт, который был совсем близко.

Как посуровела и какой непривычно строгой стала Москва! У Веры, пока она шла к центру, несколько раз проверял документы военный патруль. Это было даже интересно: у нее проверяют документы! Но откуда знать этим сердитым военным, что она училась здесь в институте и отсюда ушла на фронт?

Навстречу с лопатами, кирками шли на строительство укреплений женщины, подростки, старики. На набережной у Кремлевской стены занимались бойцы народного ополчения. Словно со страниц книг и экранов кинотеатров сошли эти усатые рабочие в пальто, в кожаных куртках, с подсумками и винтовками. Они шли по набережной твердой, уверенной поступью, и песня, которую они пели, усиливала ощущение революционных лет:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это...

А на стенах домов — плакаты: «Родина-мать зовет!», «Что ты сделал для фронта?», «Все на защиту Москвы!».

Холодный ветер метет поземку по брусчатке Красной площади. У входа в Мавзолей Ленина стоят часовые. На крышах домов, окружающих площадь, зенитные пулеметы, направленные в хмурое небо. Гулко раздаются шаги ополченцев. Холодная сталь штыков колыхается над их рядами. Весь город готов к решающей схватке.

«ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ...»

Подходил к концу короткий отдых на базе. Впереди было новое, еще более ответственное задание. После провала первого наступления немецко-фашистских войск на Москву гитлеровское командование готовило второе.

Третья и четвертая танковые группы Гоота и Хюпнера должны были нанести удар на Москву с северо-запада с одновременным обходом города на Дмитров — Загорск.

На юге действовала вторая танковая группа Гудериана. В ее задачу входило, овладев Тулой, нанести удар по Москве с юга, а часть сил направить через Коломну на соединение с войсками третьей и четвертой танковых групп к востоку от столицы.

В центре, на Можайском, Звенигородском, серпуховском направлениях, на кратчайших путях к Москве действовала четвертая армия фельдмаршала фон Клюге.

С воздуха действия немецко-фашистских войск поддерживало большое количество боевых самолетов.

Положение под Москвой в середине ноября было очень серьезным. На некоторых участках фронта немецко-фашистские войска от Москвы отделяло всего лишь тридцать — сорок километров. Требовалось максимальное напряжение всех сил, чтобы остановить врага, а затем нанести ему сокрушительный удар.

В это трудное время 21 ноября в тыл немецко-фашистских войск, действовавших в районе Наро-Фоминска, уходили две группы разведчиков — Бориса Крайнова и Павла Проворова.

Проворов был назначен командиром вместо заболевшего Володи Прохорова. В группу Павла входили Голубев, Емельянов, Кирюхин, Клубков, Морозов, Волошина, Милорадова, Обуховская, Космодемьянская. В группе Бориса Крайнова были Булгина, Брукер, Воронина, Самойлович, Смирнов, Кузьмичев, Леонтьев, Лебедева, Медиокрицкий, Щербаков.

Обе группы на время перехода линии фронта были объединены под командованием Бориса Крайнова. Перейдя фронт, они должны были разойтись и дальше действовать самостоятельно.

Разведчики получили валенки, телогрейки, теплое белье, свитера, шерстяные подшлемники. Зоя решила идти на задание в сапогах и в своем домашнем пальто.

— Так будет лучше ходить в разведку, — объяснила она подругам.

Рано утром подошли две автомашины за разведчиками. Сдав

старшине личные вещи, документы, фотографии и письма, надев снаряжение, они выстроились во дворе базы. Командир и комиссар обошли строй, тщательно проверяя оружие, снаряжение. Для каждого разведчика у них нашлись теплые напутственные слова, от которых светлели лица и на душе юношей и девушек становилось спокойнее.

— Учтите, Волошина, что вы комсорг группы, — глядя в глаза ей, сказал комиссар. — С вами идут еще не обстрелянные бойцы. Будьте внимательны к ним, помогите в трудную минуту.

...Осмотр закончен. Раздалась команда: «По машинам!»

Было холодное ветреное утро. Разведчики улеглись на сено, которое не забыл постелить в кузовах заботливый старшина. Почти до самой Кубинки пели песни. Запевала Клава Милорадова. У нее был красивый сильный голос.

В Кубинке простояли недолго. Машины свернули влево, на дорогу, ведущую к Наро-Фоминску. У деревни Обухово остановились. Дальше ехать было нельзя. По реке Наре и Нарским прудам проходила линия фронта. Здесь оборону занимали части дивизии, недавно прибывшей с Дальнего Востока.

Сибиряки радушно встретили комсомольцев-разведчиков, уступили им единственный уцелевший дом в деревне, накормили горячим обедом, а с наступлением темноты четыре разведчика, выделенные командованием, повели их через линию фронта.

Клавдия Лукьяновна в гостях у московских пионеров.

И вот снова на земле, занятой врагом. Но сейчас идти гораздо труднее, чем в октябре. Тогда немцы наступали, и линия фронта

во многих местах была разорвана. А теперь, встретив упорное сопротивление прибывших из Сибири свежих войск и московских дивизий народного ополчения, немцы приостановили движение и перешли к обороне. Появились ряды колючей проволоки, минные поля, доты, дзоты, дороги усиленно патрулировались танками, бронемашинами. Деревни были битком набиты немцами, и каждая из них представляла маленькую крепость. Ведь немцы уже успели испытать на себе силу партизанских ударов. Все это значительно осложняло задачу разведчиков и требовало величайшей осторожности.

За первую ночь отряд прошел около двадцати километров. На дневку остановились в заросшем кустарником глубоком овраге. Аля Воронина и Зоя Космодемьянская разделили на двадцать две части три буханки хлеба и сверху положили по кусочку смерзшегося масла. Очень хотелось пить, снег не утолял жажды. Тогда решили разложить маленький костер из сухих сучьев. В котелках топили снег и пили теплую, пахнущую хвоей воду.

С наступлением темноты снова двинулись в путь. До рассвета нужно было перейти шоссе на Верею, минировать его и, разделившись на группы, действовать дальше самостоятельно.

Дул холодный обжигающий ветер. Особенно страдала от мороза Зоя, в сапогах и пальто. Вера отдала ей свой свитер, Аля Воронина — шерстяные носки.

Близился рассвет, когда отряд вышел на большую поляну. Вдали виднелась громада темного леса, где была намечена дневка.

Крайнов приказал Вере Волошиной, Наташе Самойлович и Алексею Голубеву сменить головное охранение.

— Будете идти впереди отряда на расстоянии видимости, — сказал он. — На опушке леса дождетесь нас. Выполняйте!

Головное охранение ушло. За ним через несколько минут двинулся отряд. Кругом царила глубокая предрассветная тишина. Даже смолкли привычные раскаты артиллерийской канонады.

До леса осталось не более ста метров, когда слева раздалась пулеметная очередь. Над головой пронесся рой трассирующих пуль. Разведчики залегли и под огнем неприятеля стали отползать назад, к лесу.

Когда вышли из-под обстрела, недосчитались семи человек: головного охранения и Али Ворониной с тремя молодыми бойцами.

«Что же случилось с товарищами? — с тревогой думал каждый. — Неужели они погибли?»

Поиски ничего не дали. Дальше оставаться здесь было опасно. Ведь немцы могли вызвать подкрепление и окружить лес.

И отряд, потерявший почти треть своего состава, направился к деревне Петрищево, где, по данным разведки, находился штаб одной из немецких частей. Решено было теперь объединить обе группы на все время выполнения задания в тылу врага.

* * *

Головное охранение уже было в лесу, когда позади немцы открыли пулеметный огонь. Вскоре стрельба утихла, и Вера с товарищами решили разыскать отряд. Лишь к вечеру им удалось найти Алё Воронину и бывших с ней ребят. Но и они ничего не знали об отряде.

— Что будем делать, ребята? — спросила Наташа Самойлович, когда стало очевидно, что продолжать поиски отряда бесполезно.

— Надо действовать самостоятельно, — сказала Вера. — Нас здесь семь человек, есть оружие, взрывчатка, боеприпасы. Не тащить же все это обратно...

— Но у нас нет карты, компаса, — возразил Голубев. — Как же мы будем ориентироваться на местности? Так каждую минуту можно на немцев напороться.

— Компас есть у меня и у Веры, — сказала Наташа. — Карты у нас нет, это верно. Придется обходиться без нее. Поэтому нам надо быть особенно осторожными.

— Правильно, Наташа, — поддержала Вера подругу. — Будем действовать самостоятельно.

Когда стемнело, вышли на опушку леса. Недалеко пролежала дорога, по которой часто шли автомашины, мотоциклы. Чуть правее угадывалась деревня, где, очевидно, было полно немцев.

— А что, если нам, ребята, — предложила Вера, — минировать дорогу к деревне с двух сторон и в полночь, когда фрицы улягутся, устроить им «сабантуй»? Подойдем к деревне поближе и дружно откроем огонь.

Предложение Веры всем понравилось. И вот в полночь, заложив мины, разведчики подползли к деревне. В окна крайних домов полетели гранаты, и вслед за оглушительными взрывами, потрясшими ночную тишину, раздались автоматные очереди, забили частые выстрелы из винтовок и наганов.

Отходя к лесу, разведчики термитными шарами подожгли стога сена, стоявшие на краю деревни. Это усилило поднявшуюся панику. Немцы выскакивали из домов, беспорядочно стреляли в темноту. Несколько машин за деревней подорвались на минах.

— Ну, теперь они долго не придут в себя, — удовлетворенно

сказала Вера, когда группа была уже далеко от деревни.

Радость светилась на лицах юношей и девушек. Еще бы! Ведь они устроили фрицам такой хороший «праздник»!

Дневали в лесу. Здесь же случайно столкнулись с группой красноармейцев, выходявших из окружения, из-под Вязьмы. Голодные, оборванные, бойцы вот уже несколько недель бродили по лесам, всюду натываясь на вражеские заслоны. До них доходили слухи о том, что Красная Армия разбита и немцы уже захватили Москву. И вдруг эти изможденные, потерявшие надежду выйти к своим люди встретили в лесу разведчиков, которые лишь несколько дней назад были в Москве, среди своих!

Разведчики накормили красноармейцев, отдав им все свои запасы пищи. Ведь нельзя же было равнодушно смотреть на истощенные, обросшие бородами лица.

— Нельзя оставлять их, ребята, — сказала Вера. — Будем вместе выходить к своим. Сейчас это главное.

На этом и порешили. Собрав окруженцев, Вера предупредила:

— Мы решили, товарищи, идти на восток, через линию фронта. Если хотите идти с нами, то должны соблюдать в движении порядок, вести себя очень осторожно. От этого зависит все. Понятно?

— Понятно, — обрадовались бойцы. Теперь они были уверены, что смогут вернуться к своим, перейти фронт.

— Но тот, кто нарушит порядок движения, — сурово взглянув в лица бойцов, сказала Наташа, — будет расстрелян на месте. Мы не можем рисковать судьбой отряда.

И она выразительно положила руку на кобуру револьвера.

После этого короткого и необычного разговора сводный отряд взял направление на восток. Впереди, сверяя направление с компасом, шла Вера, за ней, метра в пяти, танкист-окруженец, дальше Наташа Самойлович, Аля Воронина и другие бойцы. Замыкал группу Алексей Голубев.

Далеко за полночь отряд перешел дорогу между деревней Яшино и совхозом Головково. При свете луны отчетливо виднелись следы проходивших здесь недавно автомашин, танков. На всякий случай заложили в колею несколько мин. Сразу же за дорогой начиналась поляна, поросшая редким ельником, постепенно переходившим в лес.

Место казни Веры Волошиной.

Вдруг из-за поворота дороги неожиданно раздалась автоматная очередь, за ней другая, третья. Под огнем неприятеля группа отошла за дорогу. На поляне остались Вера Волошина и танкист-окруженец... Наташа видела, как Вера, взмахнув рукой, молча упала в снег. И еще запомнилось, как при свете луны блеснуло на ее руке стеклышко компаса, с которым Вера никогда не расставалась.

Вскоре стрельба утихла. Слышно было, как взревели моторы,

и их рокот стал удаляться в сторону совхоза, пока не затих совсем.

Наташа с двумя бойцами ушла в разведку. На поляне они нашли убитого танкиста. Веру найти не удалось. Только темнели на снегу пятна крови.

Гибель товарищей глубоко всех потрясла.

В эту ночь группа еще дважды натыкалась на засады. И только на следующую ночь у деревни Большие Семенычи удалось перейти линию фронта.

Вернувшись на базу, разведчики рассказали о гибели Веры Волошиной. Здесь же они узнали, что у деревни Петрицево попала в плен к фашистам Зоя Космодемьянская. Через несколько дней, когда перешедшие в наступление части Красной Армии освободили Петрицево, весь мир облетела весть о героической гибели Зои.

А в феврале 1942 года Клавдия Лукьяновна Волошина получила письмо с фронта. Сердце матери тревожно сжалось, когда она увидела, что адрес на конверте был написан чужой рукой. Слезы застилали глаза, мешали ей читать строки короткого извещения:

«...Волошина Вера Даниловна пропала без вести при выполнении боевого задания в тылу врага».

ТАМ, ГДЕ ПОГИБЛА ВЕРА

С тех пор прошло немало лет. Все дальше и дальше уходили суровые военные годы. Но память о тех, кто отдал свою жизнь, защищая Родину, все так же бережно хранится в сердце народа. С годами она не тускнеет, а становится отчетливее, ярче, и перед нами открываются все новые и новые страницы героической летописи Великой Отечественной войны.

О жизни Веры Волошиной, ее горячей любви к Родине и мужественной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками также должны узнать люди.

Раньше я никогда не думал о том, что мне придется воссоздавать события далеких лет, писать книгу о человеке, которого я ни разу не встречал. Но как-то само собой получилось, что я взялся за перо. Нельзя было не рассказать о жизни замечательной девушки-патриотки. И пусть читатель будет не слишком суров в оценке художественных достоинств книги. Мне хотелось предельно точно воссоздать образ Веры Волошиной таким, каким он сохранился в памяти тех, кто был с ней рядом.

Но в рассказе о Вере не хватало главного. Никто из бывших партизан не знал, как она погибла. Ведь тогда разведчики не нашли тела девушки на месте короткого боя у лесной дороги.

Нужно было подробнее узнать обстоятельства гибели Веры и, если удастся, отыскать ее могилу. Об этом просила мать Веры, Клавдия Лукьяновна, об этом спрашивали и многие читатели газеты «Советская торговля», где впервые был опубликован очерк о Вере Волошиной.

В Москве живет и работает бывшая разведчица Александра Федоровна Воронина, которая вместе с Натальей Трофимовной Самойлович была с Верой до последней минуты. По моей просьбе Аля Воронина на карте нанесла маршрут отряда и обозначила место, где погибла Вера. Это было на дороге между деревней Яшино и совхозом Головково, Наро-Фоминского района, Московской области.

И вот в одно из воскресений июня 1957 года я отправился в путь.

У 74-го километра шоссе Москва — Минск влево уходила проселочная дорога. Извиваясь, она бежала через холмы и перелески, где более пятнадцати лет назад шли ожесточенные бои. Вдали за лесом поблескивали на солнце Нарские пруды, по которым проходила линия фронта.

Вдоль дороги шумит высокая рожь. Ее тихий шелест сливается с рокотом невидимого за пригорком трактора. И не

верится, что на этих мирных землях не так уж давно бушевало пламя войны, что здесь отдали свою жизнь за Родину тысячи советских воинов. Но об этом почти на каждом километре пути напоминают братские могилы, скорбные фигуры воинов, отдающих свое последнее «прости» павшим товарищам.

Стараясь побороть охватившее меня волнение, иду через лес. Ведь возможно, это здесь в ту суровую осень 1941 года проходила группа разведчиков. Пытаюсь представить их, идущих цепочкой друг за другом, усталых, с упрямо сжатыми губами.

А сейчас в лесу бушует лето щебетом птиц, тысячами солнечных бликов и морем зеленой листвы. И трудно представить себе оголенные ветви деревьев, глубокий снег под ногами, услышать, как тревожно шумят огромные ели, роняя со своих лап хлопья снега...

Наконец вдали показалось Якшино. Дома разбрелись по пригорку в тени могучих лип. Из колодца доставала воду пожилая женщина. Вот она выпрямилась и, прислонив к глазам руку козырьком, с любопытством рассматривает незнакомого путника.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — у вас в сорок втором году, после освобождения, не хоронили партизанку?

Видя, что мой вопрос задан слишком поспешно и женщине трудно сразу же вспомнить то суровое время, коротко рассказываю ей о Вере.

— Нет, у нас девушку не хоронили, — задумчиво ответила женщина. — А вот в Головково они тогда повесили партизанку. Никто не знает, откуда она, как зовут. Может быть, это та самая, которую вы разыскиваете. В совхозе спросите Александру Новикову, ее там все тетей Сашей зовут. Она все вам расскажет.

— А далеко ли до совхоза?

— Версты три будет.

Прощавшись, я отправился дальше. Дорога и дальше шла через густой лес, плотной стеной подступавший с двух сторон. «Неужели это Вера? Но ведь Наташа и Аля видели, как упала она, скошенная автоматной очередью. А может, она была только ранена?»

Множество других предположений и догадок всю дорогу не давали мне покоя.

Наконец лес кончился, показались дома, хозяйственные постройки совхоза. У первого встречного я спросил, где живет тетя Саша.

В небольшой чисто убранной комнате меня встретила хозяйка, худенькая подвижная старушка. Сдерживая волнение, прошу тетю Сашу рассказать о девушке, которую немцы повесили в совхозе.

Вот что она рассказала.

Когда в октябре 1941 года фашисты заняли совхоз, жители ушли в лес. Здесь они построили шалаши, землянки. Приближалась зима, и с каждым днем становилось все холоднее. Но страшнее холода был голод. В поисках небранной свеклы, картофеля женщины и дети бродили по полям, раскапывали снег, надеясь что-либо найти в замерзшей земле. Измученные голодом и холодом, они даже пытались проникнуть в совхоз, где у каждой семьи в надежном месте были припрятаны продукты, теплая одежда. Но это было опасно: немцы выслеживали и расстреливали всех, кто появлялся в совхозе.

Однажды — это было в конце ноября — на рассвете женщины и ребяташки по кустарнику пробирались к совхозу. И вдруг на придорожной иве они увидели повешенную девушку. Белокурые коротко подстриженные волосы развевал холодный ветер. Тело, покрытое ссадинами и кровоподтеками, было едва прикрыто изодранным бельем. Плечо прострелено, и на спине, где, очевидно, вышла пуля, запеклась кровь.

Молча постояли они под ивой и вернулись в лес.

Кто же была эта девушка? Она очень походила на Ксению Морозову, молодую работницу совхоза, комсомолку. Ее в первый же день схватили немцы, и больше о ней никто ничего не знал.

«Значит, это Ксения!» — решили женщины и, вернувшись в лес, рассказали обо всем ее матери. Сколько горьких слез выплакала старая женщина! Но позднее оказалось, что Ксения жива, ей удалось бежать из концлагеря под Можайском, и через несколько дней она разыскала в лесу свою мать.

В середине декабря немцы отступили. Вернувшись в совхоз, жители сняли девушку с дерева и похоронили здесь же, под ивой. Позднее ее останки были перенесены в братскую могилу в селе Крюково.

— Так до сих пор, — закончила свой рассказ тетя Саша, — никто не знает, кто эта девушка, как ее зовут. Когда вспоминаем о ней, говорим: «наша партизанка». Так и зовут ее все у нас...

Меня глубоко взволновал рассказ старой женщины. Неужели это Вера? Как жаль, что, отправляясь в путь, я не взял с собой ее фотографии!

— Скажите, пожалуйста, а где сейчас Ксения Морозова? Она жива?

— А что с ней может случиться? Конечно жива. Работает на свиноферме.

— А как бы ее увидеть?

— Это можно. Я пошлю за ней внучку.

Когда на пороге показалась высокая светловолосая женщина с

голубыми глазами, я невольно вздрогнул. Она была похожа на Веру Волошину. Это сходство особенно бросилось в глаза, когда Ксения показала свою довоенную фотографию.

...Спустя неделю, в следующее воскресенье, я снова поехал в Головково, захватив фотографии Веры.

В совхозе меня уже ждали. Каждому хотелось узнать имя девушки, которую повесили немцы. Умышленно показываю ту фотографию, на которой Вера снята среди группы подруг-спортсменок, и прошу сказать, есть ли среди этих девушек та, что была повешена в Головково.

Трудно передать волнение, с которым я ждал ответа.

— Вот эта! Ее у нас повесили! — И все указали на Веру...

Нина Зотова, Полина Романцова, Наталья Гаврилова, Анастасия Кудряшова, Иван Хватский, Александра Новикова, Михаил Демидов и многие другие узнали в Вере Волошиной ту самую девушку, которую они между собой называли «наша партизанка»...

— Я об этом догадался еще раньше, — говорит Михаил Демидов, — когда прочитал в «Комсомольской правде» заметку «Она сражалась рядом с Зоей» и увидел фотографию. Меня лишь удивило, что в газете написано, что Вера погибла у Якшино. Ведь я же сам с комсомольцами после освобождения хоронил девушку и хорошо помню ее лицо. Это была она.

Спустя несколько дней в совхозе побывала Наталья Трофимовна Самойлович. Она беседовала с местными жителями, обошла памятные ей места боев.

— Безусловно, это была Вера, — подтвердила она. — Очевидно, раненную, ее захватили в плен и после допроса повесили.

С Натальей Трофимовной мы подошли к иве, этому немому свидетелю смерти смелой разведчицы. Если бы могли заговорить придорожные камни, вот эти молчаливые деревья, тесно окружившие место казни, они бы поведали о мужестве и героизме девушки-сибирячки и передали бы людям ее последние слова, полные ненависти и презрения к врагам и горячей любви к матери-Родине, за которую она отдала свою молодую жизнь!

Но молчат камни, и о чем-то своем, непонятном шепчут вершины деревьев.

Не хотелось верить, что никогда не удастся узнать о последних минутах жизни Веры. Может быть, еще найдутся живые свидетели? Может быть, среди документов, захваченных у врага, удастся найти донесение, рапорт, протокол допроса, которые рассказали бы о последних часах жизни Веры?

Как же погибла Вера?

Об этом часто спрашивают в своих письмах читатели газет, где впервые были опубликованы материалы о Вере Волошиной. Можно было лишь предположить, что Веру, раненную в бою, немцы захватили в плен, подвергли мучительным пыткам и повесили.

Можно было предположить... Ведь никто в совхозе не оставался, когда пришли немцы. Жители скрывались в лесу, и никто не видел, как казнили Веру. Попытки разыскать какие-либо документы об этом в захваченных архивах частей 4-й немецкой армии, действовавших в районах Наро-Фоминска, пока не дали результатов.

Кемеровские школьники на могиле Веры Волошиной в деревне Крюково, Наро-Фоминского района, Московской области.

...Была поздняя осень 1958 года. Работая над повестью о Вере Волошиной, я решил еще раз побывать в Головково, чтобы лучше представить себе осень 1941 года, когда по этим местам шел небольшой отряд разведчиков.

В Головково я узнал, что в поселке Скугорово живет Александра Федоровна Звонцова. Оказывается, она оставалась дома, когда пришли немцы, и знает, как погибла Вера. Вот что рассказала Александра Федоровна:

— Видите ли, тогда, осенью сорок первого года, я ждала ребенка. Не могла же я уйти в лес в таком положении, тем более что я не вставала с постели. Ведь сколько пришлось пережить в те страшные дни!

Мне было все равно, где умирать, — дома или в лесу, и я решила никуда не уходить. Осталась дома и моя мама, которая ухаживала за мной. Она недавно умерла, а тогда ей было лет шестьдесят.

К нам в дом немцы не заходили. Уж очень боялись они тифа или еще какой-либо заразной болезни. Мама всегда была дома, а

если и отлучалась, то ненадолго.

Однажды в конце ноября мама куда-то ушла и долго не возвращалась. Я уже начала беспокоиться: не случилось ли с ней что? А немцам ничего не стоило убить человека, хоть малого, хоть старого.

Александра Федоровна задумалась, по лицу ее пробежала тень. Нелегко забыть те далекие, страшные дни. Вдохнув, она продолжала рассказ:

— Часа через два вернулась мать. «Ты где это ходишь? — набросилась я на нее, но, увидев ее заплаканные глаза, с тревогой спросила: — Что случилось, мама?» — «О, дочка, что я видела сейчас! На моих глазах немцы только что повесили молоденькую девушку. Привезли ее, бедную, на машине к виселице, а там и петля болтается на ветру. Кругом немцы собрались, много их было. И наших пленных, что работали за мостом, пригнали.

Девушка лежала в машине. Сначала не видно было ее, но когда опустили боковые стенки, я так и ахнула. Лежит она, бедняжка, в одном исподнем белье, да и то оно порвано, и вся в крови. Два немца, толстые такие, с черными крестами на рукавах, залезли на машину, хотели помочь ей подняться. Но девушка оттолкнула немцев и, цепляясь одной рукой за кабину, поднялась. Вторая рука у нее была, видно, перебита — висела как плеть. А потом она начала говорить. Сначала она говорила что-то, видать, по-немецки, а потом стала по-нашему.

«Я, — говорит, — не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши все равно победят. Вот увидите!»

И девушка запела. И знаешь, какую песню? Ту самую, что каждый раз поют на собраниях и по радио играют утром и поздно вечером.

— «Интернационал»?

«Да, эту самую песню. А немцам уже не до смеха, стоят молча и слушают. Офицер, что командовал, что-то крикнул солдатам. Они набросили девушке петлю на шею и соскочили с машины.

Офицер подбежал к шоферу и дал команду трогать с места. А тот сидит, побелел весь, видать, не привык еще людей вешать. Офицер выхватил револьвер и кричит что-то шоферу по-своему. Видно, ругался очень. Тот словно проснулся, и машина тронулась с места.

Девушка еще успела крикнуть, да так громко, что у меня кровь застыла в жилах: «Прощайте, товарищи!» Когда я открыла глаза, то увидела, что она уже висит».

— Вот и все, что рассказала мне мама.

Александра Федоровна замолчала. По ее щекам текли слезы.

— Позднее, когда поправилась, — сказала она, — я ходила к

дереву. Видела девушку я и тогда, когда ее хоронили. Это та самая, что у вас на фотографии...

Так смертью героя погибла Вера Волошина. О ее героической борьбе с врагами Родины будут еще написаны картины, созданы песни. И в нашей жизни всегда рядом будет идти эта девушка, чья короткая, но удивительно прекрасная жизнь стала примером для миллионов молодых патриотов Советской страны.

ЮРИЙ ДВУЖИЛЬНЫЙ

ЖИВУЩИЕ ВАМ БЕСКОНЕЧНО ДОЛЖНЫ...

*Разве камни
виноваты
в том,
что где-то
под землею
слишком долго
спят солдаты?
Безыменные
солдаты.
Неизвестные
солдаты...^[1]*

Вот и конец дороге. Она привела меня к небольшому деревенскому кладбищу. Грива березняка взметнулась над ним, сбита немного набок порывистым ветром. В небе, не по-осеннему синем-синем, куда-то не очень торопятся облака. И плывут они почему-то совершенно в другую сторону, не туда, куда ветер клонит кладбищенские березы, отбрасывая их длинные, как плети, ветви, трепещущие чуть пожелтевшей мелочью листвы.

А внизу между деревьями старые и новые кресты, старые и новые могилы. Чуть поодаль — братская. Та самая, к которой прошел я пешком почти всю Могилевскую область, с востока на запад.

Вот уже несколько лет я собираю материалы о Герое Советского Союза Юрии Двужильном. Он принимал участие в освобождении моей родной Белоруссии от гитлеровских захватчиков, и мне давно хотелось побывать в тех местах, где когда-то наступал батальон капитана Двужильного.

И вот теперь, спустя двадцать лет, я иду по местам былых сражений. К этому походу готовился основательно — почти два месяца я изучал материалы Белорусской операции 1944 года в Архиве Министерства обороны СССР.

В архиве мне, безусловно, повезло — удалось найти документы 878-го стрелкового полка. «Журнал боевых действий полка», который я почти дословно переписал в свою тетрадь, стал для меня своеобразным путеводителем по местам былых сражений.

Спустя двадцать лет я иду там, где наступали батальоны 878-го стрелкового полка, стараясь отыскать следы давнего боя. Вначале казалось, что это невозможно. Я видел вокруг только что убранные поля, скирды соломы, стога сена на лугу, проходил

через деревни, заново отстроенные на былых пепелищах, и радовался чистому, безоблачному небу над головой и жаворонку, затерявшемуся где-то в синеве, от песни которого, сколько бы ты ни шел по земле, все равно не уйти...

И все же я нашел следы войны. Даже вот эти молодые сосны хранили память о ней: вначале я было удивился, что все сосны как-то разрослись вширь, словно их нарочно подстриг сверху какой-то чужак садовник. И только потом я догадался, что верхушки тогда еще молодых деревьев были срезаны осколками мин и снарядов...

Нашел я и старые, полузасыпанные окопы — свои и чужие. Они почти сровнялись с землей, поросли кустарником, молодыми деревьями. А на просторной луговине, по обе стороны реки, осталось немало воронок от рвавшихся здесь когда-то снарядов и бомб крупного калибра. На их дне неподвижно застыла вода, темная, тяжелая, как ртуть...

О давних сражениях напоминают и братские могилы воинов — я их видел почти в каждой деревне. Чаще всего это невысокий могильный холмик, ограда вокруг и памятник с обычной, повторяющейся почти везде надписью: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Родины!»

Я всегда с волнением подхожу к братским могилам, читаю надписи на памятниках и обелисках, ищу имена героев, хочу узнать, кто они, откуда родом. Ведь, может быть, в одной из таких могил похоронен и мой отец, комиссар учебного батальона 6-й дивизии 40-й армии Фролов Николай Евдокимович, пропавший без вести летом 1942 года...

Но молчат памятники и обелиски, почти везде на них одни и те же слова: «Вечная слава героям...»

Кто же они, эти герои? Кому вечная слава? Я спрашиваю об этом у местных жителей, но часто они ничего не знают о погибших воинах. И объясняется это просто: когда в этих местах шли ожесточенные бои, местные жители прятались в окрестных лесах, на болотах. Когда же фронт уходил дальше и жители возвращались в свои села, где-нибудь на окраине уже была братская могила — свежий песчаный холмик, деревянный, сделанный наспех обелиск с короткой надписью: «Вечная слава героям...»

Юрий Двужильный в 1940 г.

А о том, кто эти герои, знали только их боевые товарищи. Но они, отдав последние воинские почести павшим, уходили дальше на Запад. И многие из них вскоре также погибли в боях.

Неужели все, кто похоронен в братских могилах, погибли неизвестными?

В это я не мог и не хотел поверить. Я хорошо знал, что в Подольске, в Архиве Министерства обороны СССР, хранятся не только исторические формуляры, боевые приказы, сводки и донесения, но также и списки безвозвратных потерь, корешки извещений, посланных родным и близким погибших воинов. Есть там а схемы воинских захоронений с точным указанием, где находится каждая могила.

Эти документы давали возможность на всех безыменных памятниках написать, кто здесь похоронен. Но тем не менее я вот

уже который день читаю на них одни и те же слова: «Вечная слава героям...» И только на одном памятнике прочитал не совсем обычное: «Живущие вам бесконечно должны...» Потому, наверно, эти слова и врезались в память.

В этой повести я хочу рассказать о том, как удалось раскрыть тайну одной из безыменных братских могил, узнать о судьбе Героя Советского Союза Юрия Двужильного и его боевых товарищей, о которых почти двадцать лет ничего не знали в Белоруссии, где они сражались и погибли. И если этот рассказ не оставит вас равнодушными, то я буду считать, что свою задачу выполнил. Я искренне верю, что, если все мы по-настоящему возьмемся за дело, у нас не останется безыменных могил и неизвестных героев.

ПОИСК НАЧИНАЛСЯ ТАК...

*Но когда-то,
Но когда-то
кто-то в мире
помнил
имя
Неизвестного
солдата!*

Сразу же после выхода повести о Вере Волошиной я стал получать письма читателей. Во многих из них меня просили подробнее рассказать о детстве и юности Веры, о ее друзьях и боевых товарищах. Особенно часто меня спрашивали о Юрии Двужильном.

Я поехал в Библиотеку имени Ленина и попросил дать мне все, что там было о боях в Финляндии. Я знал, что Юрий Двужильный отличился в боях с белофиннами, и, естественно, надеялся, что в газетах и журналах того времени что-либо писали о нем.

Несколько дней я терпеливо перелистывал подшивки газет и журналов, книги с описанием боевых действий нашей армии зимой 1939—1940 гг., с воспоминаниями участников войны и другими материалами, надеясь что-либо найти о Юрии. Все мои поиски оказались тщетными. Наконец в двухтомнике «Бои в Финляндии», выпущенном в 1941 году Военным издательством, в одной из глав, рассказывающей о возвращении советских воинов в Ленинград, я прочел следующее:

«Взволнованные встречей, оказанной им в родном городе, сильные и мужественные, уверенно чеканя шаг, шли они по улицам.

Еще издали узнавали их друзья, знакомые.

— Голощапов! Федя! — радостно вскрикнул кто-то на тротуаре. — Дружище...

— Воробьев...

— Двужильный...»

Только одна строчка, одно слово... Я, конечно, ни на минуту не сомневался, что это относилось к Юрию Двужильному, и, как оказалось потом, не ошибся. Но все мои попытки узнать что-либо дополнительно, разыскать автора очерка лейтенанта Снегирева, упомянувшего фамилию Двужильного, оказались

безуспешными...

Первая неудача не обескуражила меня. К этому времени я приобрел уже некоторый опыт и понимал, что в поиске следопыту надо быть готовым ко всему. И если не удалось в одном направлении, надо искать в другом.

Вскоре в Москве я познакомился с полковником авиации Аркадием Флегонтовичем Кравченко. Оказалось, что он не только родился и вырос в Кемерове, но даже учился в школе № 12 вместе с Верой Волошиной и Юрием Двужильным.

Как-то во время одной из бесед Кравченко сказал, что он когда-то читал в газете о том, что Юрию Двужильному присвоено звание Героя Советского Союза. Точной даты указа он, конечно, не запомнил, но тут же добавил, что было это, по всей вероятности, во второй половине 1944 года.

И вот я снова в Библиотеке имени Ленина. Попросил дать мне подшивку «Правды» за вторую половину 1944 года и внимательно просмотрел все Указы Президиума Верховного Совета СССР. Но к сожалению, и на этот раз меня постигла неудача — фамилии Юрия Двужильного в списках награжденных за этот период я не нашел.

Тогда я решил написать в Кемеровский областной военкомат и попросить товарищей сообщить мне все, что им известно о Юрии. Ведь Юрий Двужильный их земляк. Вскоре пришел ответ, подписанный подполковником Лыбзиковым. Хочу дословно привести письмо как образец формального, поверхностного отношения некоторых наших работников к памяти павших.

«Сообщаю, — писал подполковник Лыбзиков, — что, по данным Кемеровского областного адресного бюро (?!), в прописке значатся следующие лица по фамилии Двужильный:

1. Двужильный Виктор Михайлович, 1940 года рождения, уроженец Кемеровской области, проживает в г. Анжеро-Судженске, ул. Ленина, 36.

2. Двужильный Владимир Михайлович, 1931 года рождения, уроженец Кемеровской области, проживает в г. Киселевске, Лесной переулок, дом № 7.

3. Двужильный Анатолий Михайлович, 1939 года рождения, проживал в г. Киселевске, Брусчатый пер., дом 15/1, и 26.6.61 г. выписан в Советскую Армию.

4. Двужильная Пияна Андреевна, 1908 года рождения, проживает в г. Киселевске, Брусчатый пер., дом № 15/1.

Другими данными мы не располагаем».

Этот уникальный документ был скреплен собственноручной подписью т. Лыбзикова, печатью, снабжен исходящим номером 4/2709 и послан мне, чтобы я поверил, что Кемеровскому военкомату ничего не известно о Герое Советского Союза Юрии Михайловиче Двужильном.

Я, конечно, не поверил этой отписке, но тогда, в 1962 году, как говорится, крыть было нечем. Только позднее, когда я наконец разыскал сестру Юрия, Нину Михайловну Двужильную, она показала мне еще два документа Кемеровского военкомата.

Первый из них — извещение о гибели капитана Двужильного 8 августа 1944 года работники военкомата вручили сестре Юрия — Нине Михайловне Двужильной.

А второй документ — справка Кемеровского военкомата:

«Выдана настоящая гр. Двужильной Нине Михайловне в том, что ее брату капитану Двужильному Юрию Михайловичу Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 24 марта 1945 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

На справке печать военкомата, исходящий номер и дата — 14 мая 1946 года.

Таким образом, в мае 1946 года товарищи из Кемеровского военкомата знали, что их земляк Юрий Михайлович Двужильный — Герой Советского Союза. Знали, но потом прочно забыли о нем, иначе бы не стали сообщать мне адреса всех однофамильцев Юрия, проживающих в Кемеровской области...

* * *

О своих неудачах при попытке что-либо узнать о Юрии Двужильном я рассказал матери Веры Волошиной, Клавдии Лукьяновне, которая теперь каждый год приезжает в Москву, чтобы побывать на могиле своей дочери. Она пообещала, что, как только вернется в Кемерово, разыщет там друзей Нины Михайловны, сестры Юрия, и с их помощью попытается узнать, где она живет сейчас.

Вскоре я получил адрес: Донецк, улица Артема, 108, квартира 52.

Я сразу же написал Нине Михайловне, и вы, конечно, представляете, с каким нетерпением ждал ответа. Но дни шли за днями, а из Донецка вестей все не было. Написал вторично, послал телеграмму, но результат все тот же.

Наконец спустя почти месяц из Донецка пришло письмо.

Взглянув на обратный адрес, я очень обрадовался — писала его сама Нина Михайловна!

В конверте было письмо на двух листках из ученической тетради и фотография Юрия в форме студента института инженеров Гражданского воздушного флота, на груди орден Красного Знамени. И надпись на обороте — май 1940 года.

Нина Михайловна извинялась, что заставила меня ждать почти два месяца: она была за границей, в служебной командировке, и мои письма, естественно, ждали ее в почтовом ящике. О Юрии она написала очень кратко — в письме все равно обо всем не расскажешь. Вот почти дословно, что она мне сообщила:

«...Юра родился в Донбассе, в 1919 году, и до 1935 года мы жили здесь, в Донецке. Отец у нас умер рано, когда Юре было полтора года. Воспитывала нас мать — врач, работавшая здесь в поликлинике.

В 1935 году мы переехали в Кемерово, и там Юра закончил 9-й и 10-й классы. В это время он учился и дружил с Верой. Я хорошо знала Веру и ее семью...

После окончания школы Юра поехал в Ленинград и поступил там в институт инженеров Гражданского воздушного флота. Будучи студентом, он добровольно пошел в лыжный батальон на войну с белофиннами. Был награжден орденом Красного Знамени. Позднее учился в Ленинградской военно-воздушной академии, с 1942 года на фронте. Награжден вторым орденом Красного Знамени, уже будучи капитаном. В 1944 году, в июне, погиб под Могилевом. Посмертно, 24 марта 1945 года, ему присвоено звание Героя Советского Союза. Вот и все о жизни Юрия, ведь он не прожил и 25 лет...

Мы с братом были очень близки, — писала в конце письма Нина Михайловна. — Наша мать умерла в 1938 году, и никого ближе, чем мы друг для друга, у нас не было. Лучшего человека, более честного, смелого и в то же время заботливого, нежного и ласкового, я не знала. Таким он и останется для меня и моего сына (сыну было девять лет, когда погиб Юра) до конца нашей жизни...»

Мать Юрия — Нина Сергеевна Двужильная.

Нина Михайловна сообщила также, что у нее сохранились фотографии Юрия разных лет, в том числе и военные, а также много его писем, которые он писал из Ленинграда, Йошкар-Олы, с фронта. Но выслать по почте все это она не может: для нее письма и фотографии — самое дорогое, что осталось в память о Юрии.

И вы, читатель, конечно, уже догадываетесь, что при первой же возможности я поехал в Донецк, к Нине Михайловне. Правда, я не смог это сделать сразу — задержали дела по службе.

Поэтому, когда стало ясно, что из Москвы в ближайшее время выехать мне не удастся, я решил, чтобы не терять времени, воспользоваться всеми возможностями для дальнейшего поиска материалов о Юрии Двужильном, которые мне давало письмо Нины Михайловны.

И я в третий раз поехал в Библиотеку имени Ленина. Без особого труда в подшивке «Правды» нашел номер газеты за 26 марта 1945 года.

Газета военных дней... На первой полосе рядом с заголовком набрано крупно:

«Красная Армия продолжает свое победоносное наступление.

Войска 2-го Украинского фронта прорвали сильную оборону немцев и разгромили группу вражеских войск в районе Естергома.

Войска 3-го Белорусского фронта вчера овладели городом Хайлигенбайль — последним опорным пунктом обороны немцев на побережье залива Фришгаф, юго-западнее Кенигсберга.

Родина приветствует своих славных сынов, наносящих один за другим удары по немецким разбойникам».

Здесь же два приказа Верховного Главнокомандующего командующему войсками 2-го Украинского фронта маршалу Малиновскому и командующему войсками 3-го Белорусского фронта маршалу Василевскому, в которых отмечались наиболее отличившиеся в боях части и соединения этих фронтов и сообщалось, что 26 марта Москва дважды будет салютовать в честь славных побед воинов 2-го Украинского и 3-го Белорусского фронтов.

На второй полосе — сводка Советского информбюро за 25 марта, материалы о боях в Венгрии и Восточной Пруссии. И здесь же Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта.

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, — говорится в указе, — и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»...»

И дальше шел список 132 солдат, сержантов и офицеров. Двадцать седьмым в этом списке был капитан Двужильный Юрий Михайлович...

Мне хотелось узнать, за какой подвиг Юрию было присвоено звание Героя, и я сразу же позвонил в Наградной отдел Президиума Верховного Совета СССР. Но там мне сообщили, что все документы о награжденных за время Великой Отечественной

войны, в том числе и наградной лист на капитана Двужильного, переданы на хранение в Архив Министерства обороны СССР.

* * *

Я всегда помню о великой силе документов. Конечно, не тех, за которые обычно прячутся бюрократы, чинуши и перестраховщики — меня постоянно влекут к себе бумаги давних лет, эти самые надежные свидетели минувших событий, человеческих душ и свершений. О былом они порой могут рассказать лучше очевидцев. Но главное их преимущество — они долговечнее нас, смертных. Когда их, конечно, берегут...

Под Москвой есть целый городок, который так и называется: «Архив Министерства обороны СССР».

Многое из того, о чем будет рассказано в этой повести, мне удалось найти там, в этих тихих хранилищах, где на длинных стеллажах хранятся документы военных лет.

Я очень обрадовался, когда работники архива буквально через двадцать минут принесли мне личное дело № 17851 капитана Двужильного.

Несколько дней, проведенных в архиве, дали мне возможность узнать о Юрии очень многое, но я понимал, что это — только начало. Впереди была поездка в Донецк к Нине Михайловне Двужильной, встречи с людьми, которые могли бы мне рассказать о Юрии.

* * *

Очевидно, я должен быть горячо признателен моей скромной многотиражной газете, где я семь лет работал ответственным секретарем. Она давала возможность без особого ущерба для службы отлучаться из Москвы, если это было необходимо, на два-три дня.

Так было и на этот раз. Подготовив и сдав досрочно в набор материал для очередного номера, я уехал в Донецк.

Вечерело, когда я, простившись с попутчиками, сошел в Донецке с поезда.

Встречи с городами, как и с людьми, бывают разные. Иногда знакомишься легко и быстро, и от такого знакомства остается радостное, хорошее воспоминание. Хочется новой встречи, хочется лучше узнать полюбившийся тебе город, подружиться с ним. Так было во время моих поездок в Кемерово, куда, очевидно,

я теперь буду стремиться всегда, потому что с этим светлым, красивым городом на Томи связаны мои первые поиски, моя первая книга.

А как встретит меня Донецк, где прошло детство Юрия Двужильного?

От вокзала к центру еду на троллейбусе и с любопытством глядываюсь в незнакомые мне улицы, к которым почти вплотную подступают слегка дымящиеся терриконы.

Почти весь путь троллейбуса проходит по улице Артема, которая, очевидно, прорезает весь город из конца в конец. Вот и моя остановка. Медленно иду, стараясь собраться с мыслями. Чувствую, что волнуясь, стараюсь взять себя в руки. Понимаю, что встреча будет не совсем обычная.

И вот наконец квартира 52. Звоню. Дверь открыла Нина Михайловна. Ей около пятидесяти. Светлые, гладко зачесанные волосы. Серые спокойные глаза, тихий голос с немного рокочущим «р». Встретила гостеприимно, провела в кабинет, предложила сесть к столу и стала ждать моих вопросов. Отвечала коротко, точно, лишь то, что я спрашивал, изредка поглядывая на меня спокойным и, как мне показалось, испытующим взглядом.

Раньше в своей небогатой журналистской практике мне всегда удавалось сравнительно легко установить контакт с интересующим меня человеком, и беседа обычно шла непринужденно. Все это я считал своей заслугой, а вот здесь я впервые почувствовал, что такого разговора у меня не получается...

Но может быть, я зря огорчаюсь? Ведь наша беседа, хотя и трудная, идет вот уже несколько часов, и за это время Нина Михайловна рассказала мне много интересного о Юрии, показала фотографии, дала прочесть его письма. Больше того, она разрешила фотографии и письма Юрия взять с собой в Москву при условии, что я верну их в сохранности.

До позднего вечера читал я письма, глядывался в поблекшие от времени фотографии, перебирая в памяти все, что рассказала мне Нина Михайловна.

Она была старше брата на шесть лет, но это нисколько не мешало их дружбе. Даже сейчас, читая письма Юрия, видя, с какой теплотой рассказывает о нем Нина Михайловна, я понимал, что дружба эта сохранилась и после гибели Юрия, согревая жизнь Нины Михайловны и в трудные и в радостные дни. Она призналась, что, когда ей бывает нелегко, что-либо не клеится на работе, дома, она достает письма Юрия и в который раз перечитывает их...

— Родился Юра, — вспоминает Нина Михайловна, — в конце августа 1919 года. Трудное было время. Жили мы тогда в Донбассе, в городе Константиновке. Мать работала врачом, отец умер рано, когда Юре было полтора года. Вы можете, конечно, представить себе все это — война, разруха, голод. И наша мать с двумя маленькими детьми. Казалось, что дальше и жить невозможно — все вещи, которые еще можно было продать, обменять на продукты, были давно проданы и обменены...

Однажды Нина Сергеевна узнала, что в дальнем селе нужен врач. За работу будут платить продуктами. Долго не размышляла — собралась и вместе с детьми уехала в село.

Вначале было непривычно. Приходилось часто ночью идти к больному пешком за несколько километров в любую погоду...

Правда, подрастала Нина, и вскоре она стала для матери помощницей во всем, а для Юры чем-то вроде маленькой мамы. В доме уберет, накормит малыша, оденет его и вместе выйдут на деревенскую улицу...

По вечерам, когда у Нины Сергеевны случалось свободное время, всей семьей сидели у печки, смотрели, как жарко горят березовые дрова, и читали сказки.

Вскоре Нина стала учиться в школе. Сразу же после уроков она торопилась домой. Что, если мать вызвали к больному и Юра остался один? Непоседа, так и норовит что-либо придумать...

В 1925 году семья переехала в Донецк. В селе, где они прожили почти пять лет, было всего четыре класса, а учиться дальше надо было.

Не хотели крестьяне отпускать своего доктора, которого за эти годы они хорошо узнали и полюбили. Да и Нина Сергеевна привыкла, и детям здесь было хорошо: свой огород, корова. Все же молоко детям...

В Донецке поселились на Седьмой линии. Дом, где они снимали квартиру, был как раз напротив больницы, в которой теперь работала Нина Сергеевна, вначале врачом, а затем главным врачом.

Утром из дому обычно уходили втроем — мать на работу, Нина в школу, а Юра в детский сад. В первый класс он пошел осенью 1927 года.

По вечерам собирались вместе, рассказывали, как у каждого прошел день, делились своими радостями и горестями. Много читали, обсуждали прочитанное, иногда спорили.

Семья жила очень дружно. Дети понимали, что матери трудно одной, и как-то само собой получилось, что со временем они стали все больше и больше помогать ей по хозяйству.

Были, конечно, и огорчения, возникали иногда размолвки

между братом и сестрой, особенно когда Юре казалось, что она посягает на его независимость. Но быстро помирились, и в этом обычно им помогала мама. С детьми у Нины Сергеевны установились очень хорошие отношения, когда невозможно было сделать не так, как она велела, а тем более в чем-либо лукавить. Мама была матерью и другом одновременно.

Юра рос, как и все его сверстники. Учился он легко, хотя и не ровно — бывали иногда срывы.

Характер у него был спокойный, покладистый, хотя он порой бывал вспыльчив. Но чаще всего это случалось, когда он сталкивался с ложью и подлостью. Из всех человеческих пороков самым отвратительным считал предательство. Пусть даже в самом, казалось, незначительном случае.

У Юры было много друзей. Они тянулись к этому мальчику с твердым характером. Удивлялись, когда он успевал так много читать, и вместе с ним прошли через все его увлечения — строили летающие модели самолетов и на пустыре возле школы запускали их всем классом, учились выпиливать и выжигать по дереву, а затем занялись фотографией. Юра сам собрал фотоаппарат.

Позднее, в пятом классе, все увлеклись спортом — стрельбой, коньками, гимнастикой, но особенно боксом. Юра считал, что это наиболее достойный мужчины вид спорта.

Юра особенно дружил с Вадимом Коробчанским и Абрамом Рафаловичем. Эта тройца всегда была неразлучна. Ребята жили на одной улице, учились и росли вместе. Чаще всего собирались на квартире у Юрия. Здесь как-то все для них было привычно, чувствовали себя как дома. Иногда случалось, что к Двужильным приходили чуть не всем классом — когда готовились в загородный поход или хотели посмотреть очередное изобретение Юры. И чем старше становились, тем шире были их интересы, глубже суждения, жарче споры. В них часто принимала участие Нина Сергеевна, которая с друзьями сына и дочери держалась за просто, как равная.

Юрий Двужильный со школьным товарищем (6 класс) Жорой Рыжковым.

Здесь, в доме Двужильных, друзья и товарищи Юрия учились думать, оттачивали свое мышление, здесь определялись их симпатии и антипатии, вкусы и стремления.

В столице Донбасса жизнь шла таким же ускоренным темпом, как и в других местах страны. А может быть, и быстрее. Город рос со сказочной быстротой. Появлялись новые заводы и фабрики, вырастали новые кварталы жилых домов, школы, институты.

Быстро шли годы, и как-то незаметно выросли дети. Вот уже Нина — студентка Донецкого политехнического института, а еще через несколько лет — инженер. Вместе с мужем, тоже инженером, получили направление на работу в Кемерово, в Кузбасс, где создавался новый крупнейший центр угольной и металлургической промышленности. Нужны были молодые специалисты, их молодой задор и энтузиазм.

В Кемерово решили ехать все вместе. Нину с мужем направили на коксохимзавод, мать получила приглашение на работу в городскую поликлинику, а Юрий пойдет в 9-й класс.

Конечно, было нелегко расставаться с городом, где прошло детство, расставаться с друзьями. И вместе с тем воображение захватывала далекая Сибирь, безбрежная тайга и немного таинственный город среди лесов, за Уралом...

Впереди была новая, еще не изведанная жизнь со своими радостями и тревогами, новые пути-дороги, по которым предстояло идти этому светловолосому юноше с немного грустной и чуточку застенчивой улыбкой...

МИР УДИВИТЕЛЬНО ТЕСЕН...

*Ведь еще
до самой смерти
он имел друзей
немало...*

Поездка в Донецк, хотя и была очень короткой, дала мне немало. Я привез в Москву несколько десятков писем и фотографий. Кроме того, Нина Михайловна сообщила мне несколько адресов школьных товарищей Юрия, живущих сейчас в Москве. Среди них был адрес Ирины Дмитриевны Поповой, она несколько лет училась с Юрием в одном классе.

Признаться, я не сразу разыскал ее, — вернувшись из Донецка, с головой ушел в газетные дела, наверстывал упущенное, а потом подошел отпуск, который я провел в Белоруссии, в местах, где сражался и погиб капитан Двужильный. И только осенью я позвонил по указанному телефону. Ирина Дмитриевна охотно согласилась помочь мне, и я предложил встретиться у меня в редакции.

— А где вы работаете? — спросила она.

— В Министерстве торговли, в многотиражной газете.

— В Министерстве торговли? — переспросила Ирина Дмитриевна. В ее голосе чувствовалось откровенное удивление. — Скажите, а вы знаете Анну Григорьевну Арбутову из Ростородежды?

— Начальника трикотажного отдела? Конечно знаю. Анна Григорьевна часто пишет нам в многотиражку, — ответил я, не понимая, какое отношение может иметь Арбутова к нашему разговору. Может быть, Ирине Дмитриевне захотелось что-нибудь достать? Я, правда, этого вслух не сказал, ожидая, что будет дальше.

— А вы знаете, Георгий Николаевич, — в телефонной трубке торжествующий голос, — что Арбутова, которая исправно пишет вам заметки в многотиражку, родилась и выросла в Донецке, училась в одном классе с Юрием Двужильным?

Очевидно, в эту минуту вид у меня был презабавный. Я мог ожидать все, что угодно, но только не этого. Действительно, семь лет работать под одной крышей, встречаться с Анной Григорьевной чуть ли не каждый день в редакции, на различных заседаниях и совещаниях, а то и просто в коридоре и не подозревать, что она может рассказать мне все, ради чего я езжу в другие города, пишу многочисленные письма, посылаю запросы...

Да, действительно мир тесен!

Конечно, я сразу же позвонил в Росторгодежду, и через несколько минут в редакцию вошла Анна Григорьевна.

Я словно впервые увидел эту невысокую стройную женщину, одетую всегда с большим вкусом. Ее карие глаза лукаво улыбались.

— Что, опять нужна заметка? Как всегда, в четверг «горите»?

Но, заметив, что я как-то странно ее рассматриваю, она нахмурилась.

— Нет, на этот раз не угадали. Скажите, пожалуйста, что вы знаете о Юрии Двужильном?

— О Юрке? — встрепелась она. — Откуда вы узнали о нем?

Пришлось рассказать о том, как начался поиск, о неудачах и первых находках, о поездке в Донецк и, наконец, о разговоре с Ириной Дмитриевной Поповой.

Анна Григорьевна слушала не перебивая.

— Знаете что, — предложила она, когда я закончил свой рассказ, — приезжайте вечером ко мне. Будет Ирина, может быть, еще кто-нибудь из наших приедет. Покажу вам давние фотографии, послушаете наши воспоминания. У Ирины, возможно, сохранились письма Юры. Он, кажется, писал ей из Белоруссии, незадолго до гибели. Приезжайте.

И вот я в небольшой, красиво обставленной квартире нового дома на Профсоюзной улице. Здесь уже была Ирина Дмитриевна, высокая статная женщина средних лет. Мы улыбнулись, вспомнив наш утренний разговор по телефону.

Анна Григорьевна усадила нас и дала большой альбом с фотографиями. Сама же она хлопотала на кухне, поминутно отвлекаясь, чтобы давать нам пояснения.

— Вот здесь, видите, наш класс в тридцать четвертом году. Юры почему-то нет на этом снимке. А вот и он, видите, внизу, улыбается. Это было уже в восьмом классе, мы собрались, чтобы отметить чей-то день рождения. Кажется, Вадима Коробчанского. Смешные все, правда?

Я всматриваюсь в эти молодые, улыбающиеся лица на фотографии, слушаю, что Ирина Дмитриевна и Анна Григорьевна рассказывают о Юрии, о своем детстве и юности. Вижу их задумчивые, немного грустные глаза. А когда подруги улыбаются, вспомнив что-либо смешное, мне кажется, что они не так уж изменились за эти годы, и радуюсь своему открытию. Особенно Анна Григорьевна — порывистая, беспокойная, с задорным блеском глаз. Точь-в-точь таких, что глядят на меня со многих давних фотографий.

Странная вещь фотография! Она выхватывает какое-то

мгновение из неповторимой человеческой жизни, радость или горе, глубокое раздумье человека или его безудержный смех... Человека, быть может, уже давно нет, а его улыбка живет и заставляет тебя отозваться на какую-то давнюю его радость...

В этот вечер и потом, встречаясь с другими товарищами Юрия, я настойчиво допытывался у них: каким в жизни был Юрий? Что в нем было самое главное?

— Не знаю, права ли я, — Анна Григорьевна задумалась, стараясь, видимо, найти нужные слова, — но мне думается, что главным в Юрии было очень развитое чувство долга, своеобразный категорический императив всей его человеческой сущности, воспитанный еще в раннем детстве.

Помните, глухое село Комарь на Донетчине, где со своими детьми жила в трудные годы сельский врач Нина Сергеевна Двужильная? Сколько раз среди ночи ее звали к чужой беде, и она тут же вставала, торопливо одевалась, стараясь не разбудить детей. И шла. В темень и стужу. По грязи. Под дождем. В метель. Шла потому, что так было надо...

Все это видел и с детских лет научился понимать Юра. И жил потом так, как жила его мама, всегда готовый отозваться на чужую беду. Уже не мыслил себе, что может пройти стороной, если человеку трудно.

Читая и перечитывая письма друзей и товарищей Юрия Двужильного по школе, институту, фронту, я обратил внимание на то, что все они подчеркивают одно и то же — скромность и простоту Юрия в общении с друзьями, его внимание к собеседнику, выдержку и спокойствие.

Таким запомнил Юрия один из его боевых товарищей, бывший командир седьмой роты С. П. Струментов.

«Капитан Двужильный внешне был всегда спокоен, даже в самые трудные минуты. Мне очень нравилась его выдержка, хладнокровие и храбрость. К бойцам и командирам он всегда относился внимательно, заботился о них. Держался всегда скромно, свои приказания отдавал спокойно, не повышая голоса...»

А вот что писал мне из Донецка о Юрии товарищ его детства А. И. Рафалович:

«Нас с Юрой связывала какая-то очень нежная дружба, которая не прерывалась, несмотря на то что последние девять лет мы жили в разных городах, несмотря на то что во многом мы были разные. Юра был великолепным товарищем, человеком очень нежной

души, причем эта нежность скрывалась за внешней бесшабашной удалью. Он был очень внимателен к друзьям и, если мог, всегда помогал им.

Вспоминается такой случай.

В 1941 году из-за плохого зрения я был освобожден от призыва в армию и преподавал математику в одной из школ Алтайского края. Юрий в это время учился в Йошкар-Оле, в военно-воздушной академии. Туда был направлен брат моей жены, и он дал Юре мой адрес. Совершенно неожиданно для себя я получил от Юрия денежный перевод, помню, на довольно значительную сумму. На мой протест по этому поводу (ведь ему же самому нужны были деньги) он ответил так:

«О деньгах ты, конечно, пишешь глупости. Мне деньги совершенно не нужны, а тебе помог от чистого сердца. Можешь сердиться, если хочешь, но при всяком удобном случае, когда у меня будут деньги, я вам еще вышлю...»

А. И. Рафалович вместе с довоенными фотографиями, из которых многие были сделаны Юрием, прислал мне и это письмо, где говорится о денежном переводе. Он хранил его почти двадцать пять лет...

С большой теплотой вспоминает о своем друге и В. И. Коробчанский, живущий сейчас в Донецке. Он также прислал мне несколько фотографий и два письма Юрия. Одно из них написано еще в 1935 году. Тогда Юре шел пятнадцатый год. Мне хочется, чтобы вы вместе со мной прочитали это письмо. Вот оно:

«Здравствуй, Вадим! Можешь поздравить меня со званием «дядя Юра». Родился племянник, Саша... Я сейчас занят постройкой фотоаппарата «Лейка». Один я уже сделал, но разломал, делаю другой. Снимки получились резкие, ясные, хотя и маленькие. Вадим, я тебя попрошу, если тебе не составляет большого труда походить по магазинам и поискать киноплёнку, то, пожалуйста, сделай это... Фильм «Петер» у нас еще не шел ни в одном кинотеатре, но как будет идти, я, конечно, схожу. Видел фильм «Под крышами Парижа», мне понравилась работа режиссера и артистов...»

...В этой повести я буду часто приводить отрывки из писем Юрия Двужильного, из воспоминаний его друзей и товарищей, потому что в них, пожалуй, с наибольшей полнотой раскрывается

духовный мир этого юноши-воина.

ДОРОГАМИ ПЕРВЫХ ИСПЫТАНИЙ

*Разве погибнуть
ты нам завещала,
Родина?
Жизнь обещала,
Любовь обещала,
Родина.*

Теперь все это было уже где-то позади — и десятый класс, и выпускной вечер в школе, и прощание с городом, ставшим таким близким за эти два года... И вот уже Юрий едет в Ленинград, чтобы начать там новую жизнь — он решил поступить в электротехнический институт, куда еще в июне отправил все документы. Вчера прислали вызов на экзамены, и вот он уже в дороге.

Юрий, конечно, немного волнуется, но старается скрыть это от своих попутчиков — подолгу стоит в тамбуре вагона у окна и задумчиво смотрит на все, что проносится мимо него и остается где-то позади...

Так получилось, что из Кемерова ему пришлось уезжать одному, хотя они договорились с Верой Волошиной ехать вместе до Москвы, где она будет учиться в институте физкультуры. Но потом оказалось, что вступительные экзамены там начнутся на месяц позднее, чем в других вузах. И Вера осталась дома, не ехать же ей в Москву на месяц раньше! Правда, если бы там был у нее кто-либо из родных, у кого можно остановиться на все это время, то она поехала бы. Посмотрела бы Москву, побывала в Ленинграде, да и к экзаменам успела бы подготовиться. Тем более что ей ничто не грозит — Кемеровский городской Совет спортивного общества «Химик» дал ей направление на учебу в Москву как лучшей спортсменке, чемпионке города по прыжкам в высоту.

А тут лето пришлось сидеть над книгами, готовясь к экзаменам, и не знать, чем все это кончится...

Правда, у Юрия были свои преимущества — он превосходно знал математику, физику, хорошо чертил, рисовал, разбирался в технике.

Но что бы ни случилось, жребий брошен! И пока поезд, старательно отстукивая километры, пробирался к западу, минуя очень редкие в этих местах станции и полустанки, Юрий пытался представить себе все, что ждет его в Ленинграде. Вспомнились последние напутствия матери, сестры, шутки друзей, пришедших

проводить его чуть не всем классом.

Хорошо, когда у тебя так много друзей и каждый из них по-своему чем-то особенно близок и дорог. Вот Вася Агафонцев, с которым они могли без конца сражаться в шахматы, иногда даже в школе, на каком-либо скучном уроке. Влетало им, конечно, за это, не раз вызывали к директору, но тот был с ними не так уж строг — оба хорошо учились, увлекались спортом, успешно выступали на городских соревнованиях, защищая спортивную честь школы.

Здесь же был и Аркадий Кравченко, крепкий коренастый парнишка с живыми озорными глазами. В школе он всегда непременный участник художественной самодеятельности. Уж очень хорошо у него получалась «Дывлюсь я на небо...»

Рядом с ним возвышался Володя Сотников, самый сильный в классе, а пожалуй, и в школе. Друзья шутливо величали его Ильей Муромцем.

Были здесь и Вася Худолеев, Петя Гора, Рая Миронова, Муза Королева, Надя Кочеткова, Зина Михайлова, Вера Волошина...

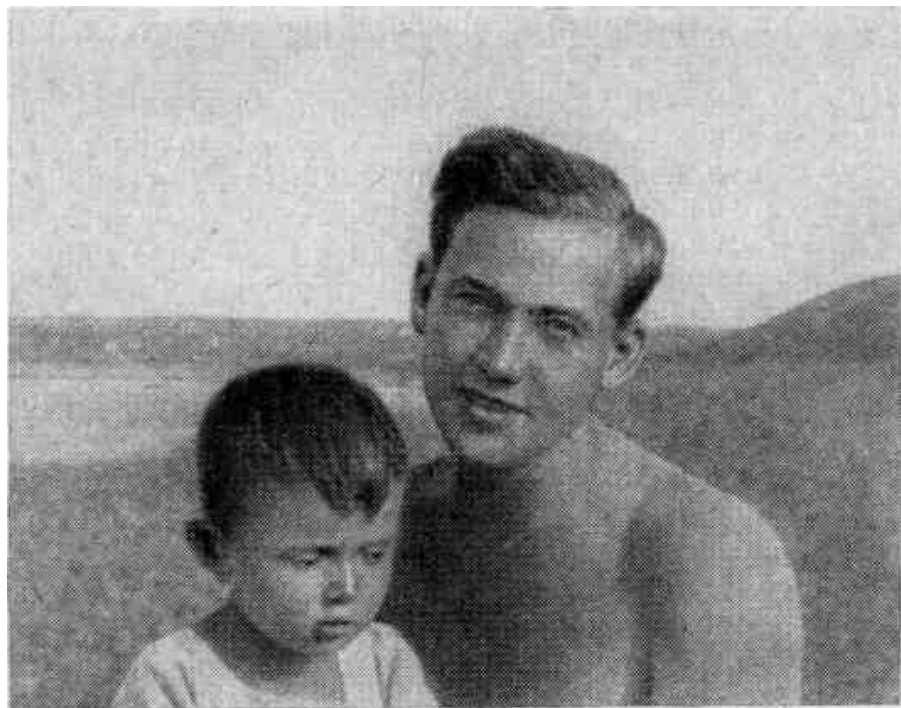
С Верой Юрия связывала очень светлая юношеская дружба, когда каждая встреча приносит радость узнавания чего-то нового и постоянно хочется стать лучше, сильнее и выше, чтобы быть достойным этой удивительной дружбы.

Они всегда были вместе — в школе, спортзале, на городском стадионе. Летом почти весь день проводили на реке, а зимой по воскресеньям с утра уходили на лыжах в сосновый бор, который начинался сразу же за городом. Вера учила «южанина», как она иногда называла Юрия, приехавшего из Донбасса, тонкостям лыжного дела, особенно умению съезжать с высоких гор, не сбив при этом ни одного дерева...

И вот сейчас на перроне вокзала им придется впервые за все время расстаться. Что может быть труднее и нелепее того, что должно случиться через несколько минут?

...Юрий вернулся в вагон, молча забрался на свою верхнюю полку, где лежали его вещи, и, улегшись, попытался заснуть. Но это долго не удавалось — сон никак не шел к нему. И Юрий лежал с открытыми глазами, рассматривая потолок вагона, разрисованный многими поколениями пассажиров, думая о своем будущем, вспоминая все, что было совсем недавно.

...И вот Юрий в Ленинграде, где он уже был однажды. Вместе с матерью они гостили несколько дней у тети. Теперь он будет жить здесь, в небольшом доме на Песочной улице, что не так далеко от института.

Юрий со своим племянником Сашей на берегу Томи.

В первый же день он побывал в приемной комиссии, узнал расписание экзаменов и консультаций, побродил по пустынным коридорам института, мысленно представляя себя уже студентом, хотя, конечно, старался не заблуждаться на этот счет. Ведь надо еще сдать экзамены.

Институт представлялся ему крепостью, опоясанной четырьмя линиями укреплений, которые предстояло прорвать: физика, математика, химия, русский язык и литература...

Да, грозной и неприступной была эта крепость, много неожиданностей подстерегало здесь необстрелянных абитуриентов. Это странное слово он впервые услышал здесь, в приемной комиссии. Так, оказывается, называют всех, кто решил штурмовать эту грозную крепость. А пока ее двери добродушно распахнуты настежь для каждого — ходи, смотри, прикидывай свои силы...

И Юрий начал готовиться к штурму. Вернувшись домой и торопливо пообедав, он засел за учебники. И хотя в школе его нельзя было назвать слишком усидчивым учеником, на этот раз он занимался до позднего вечера. И утром следующего дня он встал почти на рассвете, чтобы успеть повторить теорию и перерешать все задачи по физике, ведь она будет для него главным рубежом штурма.

Первый экзамен по физике прошел успешно. Юрий хорошо ответил на все вопросы, решил задачу, и в его экзаменационном листке появилась первая оценка — «отлично». Второй экзамен по математике он сдал на «хорошо», на очереди была химия.

Потеря одного очка, видимо, не очень огорчила Юрия. Он прикинул, что если два оставшихся экзамена сдаст на «хорошо», то ему все равно будет обеспечен проходной балл.

Здесь, очевидно, и была его первая ошибка. Юрий стал как-то спокойнее относиться к экзаменам и несколько ослабил напряжение в занятиях, даже разрешил себе побывать два раза в кино. Ну как тут было удержаться, если в то время во всех кинотеатрах шли новые кинофильмы «Петр Первый» и «Юность Максима»?

Химию Юрий тоже сдал на «хорошо», а вот на сочинении его постигла неудача: он получил лишь «удовлетворительно».

С тревогой он ждал решения приемной комиссии, надеялся, что, может быть, повезет. Ведь из двадцати очков он набрал шестнадцать, а это не так уж плохо, если сравнить с другими. К тому же специальный предмет, физику, он сдал на «отлично»...

Ругал, конечно, себя за легкомыслие и с ужасом думал, что будет, если его не примут? Как теперь возвращаться в Кемерово?

Решения приемной комиссии пришлось ждать долго — последний экзамен был в пятницу. А пока все проверили и подсчитали, подошла суббота, а там ведь и воскресенье. Пришлось целых два дня прожить в неведении, в постоянной тревоге.

Наконец настало утро понедельника. Стараясь скрыть волнение и боясь, что он придет слишком рано, Юрий отправился в институт. Но там уже было много таких же, как и он, притихших, встревоженных. Все они толпились у большого щита, на котором были вывешены списки.

Юрий протолкался вперед и стал искать в списке свою фамилию, но так и не нашел ее.

Чуть ниже общего списка студентов-первокурсников висело объявление, извещавшее о том, что товарищи, не прошедшие по конкурсу, могут получить свои документы у секретаря приемной комиссии...

Почти весь день Юрий бродил по городу, думая о случившемся, пытаясь найти какой-либо выход. Конечно, в Кемерово он не поедет. Устроится куда-нибудь на работу и одновременно будет снова готовиться в институт...

Через несколько дней он уже работал в порту грузчиком. Домой не писал, все откладывал неизбежное объяснение.

На помощь пришла тетя. Не говоря ничего Юрию, она

написала Нине Сергеевне обо всем, что случилось, и пригласила ее приехать в Ленинград, чтобы все решить на месте.

И вот однажды, вернувшись с работы, Юрий встретился с матерью.

Нина Сергеевна решила остаться жить в Ленинграде, вместе с сыном. Работу она найдет в больнице или поликлинике — врачи везде нужны. Юрий будет до осени работать в порту, а потом пойдет учиться в десятый класс дневной школы, чтобы снова пройти всю программу за среднюю школу и обязательно поступить в институт.

Юрий — студент института инженеров Гражданского воздушного флота.

К сожалению, не сохранилось писем и даже фотографий этого переломного периода жизни Юрия. Только в личном деле капитана Двужильного, которое хранится в Архиве Министерства обороны СССР, я нашел аттестат об окончании Юрием в 1938 году

школы № 11 Приморского района. Десятый класс он закончил на «отлично» и получил право поступления в высшие учебные заведения без вступительных экзаменов.

* * *

1938 год был очень значительным в жизни Юрия. Несколько месяцев он работал в порту и впервые по-настоящему узнал, что такое труд, ему нужно было научиться не только переносить, перевозить грузы, но и держаться в новом коллективе, что было не легким делом.

Неудача с поступлением в институт заставила самокритично подумать о себе, признать, что подвело неумение организовать дело так, чтобы все стремления и помыслы были подчинены главному — основной цели. Значит, впредь нужно быть строже к себе, целеустремленнее. Надо воспитывать и закалять свою волю.

Но самым тяжелым испытанием, выпавшим на долю Юрия в 1938 году, была неожиданная смерть матери. Она скоропостижно умерла от инсульта.

Если вы, друзья, вспомните, чем для своих детей была Нина Сергеевна, какая большая дружба связывала их, вы сможете представить всю тяжесть этой утраты.

Первое время, вспоминает Нина Михайловна, Юрий не находил себе места, он никак не мог понять и примириться с тем, что произошло. Смерть мамы буквально ошеломила нас своей неожиданностью, ведь она никогда не жаловалась, всегда была жизнерадостна и неутомима...

Надо было иметь немало воли и мужества, чтобы не поддаться отчаянию, найти в себе силы учиться, готовиться в институт, хотя бы потому, что этого очень хотела мама...

* * *

Окончив десятый класс и получив аттестат отличника, Юрий решил пойти учиться не в электротехнический, а в институт инженеров Гражданского воздушного флота на факультет аэродромного строительства.

Мне трудно судить, что повлияло на это его решение. Возможно, большие успехи нашей авиации, которая в те годы штурмовала пятый океан, и, пожалуй, для молодежи в ту пору самой привлекательной была профессия летчика. Юноши и девушки стремились в авиацию, хотели быть такими же, как

Чкалов, Громов, Серов, Раскова, Осипенко, Гризодубова...

Но ведь Юрий, получив аттестат отличника, открывавший ему двери в любой институт, почему-то решил пойти на факультет аэродромного строительства института инженеров Гражданского воздушного флота, где готовили инженеров-строителей, а не летчиков. Чем объяснить это?

Правда, по вечерам он занимался в аэроклубе, где учился управлять планером, а потом и самолетом, прыгать с парашютом, и, возможно, это и было тем решением, которое могло его удовлетворить. Ведь истина всегда лежит где-то посередине. Юрию, очевидно, хотелось быть не просто летчиком, а инженером, умеющим проектировать, строить все, что необходимо. Сказалось, безусловно, его стремление к точным наукам, желание всегда докопаться до сути, и в авиации его привлекала не чисто внешняя сторона, которая так очаровывала многих юношей и девушек.

Вот что Юрий сам писал в ноябре 1938 года своему другу А. Рафаловичу в Москву:

«...Школу я закончил на «отлично» и поступил не в электротехнический, а в институт ГВФ. Занятия идут своим чередом. Занимаюсь также физкультурой, состою в школе гимнастов, в легкоатлетической и волейбольной секциях, в планерной и парашютной школах.

Приходится много заниматься с чертежами, уже сдал три листа по восемь чертежей каждый, принялся за четвертый...»

В письме своей сестре он писал:

«Здравствуй, Нинушк! Удивляюсь, почему нет от вас писем. Ведь мне очень интересно знать, как вы там живете, как Сашунька, ходит ли он в детсад, чем интересуется?

У меня почти все в порядке, жив, здоров. Стал агитатором, получил участок и два раза в неделю хожу проводить беседы с домохозяйками.

Вот и все мои новости. Целую всех крепко, Юра».

Не так давно мне удалось встретиться с одним из бывших студентов института инженеров ГВФ, ныне инженер-полковником Сергеем Васильевичем Дюбенко. Он учился с Юрием Двужильным в одной группе и на последних курсах жил с ним в одной комнате студенческого общежития.

Будет, пожалуй, лучше, если он сам и расскажет о Юрии,

каким он его помнит, а также о своем институте.

— Наш институт находился под Ленинградом. Это было специально построенное здание, очень удобное для учебы и отдыха. В каждой комнате жило по три-четыре студента.

У нас было четыре факультета: инженерно-механический, спецоборудования, аэрогидропортостроения и инженерно-экономический.

День наш строился так: утром подъем, физзарядка, а после завтрака общее построение. Командиры отделений докладывали старшине курса о наличии студентов, а тот — начальнику факультета. Потом расходились на занятия в классы, лаборатории, мастерские. Почти каждый вечер в нашем клубе было кино, приезжали артисты, особенно часто бывала Любовь Орлова. Студенты могли уезжать в город, если надо, оставаться там ночевать. Но об этом они должны были ставить в известность командира отделения и утром не опаздывать на общее построение перед занятиями.

Каким был Юрий? Немного выше среднего роста, крепкий, широкоплечий. Очень много читал, иногда даже на лекциях, пристроившись где-нибудь на галерке. Почти никогда не расставался с фотоаппаратом, и те фотокарточки, которые сохранились у меня со студенческой поры, были сделаны им.

С друзьями был прост и очень заботлив. Помню такой случай. Это было уже после финской кампании, когда мы поселились с ним в одной комнате. У меня был сложный чертеж — развертка конуса, над которым я работал почти целый день, стараясь забыть о еде. Дело в том, что я не рассчитал и до стипендии у меня не хватило денег. В этот день Юра был в городе и вернулся лишь вечером. Молча разделся и, развернув сверток, поставил на стол большой торт, да так получилось, что прямо на мой еще не просохший чертеж. Видимо, второпях Юрий его не заметил... Ну, конечно, торт мы тут же съели, а чертеж пришлось делать заново, да в двух экземплярах — мне и Юрию. Так что работали всю ночь и, конечно, сделали в срок...

Юрий никогда не кривил душой и терпеть не мог ложь, даже в мелочах. Всегда мог постоять за себя, а если надо, то и за друга.

Учился Юрий хорошо, но неровно. Но он мог быстро наверстать упущенное, а главное — на практических занятиях не боялся черновой работы, старался до всего докопаться сам, как говорится, пощупать своими руками. Вот за эту дотошность и любили его преподаватели. Конечно, те, кто сами много знали.

Мы особенно подружились с Юрием во время войны с белофиннами. Помню, когда начались бои, мы горячо обсуждали, спорили. Газеты были нарасхват, мы все время ждали новых

сообщений.

Помню, где-то уже в январе, построили наш курс и объявили, что студенты, которые хорошо ходят на лыжах, могут записаться в лыжный батальон добровольцами. Желающие должны были выйти из строя. И первым вышел Юрий, который в общем-то был неважным лыжником. И настоял, чтобы его послали на фронт. Я пошел вместе с ним... Правда, воевать вместе нам не пришлось — он попал в 98-й батальон, а я в 100-й и действовали мы на различных участках фронта...

А вот как об этом пишет сам Юрий в письме своей сестре:

«Здравствуй, Нинушк! Пока с институтом временно покончено — отправляюсь громить белофиннов в комсомольском ударном взводе. Пока стоим в Ленинграде, получаем обмундирование и военные навыки...»

А в следующем письме, написанном карандашом и торопливым почерком, читаю:

«Здравствуй, Нинуша! Вот уже скоро месяц, как я нахожусь на фронте. Сейчас почти на всех участках наши войска перешли в наступление. Я в пулеметной роте, во взводе станковых пулеметов — пулеметчик первый номер... Мой адрес: «Действующая Красная Армия, почтовая станция 470-98, отдельный лыжный батальон...»

Еще в одном письме с фронта он писал:

«Недавно, Нинуша, ходили в разведку ночью. Наша задача была разведать огневые точки врага боем. Я расстался со своим станковым пулеметом и взял ручной... Было довольно жутковато — лед под тобой трещит, над головой свистят пули. Но, Нинуша, меня пули обходили, и только две попали в саперную лопатку, которая стояла слева от меня для защиты головы. Нинуша, можешь быть спокойна за меня, меня пули не берут. Не знаю, дадут ли что-нибудь мне или нет, но командир роты представил меня к правительственной награде за эту разведку. Но ты пока воздержись рассказывать об этом кому-нибудь...»

А 31 мая Юрий писал сестре:

«...Нинушка, у меня большая радость — 14 мая в Доме Красной Армии (Ленинград) Михаил Иванович Калинин вручил мне орден Красного Знамени. Так что я теперь стал орденоносцем. Посылаю тебе последнюю свою фотографию. Вы, конечно, все будете сдвинуты, стронуты и опрокинуты...»

Вы, конечно, уже догадываетесь, что в этом письме была фотокарточка Юрия с орденом Красного Знамени на груди. В этом нетрудно убедиться и косвенным путем: орден Юрию Михаил Иванович Калинин вручил 14 мая, а письмо об этом он послал сестре через шестнадцать дней. Очевидно, терпеливо ждал, когда в фотоателье будут готовы его фотокарточки, которые потом он пошлет своей сестре и друзьям.

О том, как Юрию Двужильному был вручен орден, любопытную историю рассказал Сергей Васильевич Дюбенко:

— Всех студентов нашего института, награжденных за участие в боях с белофиннами, вызвали в Москву за получением наград. Мы стали собираться в дорогу, и в это время Юрий сказал:

«Ребята, в Москву я с вами не поеду. Сейчас в Ленинграде Михаил Иванович Калинин, и я могу получить орден из его рук».

Мы, конечно, не очень верили, что все это ему удастся, и уехали в Москву без него. Когда вернулись, у Юрия на груди был уже орден.

А добился он этого так: пошел в штаб Ленинградского военного округа и попросил там, чтобы орден Красного Знамени вручил ему лично Михаил Иванович Калинин.

Просьба, конечно, была не совсем обычная, да и связана с определенными трудностями: ведь орден и все документы к нему были в Москве, куда поехали друзья Юрия. Но видимо, он сумел убедить начальника штаба округа, что для него это очень важно — получить орден из рук Михаила Ивановича, и тот распорядился сделать так, как просил Юрий. Из штаба позвонили в Москву, и на следующий день орден и все документы к нему были уже в Ленинграде.

Наверно, Михаилу Ивановичу Калининцу рассказали обо всем, и он особенно тепло поздравил с наградой этого статного юношу, подошедшего к нему твердым солдатским шагом и старавшегося скрыть охватившее его волнение.

Мне, конечно, хотелось узнать более подробно, за что Юрий Двужильный был награжден орденом Красного Знамени. Ведь это очень высокая боевая награда, и, чтобы получить ее, нужно было не просто отличиться в бою, а совершить подвиг.

В военном архиве я нашел наградной лист на красноармейца 98-го отдельного лыжного батальона Двужильного Юрия Михайловича. В изложении боевого подвига, по-военному лаконичном, но вместе с тем дающем возможность представить себе все, как было, говорилось:

«В ночь с 1.3.40 г. на 2.3.40 г., получив боевую задачу по разведке в районе озера Суванто-Ярви и озера Саккола, красноармеец т. Двужильный, находясь в головном разведывательном отделении, достиг озера Саккола, обнаружил полевой караул противника и отбросил его огнем ручного пулемета. Выполнив задачу по разведке и нахождению огневых точек противника и обеспечивая огнем продвижение ядра разведки, т. Двужильный уничтожил станковый пулемет противника. При отходе разведки т. Двужильный вынес с поля боя раненого красноармейца т. Моисеева. За проявленные мужество и отвагу достоин награждения орденом Красного Знамени...»

Я, конечно, живо себе представил эту разведку боем, основная цель которой — вызвать на себя огонь всех боевых средств противника — пулеметов, орудий, минометов, чтобы артиллеристы смогли в это время быстро засечь огневые точки врага и потом внезапным артналетом уничтожить их.

Таким образом, рота, в составе которой действовал с ручным пулеметом красноармеец Юрий Двужильный, шла на большой риск и потери личного состава, которые были неизбежны. Нужна была высокая организованность каждого, кто принимал участие в этом опасном деле.

К сожалению, в своем письме Юрий ничего не писал о красноармейце Моисееве, которого он вынес с поля боя. Хотелось подробнее узнать о нем, как это было. Но все мои попытки найти красноармейца Моисеева были безуспешны.

В 1964 году, в канун 20-летия со дня освобождения Белоруссии от гитлеровских захватчиков, в газете «Красная звезда» был опубликован мой очерк «Живет с живыми наравне» о Герое Советского Союза Юрии Двужильном. В этом очерке я дословно привел текст наградного листа на красноармейца Двужильного, представленного к ордену Красного Знамени за участие в боях с белофиннами.

Вскоре я получил много откликов, и среди них письмо со станции Вапнярка, Винницкой области. Инженер-полковник т. Сандатян писал, что с Юрием Двужильным он учился в одном институте, правда на разных факультетах, и посоветовал мне связаться с инженер-полковником Николаем Ивановичем Батуриным, который живет в Москве. Он учился с Юрием Двужильным на одном факультете.

И вот я звоню Николаю Ивановичу, договариваюсь с ним о встрече. И когда наш разговор заканчивался, он спросил:

— А вы знаете, что Моисеев, о котором вы упоминали в своем очерке, живет в Москве?

— Красноармеец Моисеев?

— Ну, сейчас он уже инженер-подполковник, живет в Москве, и, если хотите, могу сообщить вам его телефон.

Вы, конечно, можете представить, как обрадовало меня это известие. В это время я уже не надеялся, что мне когда-либо удастся узнать о человеке, которого спас Юрий. О нем ведь ничего не говорилось в документах военного архива. Просто сообщалось, что Юрий Двужильный «вынес с поля боя раненого красноармейца т. Моисеева».

Юрий — слушатель Военно-инженерной академии им. Можайского.

Кроме того, я как-то упустил из виду, что Моисеев мог быть товарищем Юрия по институту. Ведь в 98-й лыжный батальон добровольцами ушли многие студенты.

Так оно и получилось. Когда через несколько дней мы встретились с инженер-подполковником Евгением Васильевичем Моисеевым, выяснилось, что он учился в институте инженеров Гражданского воздушного флота на факультете специального оборудования, жил в общежитии с Юрием Двужильным.

Он тоже добровольно ушел на фронт. Оба попали в один взвод. В ту памятную ночь их назначили в головной разведывательный дозор.

— Когда белофинны открыли по нас огонь, — вспоминает Евгений Васильевич, — мы залегли на льду озера, недалеко от берега. Укрыться было негде, старались втиснуться в малейшую впадину. Правда, была темная ночь, на каждом белый маскхалат, и на снегу, даже при свете ракет, нас не было видно. Но ведь мы отстреливались, и финны били по вспышкам наших выстрелов. Появились первые раненые.

Командир роты приказал отходить назад — задачу мы свою выполнили, нам удалось раскрыть систему огня противника на этом участке фронта.

Вот здесь меня и ранило. Пуля ударила сбоку, перебила руку, ранила в грудь и разбила приклад моей винтовки.

На какое-то время я потерял сознание, и когда очнулся от боли, то понял, что меня кто-то несет. Я застонал.

— Спокойно, Женя, — услышал я голос Юрия Двужильного, — скоро будем в санроте. А там тебя живо отремонтируют.

Сдал он меня санитарам, а сам сразу же ушел, видимо, к озеру, где продолжалась перестрелка. Потом уже в госпитале мне ребята из нашего взвода рассказывали, что Юрий, когда я упал, прикрыл меня огнем своего пулемета, а затем почти километр тащил на себе, отстреливаясь от наседавших белофиннов. Передав меня санитарам, он снова вернулся к товарищам, продолжавшим бой.

В госпитале я пробыл несколько месяцев. Ранение оказалось серьезным, особенно плохи дела были с рукой. Кость срослась неправильно, и, когда я вернулся в институт, который к тому времени был преобразован в военную академию, меня хотели отчислить по состоянию здоровья. Но товарищи, и особенно наши фронтовики, встали за меня горой. Юрий Двужильный даже побывал в штабе военного округа, написал письмо К. Е. Ворошилову, и в конце концов меня оставили в академии.

Вот, пожалуй, и все, что я могу коротко рассказать о Юрии Двужильном, о котором я всегда вспоминаю с большой теплотой и благодарностью.

* * *

Вот уже три года прошло, как разъехались в разные города выпускники кемеровской школы № 12. Они учились в институтах Новосибирска, Томска, Москвы, Ленинграда и других городов. Но каждое лето они приезжали на каникулы в Кемерово и снова были вместе, словно никогда не расставались, продолжали

учиться в одном классе.

Часто бывали в родной школе, встречались со своими учителями Аркадием Васильевичем Мироненко, который, как и прежде, оказывал влияние на своих воспитанников, Михаилом Николаевичем Конторщиковым. А на городском стадионе им всегда был рад старший тренер Николай Ступников, их бывший учитель физкультуры. Он сразу же вовлекал их в спортивную жизнь города, и они большую половину дня проводили на стадионе, участвовали в различных соревнованиях.

По вечерам, если не шли в кино или в парк, собирались все вместе у кого-либо дома. Вспоминали школу, рассказывали друг другу о своих студенческих делах, мечтали, спорили. И обычно такие вечера не обходились без песен — запевал голосистый Аркадий Кравченко, а Вера Волошина с Володей Сотниковым аккомпанировали на гитарах.

Но чаще всего, собравшись вместе, друзья говорили о войне, которая все ближе и ближе подкатывалась к нашим границам. Фашисты захватили Австрию, Чехословакию, Польшу, потопили в крови Испанскую республику, разгромили Францию, высадились в Африке. А на востоке вот уже который год шли бои в Китае.

Война была где-то совсем рядом, но многие надеялись, что фашисты не посмеют напасть на Советский Союз, тем более что с Германией у нас был пакт о ненападении.

Вот об этом друзья спорили чаще всего. Одни утверждали, что раз подписан договор, да еще на двадцать лет, Гитлер не станет нарушать его хотя бы потому, что побоится сделать это. Другие, в том числе и Юрий, не соглашались.

— Не знаю, ребята, — говорил он друзьям, — но в Финляндии нам часто попадались пушки, автоматы, выпущенные совсем недавно на немецких заводах, даже после заключения пакта с Германией. Они тайно испытывали свою технику в боях против нас и, безусловно, готовятся к войне. Но когда она начнется, трудно сказать. Думаю, что скоро. Откровенно говоря, я даже хотел уйти из института в военное училище. Надо быть готовым ко всему.

Но жизнь всегда остается жизнью, со всеми ее радостями и тревогами. Они были молоды, и поэтому их не очень тревожило то, что ждет впереди, даже если это будет война. Ведь совсем недавно они жалели, что опоздали родиться и революция свершилась без них. Может быть, они не признавались в этом даже себе, но каждый из них мысленно готовился к предстоящим испытаниям...

*Пламя
ударило в небо! —
ты помнишь,
Родина?
Тихо сказала:
«Встаньте
на помощь...»*

Ровно за месяц до начала войны Юрий писал сестре:

«Нинушка! У меня произошли большие изменения: наш институт переделали в Военно-воздушную академию Красной Армии. Так что я отныне и вовеки — военный.

Академию закончу года через полтора-два. Не знаю, удастся ли приехать летом к вам. Занятия у нас закончатся в июне, в июле и августе будем в лагерях и на практике. Значит, приеду только в сентябре, если будут давать отпуска...»

Не знал он тогда, что все его мечты и планы будут перечеркнуты ранним утром 22 июня 1941 года...

Вот что рассказал мне об этом Сергей Васильевич Дюбенко:

— Шли обычные занятия в классе аэродромного строительства, когда вбежал дневальный и срывающимся от волнения голосом крикнул: «Война!»

Все выбежали в коридор и столпились у репродуктора, который был установлен у входа в циркульный зал. Молча слушали выступление по радио В. М. Молотова. Понимали, что это не просто пограничный инцидент, которые случались в ту пору довольно часто. Но пожалуй, никто не представлял настоящего всего, что несла с собою эта война.

А потом были первые сообщения о боях на границе, скупые строки о том, что фашистам удалось потеснить наши пограничные части, сводки Совинформбюро о тяжелых оборонительных боях сначала на барановичском, минском, а затем на бобруйском, могилевском, смоленском направлениях...

Вот что писал в эти дни Юрий своей сестре:

«...Уже две недели, как идет война. Фашистская сволочь наделала много шума и хлопот. Успехами немцев можете не расстраиваться — это временно и

скоро, безусловно, наступит перелом, и эти гады будут разбиты и отброшены».

Юрий ни на минуту не сомневался в том, что гитлеровцы будут разгромлены. Желая, видимо, шуткой успокоить сестру, он в одном из своих писем пересказывает ей услышанный где-то анекдот.

«Гитлер, чтобы его не узнали, — пишет Юрий, — переоделся шофером и пошел к гадалке узнать свою судьбу. Та, взглянув на карты, сказала: — У вас лопнет ось, не хватит бензина и отберут водительские права».

По письмам Юрия и воспоминаниям его друзей я стараюсь представить себе, о чем думал, к чему стремился он в это тревожное время. Знаю, что в первый же день войны он пошел к начальнику факультета и попросил послать его в действующую армию. Но ему отказали в этом — он должен был учиться, закончить академию и тогда может рассчитывать на удовлетворение своей просьбы.

Но очевидно, отказ командования не обескуражил Юрия. Его друзья рассказывали мне, что он побывал в штабе военного округа и там ему пообещали помочь уехать на фронт, но велели подождать несколько дней.

К этому времени, видимо, и относятся два последних письма Юрия из Ленинграда. В одном из них он просил срочно прислать ему шерстяные носки и варежки (дело уже шло к зиме), а в другом, которое было написано позднее, Юрий благодарил за посылку и сообщал, что он, возможно, скоро уедет, и поэтому просил не писать ему, пока не придет новый адрес.

Однако все попытки Юрия Двужильного добиться отправки на фронт оказались безуспешными — видимо, командование академии категорически воспротивилось этому, так как таких заявлений было много. К тому же выпускников академии с нетерпением ждали в авиационных частях.

Тем временем линия фронта все ближе и ближе подходила к Ленинграду, и Военно-воздушную академию было решено перевести на восток в городе Йошкар-Олу, где Продолжались занятия по ускоренной программе.

7 октября Юрий писал сестре:

«Скоро у нас экзамены. Это — предпоследние, а выпускные будут, наверно, в январе или феврале. Наконец я получу самостоятельность. Жаль только, что ни до выпуска, ни после выпуска мы с тобой не

увидимся — сразу же уеду по назначению».

А вот что он писал домой в конце 1941 года:

«Здравствуй, Нинушк! Сижу и думаю: поздравить тебя сейчас с Новым годом или в следующем письме? На всякий случай прими мои поздравления, а на счет самых лучших пожеланий, то их и без Нового года я шлю тебе и Сашуле от чистого сердца.

Очень обрадовался письму от Сашули, прямо молодец. Я уж тут всем ребятам показывал и все расхваливал Сашку. Вообще здесь нет ничего удивительного — весь в дядьку...»

Юрий с большим вниманием относился к своему племяннику. В каждом письме он спрашивает о том, как он растет, чем интересуется. А когда Саша пошел в школу и уже сам мог прочитать то, что пишет дядя, Юрий всегда писал ему несколько строк разборчивым почерком, крупными буквами.

Вот несколько отрывков из этих писем:

«Сашуня! Получил твое письмо. Очень рад, что ты учишься в музыкальной школе. Учись хорошо, пиши чаще. Целую, Юра».

«Саша! Когда мама будет мне писать, ты тоже обязательно напиши...»

А вот, видимо, ответ на вопрос, интересовавший мальчишку:

«Сашуня, немного подожди. Когда приеду, тогда и увидишь, сколько у меня кубиков или шпал...»

Еще в одном письме Юрий писал:

«Саша! Напоминай маме, что нужно писать мне письма. Пиши сам...»

Через несколько дней в очередном письме сестре были в конце такие строчки, написанные крупно:

«Саша! Получил твое письмо. Очень рад, что ты не забыл своего дядю Юру. Сашуня, к вам я приеду после войны...»

А тем временем занятия в академии подходили к концу.

К этому периоду относятся многие документы, которые хранятся в личном деле капитана Двужильного. Думаю, что прочитать хотя бы отрывки из них будет интересно, потому что они дают возможность лучше представить себе, как учился Юрий в академии.

Вот, например, справка, которая была выдана Двужильному Ю. М. в том, что он с 1 сентября 1938 года по 1 февраля 1942 года обучался на факультете аэродромного строительства Ленинградской военно-воздушной академии Красной Армии, где прослушал полный курс и сдал зачеты и экзамены по следующим дисциплинам:

Основы марксизма-ленинизма — отлично.

Химия — отлично.

Рисование — отлично.

Инженерная геология — отлично.

Деревянные конструкции — отлично.

Высшая математика — хорошо.

Физика — хорошо.

Я бы мог продолжить перечень дисциплин, которые изучал Юрий в академии, но ведь их в этом документе тридцать четыре. Думаю, что вы мне поверите, что и другие предметы курса обучения в академии Юрий Двужильный сдал успешно.

Вот что об этом говорится в служебной аттестации:

«Двужильный Ю. М. за время обучения на факультете показал себя способным и добросовестным слушателем. Дисциплинирован. Теоретическая и практическая подготовка, как техника аэродромостроения, хорошая. В своих действиях и принятии решений смел и решителен. Приказания выполняет расторопно и умело. К себе и подчиненным требователен. Является заместителем командира отделения. Опрятен и подтянут. В общественной работе активен. С товарищами общителен и пользуется у них большим авторитетом. Предан делу партии и социалистической Родине.

Выводы:

Может быть выпущен из академии техником по аэродромному строительству и использован в качестве техника роты аэродромно-строительного батальона. Достоин присвоения воинского звания «воентехник второго ранга».

А 2 февраля партийная комиссия академии рассмотрела

вопрос о приеме комсомольца Двужильного Ю. М. кандидатом в члены ВКП(б). Его рекомендовали в партию Николай Иванович Ершов, член ВКП(б) с 1925 года, Алексей Константинович Мусолин, член ВКП(б) с 1928 года, и комсомольская организация факультета.

Юрий получил назначение на должность старшего техника 3-й аэродромно-строительной роты 26-го отдельного инженерного аэродромно-строительного батальона, который находился где-то на Севере.

В письме, относящемся к этому периоду, Юрий писал:

«...Сейчас строим аэродром. Скоро закончим, и нас снова перебросят куда-нибудь. Места здесь довольно красивые, зачастую совсем дикие. Очень жалею, что не приобрел, когда имел возможность, ружье. Здесь есть где поохотиться.

Нинуш, я очень интересуюсь успехами Саши в музыке и науках. Ведь он уже взрослый парень.

Вообще, Нина, пиши чаще. Ведь мне очень интересно знать, как вы там живете. А то ждать, когда опять встретимся, очень долго...»

А в конце письма все теми же крупными буквами было написано:

«Сашуня! Напоминай маме, чтобы она чаще писала мне письма. Пиши также сам. Целую, Юра».

К сожалению, мне не удалось найти товарищей Юрия Двужильного, с которыми он строил аэродромы на Севере. Будем надеяться, что после выхода в свет этой книги они откликнутся. А пока нам придется самим представить, как все это было, опираясь на эти два письма Юрия и боевую характеристику «на старшего техника 3-й аэродромно-строительной роты 26 ОИАБ техник-лейтенанта Двужильного Ю. М.», в которой говорится:

«За время пребывания в подразделении т. Двужильный показал себя как инициативный, добросовестный командир. Боевая и политическая подготовка хорошая, стрелковая подготовка также. С должностью старшего техника роты справляется хорошо. Активно участвует в партийно-политической работе. Дисциплинированный, требовательный, волевой командир. Физически здоров и вынослив...»

Лейтенант Александр Арапов (снимок 1939 г.).

К сожалению, многое из того, о чем мне бы хотелось узнать, как говорится, с документальной достоверностью, остается в области предположений. Так, например, мне до сих пор не удалось найти хотя бы одно письмо Юрия Вере Волошиной. Ведь ее подруги по институту рассказывали мне, что Юрий часто писал ей, не раз бывал в институте, студенческом общежитии, когда приезжал в Москву на зимние каникулы из Ленинграда. А летом, после сдачи всех экзаменов, они вместе уезжали в Кемерово.

Юрий, конечно, знал, что в октябре 1941 года Вера добровольно ушла в армию. По ее письмам, хотя она старалась не писать лишнего, он догадывался, что Вера с группой товарищей действует в тылу немецко-фашистских войск, рвавшихся к Москве. Он с волнением ждал от нее писем, и каждый раз, вернувшись с задания, Вера писала ему.

Так было несколько раз. Но вот уже пошел третий месяц, а писем от Веры все нет и нет. Стараясь отогнать тревогу, Юрий объяснял все это тем, что ее на этот раз забросили далеко в тыл врага, а там ведь полевая почта не работает...

Но вот пришло письмо из Кемерова. Школьные товарищи сообщили Юрию, что Вера Волошина пропала без вести под Москвой в ноябре 1941 года. Ее матери Клавдии Лукьяновне из части пришло извещение...

Сейчас, конечно, трудно с полной достоверностью написать о том, что передумал в эти дни Юрий, какие он принял решения. Но мне думается, что после гибели Веры он стал с новой силой стремиться на фронт, в действующую армию. Об этом мы читаем в одном из его писем сестре:

«Ты знаешь, Нинуш, меня такая злоба раздражает на всю эту немецкую сволочь, что я с большой бы охотой пошел бы опять их колотить в рядах автоматчиков...»

Видимо, Юрию удалось наконец добиться своей цели. В его личном деле я нашел еще одну аттестацию на слушателя 3-го курса Архангельского филиала пулеметных курсов «Выстрел» Двужильного Юрия Михайловича. Он учился на этих курсах с 1 сентября по 25 октября 1942 года.

Вот что говорится о Юрии в этой аттестации:

«Предан делу партии и социалистической Родине. Политически выдержан, морально устойчив. Дисциплинирован. Общее военное и политическое развитие хорошее.

Политическую подготовку усвоил отлично. Тактику хорошо. Материальную часть оружия знает отлично.

По остальным дисциплинам имеет хорошие и отличные оценки. Стреляет из всех видов пехотного оружия отлично.

Может организовать взаимодействие огня пулеметной роты в бою. Отличный строевик, командный язык отработан.

Физически развит, вынослив. Энергичен, находчив, инициативен, смел, не теряется в сложной обстановке.

Вывод: может занимать должность командира пулеметной роты. Достоин присвоения военного звания «старший лейтенант».

Так техник-лейтенант Двужильный, строивший где-то на Севере аэродромы, стал старшим лейтенантом, командиром пулеметной роты.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ПИСЬМА...

*Навстречу
раскатам
ревущего
грома
мы в бой поднимались
светло и сурово.*

Звание «старший лейтенант» Юрию Двужильному было присвоено 22 ноября 1942 года, и вскоре он получил назначение в 259-ю стрелковую дивизию, которая в то время находилась на пополнении в районе станции Кушба Северной железной дороги.

С 5 января по 2 февраля 1943 года дивизия следовала по железной дороге из района формирования к городу Ново-Григорьевка, Сталинградской области, где вошла в состав 3-й гвардейской армии.

Видимо, к этому времени относится открытка Юрия, в которой он писал:

«Здравствуй, Нинушка! Последнее время был так занят, что даже забыл поздравить тебя с днем рождения. Но хотя с опозданием, все же поздравляю и желаю тебе всего, всего наилучшего. Сейчас мне писать пока воздержись. Напишешь, когда сообщу адрес...»

С 19 по 25 февраля 1943 года дивизия с тяжелыми боями прошла около двенадцати километров, освободив при этом населенные пункты Ново-Булаховка, Мало-Николаевка, совхоз имени Петровского, чем содействовала выходу из окружения 7-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Эта операция проходила в очень трудных условиях, и дивизия понесла большие потери, но поставленную задачу выполнила.

Вот что писал об этих боях Юрий:

«Здравствуй, Нинушка! Давненько я ничего о себе не писал, и ты, вероятно, надежду потеряла что-либо узнать обо мне. Было много случаев, когда бы ты больше не получила от меня никаких известий, но все обошлось благополучно. Как видишь, я могу писать и отметить тот факт, что твой брат до сих пор жив и здоров. Нинуша, сейчас я уже почти на своей родине...»

Спустя несколько дней пришло еще одно письмо.

«Сейчас нахожусь, — писал Юрий, — приблизительно километров 80—100 от своей родины (город Донецк. — Г. Ф.). И, как видно из сводок, тут скоро, наверно, будет жарко во всех отношениях. Один раз, Нинуш, я уже был слегка контужен, но у немцев, как и у финнов, не хватило огневых средств, чтобы ранить или убить. Новый год я уже надеюсь встретить вместе и после нескольких рюмок у меня появится красноречие и начну вам рассказывать о всех моих приключениях, злоключениях и боевых делах...»

5 мая 1943 года Юрий послал небольшую открытку:

«Здравствуйте, мои дорогие! Нинушка, почему ты мне ничего не пишешь о том, как вы живете? Вообще, безобразие забывать своего единственного брата.

Сашуня! Заставляй маму писать письма твоему дядьке Юре и сам пиши...»

Это было трудное время, когда наши войска вели упорные наступательные бои под Мелитополем, Славяносербском, взламывая подготовленную здесь заранее глубоко эшелонированную оборону противника.

В этих боях отличилась рота, которой командовал старший лейтенант Двужильный. Приказом по 3-й гвардейской армии от 10 июля он был награжден вторым орденом Красного Знамени «за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество». Вскоре он был назначен командиром стрелкового батальона 939-го полка.

Вот как об этом писал сам Юрий:

«Сейчас командую уже подразделением довольно приличным. Правда, в звании отстаю от занимаемой должности...»

В историческом формуляре 259-й стрелковой дивизии этот период боев описан так:

«8 апреля 1943 года дивизия сменила части 279-й стрелковой дивизии и заняла оборону на рубеже Клаус-Кряково, Трехизбенка (левый берег реки Северный Донец), Красный Лиман, Ящиково (правый берег реки Северный Донец).

В ночь с 10 на 11 апреля противник подтянул

резервы и при поддержке танков прорвал фронт нашей обороны в районе Славяносербска и оттеснил наши части на левый берег Северного Донца.

2 сентября части дивизии форсировали реку Северный Донец, сбили противника с занимаемых рубежей и овладели населенными пунктами Белая Гора, Ташковка, Мирная Долина... В дальнейшем темп наступления нарастает. В короткий срок были освобождены от немецко-фашистских захватчиков города Красноармейское, Константиновка (город, где родился Юрий Двужильный. — Г. Ф.) и ряд крупных населенных пунктов — Горелое, Камышеваха, Гришино, Сергеевка и другие.

На аэродроме в деревне Гришино захвачено 17 исправных самолетов противника.

Своими энергичными действиями и выходом на коммуникации противника дивизия способствовала частям 266-й стрелковой дивизии в овладении городом Артемовск.

8 сентября 1943 года приказом Верховного Главнокомандующего 259-й стрелковой дивизии было присвоено наименование «Артемовская» и всему личному составу объявлена благодарность за освобождение Донбасса».

Где-то уже в последних числах ноября 1943 года Юрий писал сестре:

«Здравствуй, Нинушка! Получил ваше коллективное письмо. Очень рад, что Сашуня стал хорошо учиться, а то действительно обидно было: умный парнишка, а так выходило.

Неприятная новость — твоя слепота. Нинушка, ты уж старайся меньше переживать. Перетерпи все это, мне кажется, что уже не очень долго до нашей встречи.

Сейчас я хотя и гораздо южнее тебя, однако мерзну. Погода препротивнейшая: днем дождь, вечером мороз. Малярия пока отпустила. Так что могу написать, что жив, здоров. Крепко целую, брат — дядя Юра».

Мне хочется привести отрывки еще из двух писем, написанных в самом конце 1943 года. Вот первое из них, датированное 5 декабря:

«Здравствуй, Нинушка! Сейчас я нахожусь в

Макеевке: совершенно неожиданно 28 ноября при бомбежке я был ранен осколком в левую руку. Рана не очень серьезная, однако вот пришлось эвакуироваться. Я уезжаю дальше, так что ты мне не пиши — когда устроюсь в госпиталь, я тебе сообщу адрес...»

Видимо, Юрий задержался в эвакогоспитале № 3108, потому что следующее свое письмо от 22 декабря он тоже прислал из Макеевки. Вот что он писал:

«Нинуш, нахожусь пока еще в Макеевке. Думаю как-нибудь съездить в Сталино, но это немного позднее. Чувствую себя сейчас уже сравнительно хорошо. Уход за ранеными здесь хороший, а главное — замечательный начальник отделения.

После долгих стараний удалось сфотографироваться, хотя, правда, калекой, но ничего. Посылаю тебе фотографию. Вышел не совсем удачно, но представление получить можно.

Пиши мне сюда, с месяц, возможно, еще побуду. Пусть напишет Сашуня, как у него там успехи.

Ну, заодно поздравляю с Новым годом. Желаю вам всего самого хорошего...»

А вот что говорится в следующем письме, которое, очевидно, было написано уже в марте 1944 года.

«Здравствуй, Нинуш, — писал Юрий. — Большое спасибо за твою заботу, но телеграмма пришла немного поздно. В следующий раз, если ранят, постараюсь приехать к тебе.

Сейчас я нахожусь в госпитале под Москвой. Скоро должен буду выписаться, рука уже приобрела более или менее нормальный вид. Жду не дождусь, когда уже попаду опять в часть, чтобы иметь постоянный адрес и получать от тебя письма...»

22 марта Юрий писал сестре:

«Завтра выписываюсь в часть. Значит, опять на фронт, а то уже и так засиделся в тылах. Рука совсем стала как нормальная. Соскучился я по вас здорово. Так хотелось побывать у вас, особенно после телеграммы из Кемерово. Но увы и ах! А счастье было так близко, так возможно...»

Ну, ничего, Нинушка, мне кажется, что уже близка наша встреча...

Нинуш, я тебе из Макеевки послал свою фотографию. Но ты не думай, что я так действительно плохо выгляжу. Тогда я был болен и рука была очень плоха. Постарел, правда, немножко, но потом помолодею.

Нинушка, ты мне в письме, когда получишь мой новый адрес, пришли, пожалуйста, фотографию Сашуни и свою. Уж очень мне хочется посмотреть, какие вы теперь стали. Сашунька ведь теперь уже совсем большой. Помнит ли он своего дядьку Юрку? Наверно, уже забыл. Ну ты, конечно, наверно, не забыла единого родного брата...

Кучино, 22 марта 1944 года».

А вот что он писал своему племяннику Саше, в этот раз на отдельном листке, отдельным письмом:

«Здравствуй, Сашуня! Мама тебе, наверно, говорила, что я был ранен. А сейчас я уже выздоровел и еду опять на фронт. Сашуня, пиши мне, как ты живешь, как твои успехи в школе. Надеюсь, что ты теперь учишься только на «отлично», а если это не так, то это плохо. Посылаю тебе свою фотографию для того, чтобы ты не забыл своего дядю.

Сашуня, пиши мне письма и напоминай маме, чтобы она чаще писала. Будь здоров. Целую. Юра».

В первых числах апреля 1944 года Юрий писал сестре:

«Здравствуй, Нинушка! Я тебе недавно написал уже письмо, вдогонку посылаю еще одно. Думаю, ничего против иметь не будешь.

Вот уже два дня, как я в Москве. Ходил в кино, нужно перед фронтом зарядиться культурой. А то когда теперь опять выдастся случай побывать в Москве. Видел «Багдадский вор». Сашуньке нужно обязательно посмотреть этот фильм. Уж больно красиво он сделан.

Посылаю тебе последнюю фотографию, чтобы рассеять твои грустные мысли, навеянные фотографией из Макеевки...

Ну, Нинок, вот вроде и все. Жду постоянного адреса. Пиши чаще. Крепко целую. Юра».

И вот наконец два последних письма. На них стоит один и тот же обратный адрес: полевая почта 49867 «Х», и написаны они были из Белоруссии.

Из госпиталя, как об этом свидетельствуют документы архива, Юрий 5 апреля 1944 года прибыл в 48-й отдельный резервный полк, откуда получил направление в 290-ю стрелковую дивизию, стоявшую в лесах юго-восточнее деревни Рясна, Могилевской области, БССР. Капитан Двужильный был назначен командиром 3-го батальона 878-го стрелкового полка. Оба письма датированы июнем 1944 года.

Вот что писал Юрий 10 июня:

«Здравствуй, Нинушка! Наконец смогу ожидать от тебя писем, так как после долгих мытарств наконец обрел постоянное место. Ну, сейчас я нахожусь не в родных краях, а в местах, где никогда не бывал и не мечтал бывать.

Нинуш, наконец уже можно теперь с уверенностью сказать, что если не в этом, то в начале того года мы сможем встретиться. Всей этой немецкой падали — их войску скоро будет «капутик», и тогда уже и вы там в Сибири да и мы здесь вздохнем свободней.

За время своих странствований я уже опять успел побывать в госпитале, так как снова трепала малярия. Вот навязалась на мою шею — не женат, так с этой связался...»

А вот передо мной и самое последнее письмо Юрия. Я сейчас не смогу вам точно указать день, когда оно было написано. На штампе полевой почты есть такая дата: 28.6.44 г. Но в это время Юрия уже не было в живых — он погиб 25 июня 1944 года...

Видимо, свое последнее письмо, не зная, конечно, что оно будет последним, Юрий написал накануне летнего наступления в Белоруссии, которое началось 23 июня по всему фронту. Это было за два дня до его гибели.

«Здравствуй, Нинушка!

Пока жив и здоров. Малярия меня посещает сейчас реже, так что сравнительно чувствую себя хорошо. Сейчас уже опять на фронте. Пока никаких существенных изменений.

С Украиной распрощался. Сейчас воюю в другом уже месте, в котором раньше никогда не бывал. В общем, за войну изучил географию Советского Союза так, как я ее никогда в школе не знал, и с такими подробностями, о

которых ни в одном учебнике не сказано.

Вот так, «путешествуя», смотришь, и выберу место для жительства. Так как меня не удовлетворяют три аршина, то я думаю, что останусь живым и вас с Сашуней скоро увижу.

Нинушка, напиши, пожалуйста, нужны ли тебе деньги, если нужны, буду высылать аттестат.

Ну вот у меня все. Крепко целую. Юра».

...К этому письму карандашом и, очевидно, наспех была сделана такая приписка:

«Нина! Эти письма написаны Юрием еще до боя. Они хранились в моей полевой сумке. Вчера, 25 июня, он был убит прямым попаданием снаряда. Вечная слава ему! А мы уже на Днепре...

С. Струментов»

Вы прочитали последнее письмо Юрия и эту короткую, сделанную наспех приписку к нему, и я уверен, что еще долго будете думать о них. Здесь, на поблекшем от времени листочке солдатского письма со штампом полевой почты, сошлись, столкнулись вплотную жизнь и смерть, светлая мечта юноши, ставшего в 19 лет солдатом, о том, что будет после победы, и торопливые слова приписки, перечеркнувшие ее, эту мечту. Здесь были так и не сбывшаяся надежда о встрече после победы, и затуманенная хмелем недавнего боя радость — «а мы уже на Днепре!»

Совсем недавно я узнал, что последнее письмо Юрия переслал его сестре Степан Петрович Струментов, командир одной из рот батальона капитана Двужильного. Живет Степан Петрович в городе Судогде, Владимирской области, и в своих письмах с большой теплотой вспоминает о своем командире. Но, откровенно говоря, когда я впервые прочитал его приписку к последнему письму Юрия, она мне показалась до обидного короткой и, если даже хотите, несколько равнодушной. Хотя я и понимал, что батальон, потерявший у небольшой белорусской деревни Хорошки своего командира, должен был, не задерживаясь, продолжать свой путь на Запад...

НА ПРОНЕ И РЕСТЕ

*Плескалось
багровое знамя,
горели
багровые звезды,
слепая пурга
покрывала
багровый от крови
закат,
и слышалась
поступь
дивизий,
великая поступь
дивизий,
железная поступь
дивизий,
точная
поступь
солдат!*

В 878-й стрелковый полк Юрий Двужильный, судя по документам архива и сохранившимся письмам, прибыл в первых числах мая 1944 года, за несколько недель до начала наступления наших войск в Белоруссии. Он был назначен командиром 3-го батальона.

В ту пору полк стоял в лесах к юго-востоку от деревни Рясна, в десяти — двенадцати километрах от реки Проня, и готовился к предстоящим боям.

Линия фронта в Белоруссии после окончания зимней кампании представляла собой выступ, который своей вершиной вдавался далеко на восток. Гитлеровцы стремились любой ценой удержать здесь свои позиции, прикрывая подступы к Восточной Пруссии и Польше.

Учитывая важное стратегическое значение Белорусского выступа, командование немецко-фашистских войск в течение многих месяцев создавало там сильную, глубоко эшелонированную оборону, которая называлась «Фатерланд».

Перед Советской Армией стояла задача прорвать долговременную, заранее подготовленную оборону противника и разгромить гитлеровские войска в Белоруссии, чтобы открыть себе дорогу для дальнейшего наступления на Запад.

Эта задача была поставлена перед четырьмя фронтами — 1-м

Прибалтийским, 3, 2 и 1-м Белорусскими.

1-й Прибалтийский фронт (командующий генерал армии И. Х. Баграмян) занимал 160-километровый рубеж от озера Нещердо до Витебска. 3-й Белорусский фронт под командованием генерал-полковника И. Д. Черняховского располагался на участке протяженностью 130 километров от Витебска до Баево. В центре от Баево до Селец-Холопеевки находился 2-й Белорусский фронт, которым командовал генерал-полковник Г. Ф. Захаров. И наконец, к югу от 2-го Белорусского фронта сосредоточились войска 1-го Белорусского фронта под командованием генерала армии К. К. Рокоссовского.

Нас будут, конечно, больше всего интересовать боевые действия войск 2-го Белорусского фронта, наступавших на Могилев. В их составе была 290-я стрелковая дивизия и 878-й полк, в котором одним из батальонов командовал капитан Двужильный.

2-й Белорусский фронт состоял из трех армий: 33-й (командующий генерал-лейтенант В. Д. Крюченков), 49-й (командующий генерал-лейтенант И. Т. Гришин) и 50-й (командующий генерал-лейтенант И. В. Болдин). 290-я стрелковая дивизия входила в состав 49-й армии.

Перед войсками 2-го Белорусского фронта стояла задача разгромить Mogilevskuyu группировку противника и выйти к реке Березина. Главный удар должны были нанести части и соединения 49-й армии.

С воздуха боевые действия 2-го Белорусского фронта обеспечивала 4-я воздушная армия, которой командовал генерал-полковник авиации К. А. Вершинин. В ночь на 23 июня, перед наступлением, одна ночная бомбардировочная дивизия и два корпуса авиации дальнего действия должны были провести предварительную авиационную подготовку, нанеся удары с воздуха по переднему краю вражеской обороны. Наступление ударной группировки наземных войск предстояло поддерживать двум штурмовым и одной истребительной авиационным дивизиям.

На участке прорыва войск 49-й армии линия фронта проходила по реке Проня, на которой осенью 1943 года остановилось летнее наступление наших войск, начавшееся после разгрома немцев на Курской дуге. Эта небольшая, но глубокая река с низким и заболоченным левым и высоким правым берегом, где укрепились гитлеровцы, не дала нашим войскам возможности с ходу прорваться к Могилеву.

Лейтенант Константин Блинов.

Так и стояли почти год друг против друга наши и немецкие войска, ведя, как в таких случаях говорят, бои местного значения. Гитлеровцы, конечно, не помышляли о контрнаступлении на этом участке фронта и старались как можно прочнее закрепиться на занятом рубеже.

В мою задачу, конечно, не входит подробный рассказ о действиях советских войск при проведении Белорусской операции летом 1944 года. Перед собой я ставлю более скромную цель, — опираясь на документы военного архива, воспоминания ветеранов 878-го стрелкового полка, рассказать о подготовке к наступлению и трех днях боев: 23, 24 и 25 июня 1944 года. Кроме того, я хочу проследить боевой путь 3-го стрелкового батальона, которым командовал капитан Двужильный, от деревни Рясна, где находился исходный рубеж наступления, к Хорошкам. Там погиб и похоронен Юрий.

Период подготовки 878-го стрелкового полка к наступлению я покажу главным образом на материалах военного архива.

Так, в «Журнале боевых действий полка» говорится

следующее.

Операции по прорыву обороны противника на реке Проня предшествовала подготовительная работа на переднем крае. Уже к 10 июня был оборудован полковой наблюдательный пункт, с которого днем и ночью велось наблюдение за противником. Изучалась система его обороны, наличие инженерных сооружений, противопехотных и противотанковых препятствий. Проводилась инженерная разведка реки Проня и подходов к переднему краю противника.

Было установлено, что у немцев на этом участке фронта отрыто четыре линии траншей полного профиля, соединенных между собой системой ходов сообщения. Перед первой линией обороны установлены проволоочные заграждения в три кола, перед второй и третьей — в два кола. Кроме того, на подступах к переднему краю установлены противотанковые и противопехотные мины.

Передний край противника был сильно насыщен огневыми средствами. Имелись специально оборудованные пулеметные площадки, приспособленные к стрельбе в ночное время, орудия, установленные на прямую наводку, минометные батареи. Система огня была построена так, что противник мог простреливать косопрямельным и фланкирующим огнем все пространство перед своим передним краем. Вся огневая система гитлеровцев была эшелонирована в глубину. Наблюдением и разведкой удалось обнаружить артиллерийские позиции противника в районе деревень Застенки, Сусловка, Далекие Нивы, Радомля, а в лесу юго-западнее Заложья — минометные батареи.

Все это свидетельствовало о том, что оборона немецко-фашистских войск на этом участке фронта была прочной и прорвать ее нелегко. Нужна была тщательная подготовка, учет всех, порой самых неожиданных, обстоятельств. Поэтому подготовка к предстоящему наступлению велась по самым различным направлениям. Прежде всего — на учебном поле в тылу наших войск, где был заранее оборудован район, который точно напоминал передний край обороны противника. Почти месяц здесь шла боевая учеба — роты и батальоны отрабатывали свои действия в наступлении при поддержке артиллерии, танков и авиации. Воины учились форсировать водную преграду, преодолевать линии заграждения, действовать в рукопашной схватке в окопах, блокировать и уничтожать огневые точки, взаимодействовать в бою друг с другом и с приданными и поддерживающими средствами. В эти дни, пожалуй, самым популярным изречением было суворовское: «Тяжело в ученье, легко в бою».

Кроме того, были проведены командные учения — штаб полка провел несколько занятий с командирами взводов, рот и батальонов, на которых главное внимание было обращено на взаимодействие в бою, и при этом шли настойчивые поиски наиболее удачного решения отдельных элементов боевой задачи и всей операции в целом. Между офицерами шло своеобразное соревнование за наиболее правильное построение боевых порядков и выход из неожиданных осложнений, которые могут возникнуть на поле боя.

Короче говоря, учились все — и молодые, еще не обстрелянные солдаты, и опытные воины, и офицеры всех степеней и рангов, от командиров взводов до командира полка включительно.

О напряженной и многогранной подготовке к предстоящим боям красноречиво говорят приказы по полку, которые я прочитал в архиве.

Так, в своем приказе от 8 июня 1944 года командир полка подполковник М. Г. Хомуло обращает внимание командиров батальонов и рот на необходимость проявлять постоянную заботу о подчиненных, знать их личные и деловые качества. На всех офицеров, сержантов и рядовых, имевших ранения, но почему-то не получивших наград, приказом предписывалось срочно оформить материалы о награждении.

И дальше:

«Все пополнение направлять в роты. На хозяйственных и всякого рода других работах использовать лиц старше сорокалетнего возраста. Для улучшения питания немедленно организовать сбор щавеля. В каждой роте, батарее и отдельном взводе иметь (холодного) сапожника».

«Каждая рота, — говорилось в другом приказе, — должна иметь свою любимую песню и свои традиции. В ротах вести дневник... Ведение «Журнала боевых действий полка» возложить на старшего лейтенанта административной службы Стефановича, старшего лейтенанта Зелик и рядового (топографа) Дульнева...»

Как видите, в подготовке к наступлению у командования полка не было мелочей, все было необходимо для решения поставленной задачи. Даже сбор щавеля для улучшения питания личного состава...

Все это я прочитал в документах 878-го полка, найденных в архиве. Но этого было мало. Мне хотелось встретиться с очевидцами описанных событий, найти боевых товарищей Юрия Двужильного, которые могли бы подробнее рассказать мне о нем.

Прежде всего я решил разыскать Струментова. Помните, он переслал Нине Михайловне Двужильной письма Юрия после его гибели?

Я был вправе предположить, что С. Струментов служил в одном батальоне с Юрием Двужильным и был, по всей вероятности, офицером. Ведь он пишет, что письма Юрия хранились в его полевой сумке, которые обычно были только у офицеров.

Поэтому я позвонил в Управление кадров Министерства обороны СССР и попросил проверить, числится ли среди офицеров Советской Армии С. Струментов. Я рассчитывал, что выяснить это будет не трудно — фамилия Струментов не так уж часто встречается, как, скажем, Степанов, Смирнов, Сергеев.

И действительно, через несколько минут мне сообщили, что старший лейтенант Степан Петрович Струментов командовал ротой в 3-м батальоне 878-го стрелкового полка, принимал участие в освобождении Белоруссии и выбыл из части по ранению в августе 1944 года. Среди погибших и пропавших без вести он не значится.

Следовательно, надо искать дальше. Но каким образом? В этом мне помогла Лидия Ивановна Пяткова, которая в Управлении кадров Министерства обороны СССР ведет картотеку офицерского состава. Она сообщила мне довоенный адрес Степана Петровича Струментова. Он был призван в армию Красно-Четайским райвоенкоматом Чувашской АССР. Я написал запрос и вскоре получил ответ военкома Лопатина. Он писал:

«На ваше письмо сообщаю адрес Степана Петровича Струментова: Владимирская область, г. Судогда, Первомайский переулок, 1».

И вот наконец я получил письмо от Степана Петровича Струментова.

Вот что пишет С. П. Струментов о своей первой встрече с комбатом:

«...В 878-й стрелковый полк я прибыл из госпиталя 4 мая 1944 года, а капитана Двужильного к нам назначили командиром батальона дня через три-четыре. Он был выше среднего роста, с правильными чертами лица, носил небольшую бородку, усы. Характер у него был

сдержанный, приказы отдавал всегда ровным, спокойным голосом. Чувствовалось, что это образованный, знающий свое дело командир, хотя он был очень молод.

Помнится, что тогда, в мае, наш полк еще не был полностью укомплектован и мы принимали пополнение. Капитан Двужильный давал нам, командирам рот, указания, как принимать людей, вооружение, боеприпасы, на что обращать внимание в первую очередь. Во всем чувствовалась его распорядительность, большой армейский опыт, а главное — большая забота и доверие к людям. Со всеми — солдатами, сержантами, офицерами — он держался просто, естественно, с подкупающей искренностью».

Бывший командир полка Михаил Григорьевич Хомуло, который и сейчас служит в Советской Армии, так пишет в своих воспоминаниях о Юрии Двужильном:

«В мае 1944 года на должность командира 3-го батальона прибыл капитан Двужильный Юрий Михайлович. Это был высокий, стройный юноша (ему тогда, кажется, было не больше 23—24 лет), не по годам серьезный, волевой, физически развит хорошо. Помню, он очень интересовался тактикой общевойскового боя, часто задавал вопросы мне и моим заместителям, расспрашивал товарищей. Чувствовалось его беспокойство за судьбу вверенного ему батальона, хотел познать все до начала наступления.

Полк в это время проходил усиленную подготовку по обучению форсирования рек, мы обучали подразделения наступать вслед за артиллерийским валом, вести бой в населенных пунктах, штурмовать дзоты, наступать в лесу и т. д. Это были дни напряженной учебы перед наступлением.

В свободные минуты Юрий много думал, прикидывал в уме, взвешивал, рассчитывал. Помню, принимая решение на наступление, я спросил всех троих комбатов, в том числе и Юрия, кто желает наступать в первом эшелоне. Не колеблясь, он первым заявил: «Прошу в первый эшелон полка поставить 3-й батальон». Мой выбор тоже был — 3-й батальон, потому что во время подготовки к наступлению видел, на что способен каждый комбат и как подготовлен его батальон. Причем я и ожидал, что Юрий сам попросит поставить его

батальон в первый эшелон.

За два дня до начала наступления батальонам была поставлена боевая задача. После форсирования реки 3-й батальон должен был овладеть рощей, которая служила немцам укрепленным узлом обороны. Овладение этой рощей решало успех дела.

Я подробно разъяснил капитану Двужильному значение взятия этого опорного пункта для наступления полка и всей нашей дивизии, всю ответственность, которая ложится на 3-й батальон, и, конечно, сказал обо всех трудностях и опасностях, с которыми придется столкнуться.

Капитан Двужильный в течение двух суток изучал оборону противника, подступы к реке, систему огня и откуда будет лучше атаковать рощу, находившуюся в километре от переднего края.

В день наступления была запланирована почти двухчасовая артиллерийская подготовка. На двадцать пятой минуте артподготовки капитан Двужильный поднял свой батальон в наступление. Артиллерия делала для его людей «коридор», то есть на пути движения батальона переносила огонь дальше, прикрывая его с флангов. В результате этого 3-й батальон форсировал реку, штурмом овладел рощей и к концу артподготовки завязал бой за деревню Сусловка (в двух с половиной километрах от переднего края). Прорыв батальона до того был стремительным, что немцы буквально не сумели ничего противопоставить ему. Батальон захватил большое количество пленных, орудий, танков, минометов. Были взяты в плен командир немецкого батальона, майор, и много других офицеров.

Во всем этом был большой риск, большая смелость командира, но и здравый расчет.

В первые 25 минут артподготовки наша артиллерия подавила оборону переднего края и перенесла огонь на вторую траншею противника. Но уже в это время, идя вплотную за огневым валом, наши воины ворвались в первую траншею и стремительно двинулись ко второй. Артиллеристы тем временем перенесли огонь на третью траншею и т. д. Немцы думали, что во время артподготовки русские в атаку не пойдут, и сидели в своих «норах», пока батальон Двужильного не навалился на них. Все это подействовало на немцев ошеломляюще.

Дерзкие действия 3-го батальона обеспечили успех

главным силам полка и дивизии, мы успешно форсировали реку Проня и на другой день вслед за немцами ворвались на правый берег реки Бася...

А 25 июня наши войска завязали бои за деревню Хорошки, которая несколько раз переходила из рук в руки. Здесь капитан Двужильный был убит осколком снаряда...»

Да, дорогой ценой было оплачено освобождение небольшой белорусской деревушки Хорошки, которую я, отправляясь в поход по местам боев 878-го полка, даже не смог отыскать на карте Белоруссии. Здесь в братской могиле, как об этом свидетельствуют документы Архива Министерства обороны СССР, похоронено 32 солдата, сержанта и офицера.

Вот что писал мне Степан Петрович Струментов о том, как погиб Юрий Двужильный:

«После того как мы форсировали Проню и отбили контратаки противника у деревни Сусловка, полк, преследуя врага, ворвался на правый берег реки Бася и стремительным маршем вышел к Хорошкам. Деревню заняли после короткого боя, но впереди была еще одна река — Реста. Узкая река, и протекала она ближе к обороне противника. А наш берег был низким, пологим. Гитлеровцы даже кусты вырубили, чтобы расчистить себе зону обстрела.

Мы хотели с ходу форсировать Ресту и захватить деревню Сухари, что была на той стороне и служила немцам опорным пунктом. Но наша атака была отбита. За ней вторая, третья. А потом немцы сами пошли в контратаку при поддержке восьми «фердинандов». Залегли мы в воронках и стали отбиваться. Несколько контратак отбили, готовимся снова пойти в наступление. В это время подползает ко мне связной комбата, передает мне полевую сумку и говорит, что осколком снаряда только что убило командира.

Мы поднялись в атаку и смяли врага...»

А вот отрывок из письма Григория Макаровича Аксенова, командира батареи 355-го отдельного истребительного противотанкового артдивизиона:

«Батарея, которой командовал я, была придана батальону капитана Двужильного. Встреча наша произошла уже на плацдарме в немецкой траншее,

захваченной нашими воинами. Помню, что это был молодой офицер, чуточку старше меня (мне тогда был 21 год). Но во всем его облике чувствовалась твердость, уверенность и хладнокровный расчет, умение коротко и ясно ставить перед нами, артиллеристами, боевую задачу. Мне он запомнился умным офицером, умудренным уже к тому времени боевым опытом.

Выполняя задание командования полка и дивизии, батальон прочно удерживал плацдарм на правом берегу реки Бася. Попытка противника сбить передовой отряд оказалась безуспешной. Потеряв большое число убитых и технику, гитлеровцы не смогли опрокинуть горсточку воинов, находившихся на плацдарме размером всего полтора километра по фронту и до одного километра в глубину.

А дальше были бои за деревню Хорошки, форсирование реки Реста. Чтобы выйти на шоссе Рясна — Могилев и овладеть деревней Сухари, нашим воинам пришлось драться буквально за каждый метр родной белорусской земли. Здесь и погиб капитан Двужильный.

О его гибели в тот же день было объявлено всему личному составу дивизии, и его подвиг ставился в пример всем солдатам, сержантам и офицерам. Нам было уже тогда известно, что его представили к присвоению звания высшей воинской доблести — Героя Советского Союза. Мужественный подвиг бойцов 3-го батальона и его командира капитана Двужильного был для всех нас образцом исполнения своего воинского долга и во многом способствовал успеху наших войск при форсировании Днепра и освобождении Могилева...»

В Архиве Министерства обороны СССР хранится наградной лист на капитана Двужильного. Вот что в нем говорится:

«Капитан Двужильный на фронтах Отечественной войны с марта 1942 года. Участник многих боев с немецкими захватчиками.

В боях хладнокровный и распорядительный, действовал смело и решительно, проявлял при этом стойкость и упорство.

23.06 1944 г. при форсировании водного рубежа Проня и прорыве сильно укрепленной линии обороны противника батальон под командованием капитана Двужильного первым перешел в наступление,

форсировал реку и стремительным броском ворвался в немецкие траншеи. В рукопашной схватке противник был выбит из траншей и обращен в бегство.

Успеху батальона в прорыве немецкой обороны способствовало умелое руководство операцией капитаном Двужильным. Он в ответственные моменты воодушевлял бойцов на боевые подвиги, сам вместе с бойцами врывался в траншеи противника и в рукопашной схватке решал исход дела.

В районе деревни Сусловка противник перешел в контратаку при поддержке 8 «фердинандов» и авиации и потеснил соседнюю часть (199-й стрелковой дивизии). В результате умелых быстрых действий капитана Двужильного батальон с фланга контратаковал врага, восстановил положение на участке, а противника обратил в бегство.

Развивая дальнейшее наступление, батальон, преследуя противника, с боями продвигался вперед. 25 июня 1944 года при отражении яростной контратаки капитан Двужильный героически погиб.

Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командир 290-й стрелковой дивизии генерал-майор Гаспарян.

Заключение Военного совета армии:

«Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Заключение Военного совета фронта:

«Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Среди документов военной поры я нашел и подшивку дивизионной газеты «За правое дело». Вот что писал в ней сержант Литвинов о подвиге Юрия Двужильного:

«В исторический день великого наступления подразделению капитана Двужильного выпала честь первым штурмовать вражеские укрепления. Ранним утром бойцы устремились в атаку, под огнем врага форсировали водную преграду, преодолели минные поля и проволочные заграждения и ворвались на высоту, господствующую над местностью. Среди атакующих был любимый командир Двужильный.

В результате кровопролитной схватки противник был разгромлен, высота осталась в наших руках. Советские части начали победный путь на Запад...»

Мне хочется также привести дословно текст Указа Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорится:

«За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» капитану Двужильному Юрию Михайловичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль, 24 марта 1945 года».

ПО ДОРОГАМ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ

*Черный камень,
черный камень,
что молчишь ты,
черный камень?
Разве ты
хотел такого?
Разве ты
мечтал когда-то
стать надгробьем
для могилы
Неизвестного
солдата?*

Я всегда с волнением отправляюсь в дорогу — меня радуют и тревожат предстоящие встречи с людьми, новые открытия, которыми так богата наша журналистская доля. И всякий раз я с особым волнением отправляюсь в Белоруссию, где прошло мое детство, радуясь и почему-то немного боясь предстоящей встречи.

Мне думается, что не каждому знакомо это чувство, которое вот уже много лет не дает мне покоя с тех пор, как я, демобилизовавшись из армии, не вернулся в Белоруссию, где родился и вырос.

Моя родная Беларусь... Я много думаю о тебе, и тем чаще, чем дальше идут годы, все больше и больше отдаляя меня от детства и юности, старательно наслаивая между моей теперешней жизнью и памятью о тебе множество нужных и ненужных воспоминаний. И с каждым годом в моей душе крепнет уверенность в том, что я обязательно вернусь в родные края, что не знать мне душевного покоя и всей той радости, которая отпущена человеку на его коротком веку, пока буду бродить вдали от родных перелесков и нив...

И я рад, что для меня это возвращение уже началось. Я стал собирать материалы о Герое Советского Союза Юрии Двужильном, моем русском брате, погибшем на земле Белоруссии за ее освобождение. И об этом я хочу рассказать людям.

Так моя журналистская доля, оказавшись прозорливее, решительнее и тверже меня, властно позвала в родные края и повелела написать о мужестве и героизме советских воинов-освободителей, о нашем великом братстве, скрепленном кровью.

...В Оршу я приехал рано, где-то около шести часов утра, пересел на другой поезд и наконец приехал на станцию Темный Лес. Время уже шло к вечеру, а мне предстояло еще пройти более десяти километров до деревни Рясна.

Было солнечно и тепло, стояло бабье лето. То и дело проплывали длинные нити белой паутины. Они натягивались на деревьях, словно ленточки на финише, а на стерне недавно скошенной ржи паутины было так много, что она напоминала собой снег, сверкающий своей белизной на солнце.

Идти было легко, и вот здесь я как-то особенно хорошо почувствовал, как велика земля наша, сколько нового, необычного ожидает путника в дороге. Тем более если у него будет такая же карта, как и у меня, на которой весь путь от Темного Леса до Рясны влез в полсантиметра. А ведь это было более десяти километров по прямой, несколько деревень, стоявших у дороги или чуть в стороне от нее, поля, луга и речка, извивавшаяся между холмами, поросшими красивым сосновым лесом.

Полдороги я прошел пешком, а потом повезло — почти до самой Рясны меня вез в прицепе, звонком, как металлический поднос, трактор «Беларусь». Тракторист охотно согласился подбросить меня, а тут еще оказалось, что в 1944 году воевал он в здешних местах.

Вот и развилка дорог. Трактористу направо, мне прямо. Закурили на прощание, и я снова один. Правда, идти было уже недалеко — в низине, широко раскинувшись на берегу какой-то речки, была деревня Рясна, одно из древних поселений в Белоруссии, с церковью, костелом, ежегодными осенними ярмарками.

Сейчас в Рясне центральная усадьба совхоза имени Ленина, есть хорошая школа, строится несколько кирпичных зданий в два-три этажа. На ночлег я устроился в гостинице. Так здесь все называли небольшую комнату с четырьмя кроватями. Они пустовали, и одну из них занял я.

Утром отправился дальше, то и дело доставая свою тетрадь, сверяя свой маршрут с выписками из «Журнала боевых действий» 878-го стрелкового полка.

Помню, в архиве я записал:

«...Полк перед наступлением сосредоточился на исходном рубеже в лесах юго-восточнее деревни Рясна».

И действительно, в полутора километрах к юго-востоку от деревни я увидел лес, который тянулся к югу и на горизонте сливался с землей. Здесь в июне 1944 года в десяти километрах от реки Проня, которую предстояло форсировать частям 290-й дивизии, стояли замаскированные зеленью танки, самоходные артиллерийские установки, готовились к наступлению роты и батальоны.

«...С 10 по 20 июня 1944 года, — читаю дальше, — личный состав на армейском полигоне (учебном поле) проводил тренировочные занятия по теме: наступление стрелкового полка, стрелкового батальона и усиленной стрелковой роты с преодолением водной преграды. Учебное поле было оборудовано по типу обороны противника, которую предстояло прорвать. Занятия проводились с участием танков и артиллерии. Кроме того, были проведены штабные учения с офицерами штаба полка и штабов батальонов...»

Так шла напряженная, многогранная подготовка батарей, рот и батальонов к предстоящему наступлению.

А потом полк выступил к переднему краю, который проходил в десяти километрах западнее, по реке Проня. Очевидно, шли ночью — на фронте смена частей обычно всегда проводится под покровом темноты.

Я же прошел эти десять километров днем, когда все вокруг было залито ярким солнечным светом, и дорога к Проне была сейчас такой мирной, ничем не напоминавшей о минувшей войне.

День был воскресный, и в Рясну шли и ехали на базар жители окрестных деревень.

Наконец, взойдя на пригорок, я увидел небольшую извилистую речку. Левый берег ее был низкий и пологий, а правый — высокий и обрывистый. Две деревеньки, как и в ту военную пору, стояли по обе стороны Прони, почти напротив. Та, что была на нашем берегу, называлась Затоны, а та, что на чужом, — Будино.

Крепкой, глубоко эшелонированной была здесь гитлеровская оборона. Готовили ее заранее по высокому правому берегу, надеясь твердо держать в своих руках этот выгодный рубеж, прикрывающий дальние подступы к Могилеву.

Неоднократные попытки наших войск ворваться на правый берег оказались безуспешными. Пришлось закопаться в землю и готовиться к решающему штурму. На это ушло несколько месяцев.

И наконец час настал. Это было утро 23 июня 1944 года...

Вот как об этом говорится в «Журнале боевых действий» 878-го полка:

«Начало артиллерийской подготовки, намеченной на шесть часов утра, пришлось отложить из-за сильного тумана на реке, не дававшего возможности следить за работой артиллерии и действиями пехоты. И только к девяти часам туман разошелся. В 9.00 началась артподготовка, длившаяся два часа. Была парализована огневая система противника, прорезаны проходы в проволочных заграждениях и минных полях, и полк форсировал реку Проня и прорвал оборону противника. К 13.30 полк вышел на рубеж восточнее деревни Сусловка, где и закрепился, выполнив свою ближайшую задачу...»

И вот теперь, спустя почти двадцать лет, я иду там, где наступал 3-й батальон капитана Двужильного. Как свидетельствует «Журнал боевых действий», батальон находился

на правом фланге полка и наступал в направлении на рощу юго-западнее деревни Заложье, которая была опорным пунктом 113-й группы противника.

Но для того чтобы овладеть рощей, а затем штурмом взять Заложье, надо было вначале пройти под огнем неприятеля более километра по открытой местности, форсировать реку, преодолеть минные поля, проволочные заграждения, захватить первую, а потом и вторую линию траншей.

Три роты и пулеметный взвод 3-го батальона заняли исходный рубеж для наступления в ночь на 23 июня. Капитана Двужильного вызвали на командный пункт полка, чтобы еще раз уточнить план совместных действий батальонов, приданных и поддерживающих средств в наступлении, которое начнется на рассвете.

Наверное, в ночь накануне наступления никто не спал. Командиры совещались, а солдаты по своей извечной привычке обживали окопы, проверяли оружие, деловито начинали патронами диски автоматов, пулеметные ленты. Я почему-то представил рядом Степана Марюткина из-под Липецка и Андрея Махно с Полтавщины. Прислонившись к стенке окопа, они задумчиво вглядывались в темное небо, усыпанное звездами, которое на востоке уже начало светлеть. Через два дня они оба погибнут, а сейчас в сумраке окопа красными точками светятся огоньки их самокруток и неторопливо течет беседа двух солдат о довоенной жизни, о доме и семье... Где-то за поворотом траншеи слышен приглушенный голос сержанта Филиппа Окуловского, командира отделения. Он сибиряк, с Алтая, воюет вот уже третий год. Через два дня он тоже погибнет, а сейчас, собрав новичков из только что прибывшего пополнения, рассказывает им, как надо идти в наступление...

Вернулся с командного пункта полка капитан Двужильный. Он прошел по траншее, останавливаясь возле каждого бойца. Вместе с ним младший лейтенант Сергей Уткин, комсорг батальона. На минуту задержались в отделении старшего сержанта Николая Кулагина. На вопросы комбата он отвечает толково, деловито, чувствуется, что свое дело знает как следует.

А тем временем совсем уже рассвело. Скоро начнется артиллерийская подготовка. Вот и шесть часов. Но почему наша артиллерия молчит? Вскоре выяснили причину — густой туман, надо подождать, пока рассеется. Что ж, ждать так ждать. Можно даже вздремнуть часок перед боем или написать пару строк домой.

Тем временем солнце поднималось все выше над горизонтом и уже стало пригревать спины солдат.

Когда же начнется артподготовка? Ведь туман на реке, висевший плотной белой завесой, постепенно рассеялся. Теперь хорошо был виден высокий правый берег, сбегавшая к реке роща, чуть в стороне в дымке угадывалась деревня и дорога, что вела к Могилеву...

И вот медленно, словно нехотя, прочертила небо красная ракета, и почти сразу же из-за спины ударили орудия, взвились в небо огненные стрелы снарядов «катюш». Так началась артиллерийская подготовка...

Капитан Двужильный через 25 минут после начала артподготовки повел батальон в наступление, сразу же за огневым валом. Быстро форсировали Проню, ворвались в первую линию траншей противника...

Я попытаюсь представить себе, как все это было тогда, пытливо вглядываюсь в окрестности, стараясь найти следы давнего боя. Их, конечно, осталось не так уж много. На поле их вовсе нет — здесь теперь высокая стерня от скошенной ржи да скирды соломы. А вот в молодом осиннике, что разросся на песчаных склонах, мне то и дело попадают полузасыпанные окопы, остатки ходов сообщения, огневых позиций, обвалившиеся блиндажи а дзоты.

Сержант Филипп Окуловский.

Вот наконец и река Проня. Она совсем неширокая, каких-нибудь 15—20 метров. И все же, выражаясь военным языком, это был трудный водный рубеж, который, в сочетании с высоким правым берегом, представлял собой очень нелегкое препятствие для наступающих. И для многих из них он стал последним, о чем свидетельствуют многочисленные братские могилы по обе стороны этой небольшой белорусской речки.

Поднимаюсь по крутым склонам вверх, туда, где была оборона гитлеровцев. И снова вижу полузасыпанные окопы и блиндажи — на этот раз чужие.

Это сюда в дыму и грохоте нашей артиллерийской подготовки первыми ворвались бойцы капитана Двужильного. Короткие рукопашные схватки — и дальше, ко второй линии траншей, вслед за огненным валом! А потом была березовая роща, превращенная в опорный пункт 113-й группы противника. И наконец к 13.30 батальон «вышел на рубеж восточнее деревни Сусловка, где и закрепился, выполнив свою ближайшую задачу...»

Передышка была недолгой: немцы при поддержке восьми

«фердинандов» — самоходных артиллерийских установок большой мощности — пошли в контратаку и потеснили соседнюю часть, которая стала отходить назад, к реке.

Положение было критическим, и тогда 3-й батальон, быстро развернувшись влево, неожиданно ударил во фланг гитлеровцев и, как позднее писали в военных донесениях, «восстановил положение на участке, а противника обратил в бегство».

Все это было 23 июня 1944 года.

«...На следующий день, 24 июня, — говорится в «Журнале боевых действий полка», — развивая наступление, 2-й и 3-й батальоны выбили противника из деревни Поповка к 14.00 и с ходу начали форсировать реку Бася. К 16.00 река была форсирована всеми подразделениями вплавь, вброд, с помощью подручных средств, и к 17.00 батальоны вышли на большак с задачей оседлать его и закрепить».

...Километр за километром я проходил по местам бывших сражений, пристально вглядываясь во все, что окружало меня, стараясь найти следы давнего боя. И чаще всего мне об этом напоминали братские могилы воинов, которые были почти в каждой деревне или просто где-либо на краю леса, у дороги, что ведет на Могилев...

...До деревни Хорошки осталось лишь несколько километров. Знаю, что здесь шли особенно жаркие бои. Эта деревня несколько раз переходила из рук в руки. 25 июня части 290-й стрелковой дивизии генерал-майора Гаспаряна вышли к реке Реста, что в двадцати километрах от Могилева. И здесь гитлеровцы сделали последнюю попытку задержать наши войска, чтобы дать возможность отойти за Днепр своим изрядно потрепанным дивизиям.

Начались упорные бои на реке Реста. Вот как об этом говорится в «Журнале боевых действий полка»:

«Встреченный противником в районе хутора, что западнее высоты 199,3, полк принял боевой порядок (2-й и 3-й батальоны развернулись влево) и к 11.30 25 июня занял деревню Хорошки и северную окраину деревни Рыки. С 11.30 до 17.00 полк отразил шесть контратак гитлеровцев, поддержанных танками и самоходными орудиями «фердинанд», которые были предприняты из района леса севернее деревень Хорошки и Сухари...»

Шесть раз гитлеровцы ходили в атаку на позиции, занятые

батальоном капитана Двужильного, и шесть раз откатывались назад. При отражении последней атаки Юрий Двужильный был убит осколком снаряда. После боя бойцы батальона схоронили своего командира в братской могиле, недалеко от деревни Хорошки, Чаусского района, Могилевской области...

* * *

...В Хорошки я пришел, когда солнце уже клонилось к закату. Деревня сравнительно невелика, лежит на пригорке, вдоль реки Реста. На той стороне — Сухари, когда-то большое торговое село на дороге из Мстиславля в Могилев.

На окраине Хорошек деревенское кладбище. Показать братскую могилу воинов вызвались двое мальчишек — Ленья и Василь, с которыми я быстро подружился.

Вообще мальчики — самый информированный народ, особенно на селе. Вскоре я уже знал, сколько дворов в Хорошках, как лучше добраться до районного центра и где сейчас можно достать пленку к моему фотоаппарату, которая мне будет нужна завтра рано утром для съемки.

Но они, к сожалению, ничего не знали о тех, кто похоронен в Хорошках в братской могиле.

Вот наконец и кладбище. Старые и новые кресты, старые и новые могилы.

— А где же братская? — спросил я у ребят, озираясь кругом.

— Да вот же, вы стоите у нее.

...Попытайтесь представить себе заросший бурьяном небольшой холмик, который уже почти сровнялся с землей. О памятнике, даже безыменном, или ограде вокруг и говорить не приходится...

Мальчишки явно не понимают, что меня так огорчило — ведь здесь всегда так у было, сколько они себя помнят...

Заночевал я в деревне, в доме у Василя Чамрова. Его мать, Фекла Ивановна, хлопотала у печки, готовила нам ужин, а мы с Василем, как и подобает мужчинам, сидели у стола и вели неторопливый разговор, обсуждали житейские вопросы.

На огонек, как всегда здесь бывает в таких случаях, стали собираться соседки, ближние, а затем и дальние. В деревне уже знали, зачем я приехал, и теперь женщины, скромно усевшись на лавке, тянувшейся вдоль стены, припоминали все, что было здесь в дни боев, старались помочь мне.

Правда, они ничего не знают о солдатах, похороненных на кладбище. Когда вернулись из леса, могила уже была. И никто не

мог сказать, кто в ней похоронен.

С интересом слушали мой рассказ о капитане Двужильном и его товарищах, расспрашивали подробности, подолгу вглядывались в фотографии погибших, вздыхая о чем-то своем. Спрашивали, есть ли у них родственники, где живут и почему не приезжают на могилу.

Так я столкнулся с парадоксом, который пока еще не берусь объяснить — в Подольске, в Архиве Министерства обороны СССР, хранятся документы 878-го стрелкового полка, в том числе списки безвозвратных потерь, корешки извещений, схемы захоронения воинов, а в это же время в Хорошках, где сражались и погибли 32 солдата, сержанта и офицера, ничего о них не знают.

...Утром я побывал в Сухарях, встретился с председателем сельского Совета Фролом Сергеевичем Атроховым. Сам он — капитан запаса, на войне был артиллеристом и прошел ее, как говорится, от звонка и до звонка. Хорошо помнит, как почти после каждого боя приходилось хоронить товарищей в таких же братских могилах...

Понимает, что нельзя так относиться к памяти павших, как это случилось в Хорошках, и обещает срочно принять меры.

В Сухарях, недалеко от сельского Совета, тоже есть братская могила. Вокруг нее ограда, на могиле установлен памятник. Знаю, что Сухари, так же как и Хорошки, освобождали батальоны 878-го стрелкового полка, и в Подольске в архиве я видел список солдат, сержантов и офицеров, похороненных в этой деревне. Но на братской, могиле стоит безымянный памятник, а в сельском Совете мне никто не мог сказать, кто же здесь похоронен...

Из Сухарей на попутной машине я поехал в Чаусы — районный центр. Мне хотелось встретиться с военным комиссаром подполковником Александром Романовичем Полтораком. С ним мы переписываемся давно, с тех пор как из документов военного архива я узнал, что Юрий Двужильный погиб в Чаусском районе.

Помню, как на мой первый запрос о том, что военкомату известно о капитане Двужильном, я когда-то получил такой ответ:

«При проверке на месте и в результате опроса жителей деревни Хорошки, Чаусского района, подтверждающих данных о месте захоронения Двужильного Юрия Михайловича не установлено, так как жители этой деревни были угнаны немцами и вернулись назад через 2—3 дня после освобождения

И вот я везу в военкомат «подтверждающие данные» — извещение о гибели Юрия, в котором указано, где он похоронен, список всех солдат, сержантов и офицеров, погибших в Хорошках, и копию наградного листа о представлении капитана Двужильного к званию Героя Советского Союза посмертно...

Шофером сельповского грузовика оказался молодой, общительный парень. Он только что демобилизовался из армии, служил где-то в Германии, в Группе советских войск. Водил там бронетранспортер и, может быть, поэтому не испытывал особой нежности к своей полуторке, изрядно потрепанной на здешнем бездорожье. «Вот бы сюда мой вездеход», — говорил он всякий раз, подъезжая к размытым осенними дождями участкам пути. Но надо отдать ему должное — свое дело парень знал хорошо, да и дорогу уже успел изучить. Разбрызгивая грязь, машина без особых приключений выбиралась из колдобин. Правда, в одном месте, при спуске с горы, нас было здорово занесло, но парень не растерялся, все обошлось.

Наконец бездорожье окончилось, мы выбрались на шоссе. Дела пошли веселее, да и разговор наш теперь ничто не прерывало. Николай, так звали шофера, вспоминал о своей службе в армии и тут же, правда осторожно, словно боясь показаться навязчивым, полюбопытствовал, какие дела привели меня к ним в район. Я рассказал о своем поиске, о братской могиле в Хорошках. Вижу, парень о чем-то задумался, какая-то тень пробежала по его лицу... Хотел спросить, в чем дело, но сдержался — если надо, сам скажет. Молча закурили.

— Мой отец ведь тоже погиб, — прервал молчание Николай, — где-то под Белой Церковью. Был шофером. — На лице Николая промелькнула улыбка, задумчивая и почему-то немного виноватая. — Вozил к фронту снаряды. Убило прямо за баранкой. Осколком. Не помню его. Когда погиб, мне и двух лет не было. Все собирался съездить на могилу, да так и не удалось...

Помолчали. Советы и пожелания тут ни к чему.

А тем временем наша потрепанная полуторка выбежала из леса и стала бойко взбираться на пригорок, с которого наконец я увидел Чаусы. Через несколько минут мы уже катили по тихим улицам городка. Обычный районный центр, каких много в Белоруссии. Тенистые улицы, сады, одноэтажные домики с антеннами, и только в центре несколько двухэтажных зданий — райком, гостиница, универмаг.

Подъехали к военкомату. Николай молча подал мой вещмешок, сдержанно попрощались. Как-то привыкаешь в пути к

человеку, жаль расставаться, но почему-то стараешься скрыть это...

Когда я повернулся, чтобы идти к военкомату, он тихо, словно для себя, сказал:

— Скоро из отпуска вернется мой сменщик, и я поеду к отцу. Обязательно!

Мне осталось только пожелать доброго пути этому хорошему парню. Каюсь, в эту минуту я даже позавидовал ему — вернется сменщик, Николай возьмет отпуск, купит билет до Белой Церкви и поедет на могилу своего отца. Я же пока не могу этого сделать...

Подполковник Александр Романович Полтораки встретил меня радушно, как старого знакомого. Это был крепкий, средних лет офицер с хорошей выправкой и добродушным, улыбчивым лицом. Я показал документы военного архива. Договорились, что военкомат официально запросит Подольск выслать копию списка воинов, похороненных в Хорошках. На могиле весной будет установлен памятник, и на нем напишут фамилии и воинские звания всех погибших. Со временем так будет сделано и на других безыменных братских могилах.

А вечером я снова был в Хорошках. Перед возвращением в Москву захотелось еще раз побывать на братской могиле.

Солнце уже было над горизонтом, и его красный диск медленно опускался за крутые холмы правобережья Ресты, чуть левее Сухарей. Я стоял лицом к солнцу. Его темно-красный свет пронизывал деревья, делая их тоньше, трепетнее, тревожнее. Казалось, что там, на Западе, так и не догорело пожарище давнего боя, и в его багровом свете мне видится теперь все вокруг: и притихшие березы, и подернутый туманом луг, и деревня, сбегавшая с косогора двумя рядами как-то сразу потемневших изб.

И, глядя на все это, мне почему-то вспомнилась родная деревня, последний день перед освобождением. Фронт был уже совсем рядом, и мы, спасаясь от немцев, ушли в лес, начинавшийся сразу же за деревней.

Вечерело. Солнце вот так же клонилось к закату, заливая все вокруг багровым светом. Говорят, что такие закаты обычно предвещают хорошую погоду...

Заря уже почти догорела и вдруг почему-то начала заниматься снова и вскоре охватила полнеба. Это горела наша деревня, все триста сорок дворов... И если бы не дым, от которого в лесу скоро стало трудно дышать, можно было подумать, что это все та же вечерняя заря, только почему-то тревожная и трепетная. Она то разливалась по небу багровым дрожащим светом, то

угасала, чтобы через минуту снова взметнуться ввысь кровавым сполохом.

Деревня горела всю ночь, и на рассвете, когда мы вышли из леса, от нее ничего не осталось. Даже знаменитых печных труб на пожарище, которые так часто показывают в фильмах о войне. У нас все было гораздо проще и не так картинно — на том месте, где еще вчера стояла наша хата, дымилась груда кирпича и догорали головешки. Их раздувал холодный осенний ветер. А печь развалилась — ведь у нас в Белоруссии основания для печей обычно рубят из дерева.

Очевидно, так было и в Хорошках в ночь на 25 июня 1944 года. Так же, как и у нас, тихую вечернюю зарю, предвещавшую хорошую погоду, сменило тревожное, трепетное зарево пожара. А утром, когда солнце снова взошло, деревни не было.

Кто-то тронул меня сзади. От неожиданности я вздрогнул. Смотрю — Василь Чамров, мой самый большой приятель в Хорошках. Ему двенадцать лет, учится в пятом классе. Живой, беспокойный мальчишка из племени забияк, непосед и мечтателей. Видать, пришел давно, замерз даже, но стоял молча. Не хотел мешать, а может, тоже залюбовался закатом...

— Мамка зовет вечерять, — объяснил он свое неожиданное появление. — Да и холодно уже. Ведь сентябрь кончается.

А утром Василь провожал меня к автобусу на Могилев. Мы еще раз зашли на братскую могилу. Кто-то, видимо на рассвете, уже побывал здесь — бурьян старательно выполот, насыпан могильный холм и на нем лежат осенние полевые цветы. Я хотел у Василя спросить, кто убрал могилу — он наверняка знал. Но не стал спрашивать. Разве так уж необходимо допытываться, кто сделал доброе дело?

Мысленно прощаюсь с воинами. Они еще безыменны в этом краю, но скоро люди узнают о каждом и будут приходить, приезжать отовсюду к их когда-то безыменной братской могиле.

ИХ БЫЛО ТРИДЦАТЬ ДВА...

*Вспомним всех
поименно,
горем
вспомним
своим...*

*Это нужно —
не мертвым!
Это надо —
живым!*

Снова Подольск, Архив Министерства обороны.

После поездки в Белоруссию многое нужно уточнить, проверить, перечитать снова. Ведь я сейчас хорошо знаю те места, где в июне 1944 года наступали батальоны 878-го стрелкового полка, и документы архива теперь читаются совершенно иначе. Если хотите, как интересная, захватывающая книга.

Но у меня была еще одна задача — уточнить список солдат, сержантов и офицеров, похороненных в Хорошках. Вот их имена: Арапов Александр, Ассо Акоп, Бессараб Петр, Баратов Абдулла, Блинов Константин, Вагин Николай, Вязьмин Василий, Григорьев Михаил, Горбунов Василий, Губайдуллин Камиль, Двужильный Юрий, Зименков Иван, Казанцев Леонид, Кучин Иван, Кондаранцев Александр, Кулагин Николай, Кондаков Петр, Ковалев Иван, Лаврентьев Семен, Липин Василий, Марюткин Степан, Муравьев Валентин, Махно Андрей, Муравкин Василий, Окуловский Филипп, Осенников Степан, Пищулин Дмитрий, Саманов Петр, Уткин Сергей, Циренков Борис, Чудов Алексей...

Они погибли 25 июня 1944 года и похоронены в безымянной братской могиле. Теперь же мне известно имя каждого, их воинские звания, год рождения, а также адреса родных и близких, которым тогда были посланы похоронные извещения.

Адреса довоенные, но я пишу по ним письма — надеюсь, что они все же дойдут по назначению. На каждом конверте помимо адреса пишу на всякий случай так: «Если адресат выбыл, письмо прошу передать в сельский Совет или военкомат». Расчет был простой: в сельсовете или военкомате письмо могут переадресовать, и оно придет куда следует.

Таких писем было тридцать два. Отправив их, я с нетерпением ждал ответа. И вот они стали приходить одно за другим — с Дальнего Востока, Урала, Алтайского края, Курганской, Калининской, Кировской, Ивановской, Полтавской и

других областей. Некоторые письма вернулись с пометкой: «Адресат выбыл». В этом случае я посылал запросы в районные и областные военкоматы, и с их помощью в конце концов удалось разыскать родных и близких почти всех погибших воинов. Они прислали мне их фронтовые письма, фотографии, рассказали мне о каждом — как росли, учились, работали, воевали — все, что им было известно.

Конечно, в этой повести я не смогу рассказать о них так подробно, как о Юрии Двужильном — для этого потребовалось бы значительно расширить эту книгу и провести дополнительный поиск. Но мне хочется хотя бы кратко познакомить вас с каждым из них.

По возрасту самым старшим был лейтенант Блинов Константин Васильевич. Ему шел тридцать девятый год. Родился он в Ивановской области и с детства стал работать на текстильной фабрике. Учиться начал уже при Советской власти. Окончил школу, техникум, несколько лет служил на Кавказе в пограничных войсках, вступил там в комсомол, партию. После демобилизации вернулся на свою фабрику и работал там до ухода на фронт. Сохранилось лишь одно письмо с фронта — Константин Васильевич писал его за несколько дней до наступления.

Вот отрывок из этого письма:

«Здравствуйте, дорогие мои жена Мария, сыночки Ваня, Юра и дочка Галочка! Шлю вам привет из прифронтовой полосы. Я пока жив, здоров... Хватит, поблаженствовали и отдохнули, пора за работу — нас ждет народ и просит освобождения. Скоро начнем, читайте газеты, слушайте радио. Сегодня немного скучновато, и я, прочистив свой пистолет, опробовал, еще раз прочистил и решил написать вам это письмо. С ним посылаю вам перевод на 130 рублей, которые мне не нужны... Будьте здоровы, передайте привет всем родным и знакомым...»

А вот фотография юноши в солдатской шинели, с погонами курсанта офицерского училища. Это Степан Сергеевич Осенников, командир пулеметного взвода. В сентябре 1944 года ему было бы двадцать лет...

Степан родился в Кировской области, хорошо учился в школе, летом работал в колхозе. Он еще был школьником, когда началась война. Стал проситься на фронт и в августе 1942 года добился своего — ему удалось попасть в офицерское училище, а оттуда в действующую армию. Был ранен, лежал в госпитале,

снова ушел воевать.

Мать Степана, Лидия Александровна, прислала фотокарточку и восемнадцать его писем и открыток. Большинство из них Степан прислал в 1942 году из госпиталя. Есть одно из Белоруссии — написано оно накануне наступления. Сын просит мать не беспокоиться о нем и спрашивает, как дела в колхозе, хорошо ли отсеялись.

Река Проня. Здесь батальон капитана Ю. М. Двужильного прорвал вражескую оборону.

В этом же конверте было и девятнадцатое письмо, написанное чужой рукой.

«Здравствуйте, Лидия Александровна, — писал товарищ Степана Иван Мысков. — С большой грустью приходится сообщить вам, что вчера днем погиб на поле боя ваш сын Степан Сергеевич. Сегодня я получил ваше письмо Степану, оно опоздало только на один день... Посылаю вам его обратно...»

Старший сержант Николай Георгиевич Кулагин. На фотографии, которую прислала мне его сестра, совсем еще молодой паренек в военной форме. Снимок этот сделан в госпитале, вскоре после ранения.

Николай родился и вырос в Калининской области. Учился в школе, мечтал стать летчиком. Он даже занимался в аэроклубе. Но когда началась война, стал минометчиком, командиром расчета. Судя по всему, он хорошо воевал. Сохранилась справка о том, что старший сержант Николай Кулагин 6 февраля 1944 года был награжден орденом Красной Звезды. Он погиб, когда ему шел двадцать первый год...

Рядовой Степан Дмитриевич Марюткин. Родился в Башкирии. Перед войной окончил школу, техникум, институт, работал инженером-строителем. На фронте стал телефонистом. Сохранилось лишь одно письмо, которое он писал из Белоруссии. На нем штамп полевой почты и дата 16.6.44 г. Писал ровно за неделю до начала боев. Спрашивал у родных о здоровье, о том, какая стоит погода, подготовились ли к сенокосу. Видимо, болела душа солдата, истосковавшегося по крестьянскому труду...

Филипп Иванович Окуловский. Командир отделения. Он родился в 1910 году в Челябинской области. В семье, где он рос, было три дочери и семь сыновей. Перед войной работал в колхозе. На фронт ушел вместе с братьями в первый же день войны.

Сын Филиппа Ивановича Виктор прислал мне десять писем отца, его фотографии. Перед войной отец работал бригадиром. У Филиппа Ивановича была сокровенная мечта.

«Я очень хочу, — писал он, — посмотреть домашнюю жизнь, как мои сыночки ходят к бабушке и дедушке...»

В этом бою погиб и капитан Алексей Степанович Чудов, начальник артиллерии полка. Вместе со своими артиллеристами он отражал контратаку гитлеровских «фердинандов». Приказал выкатить орудия на прямую наводку. Здесь и убило его, но фашисты не прошли. Тогда ему было двадцать три года...

Алексей родился в селе Щель-Юр, Коми АССР, окончил семь классов, школу ФЗО. Когда началась война, вместе с братом Григорием стал курсантом офицерского училища. Потом воевали вместе. Лейтенант Григорий Чудов погиб под Смоленском в марте 1942 года. С горечью и болью писал Алексей домой о гибели брата, обещал отомстить за него. Хорошо воевал капитан — он был награжден тремя боевыми орденами.

Мне бы очень хотелось, чтобы откликнулись боевые товарищи капитана Алексея Чудова, подробнее рассказали о нем.

Анастасия Николаевна Лаврентьева прислала мне фотографию своего сына Семена. На фронте он был минометчиком. Родился в Татарии. Когда началась война, ему только что исполнилось четырнадцать лет. Работал в колхозе, помогал матери растить детей, оставшихся без отца. Себя он считал уже взрослым. В семнадцать лет стал солдатом. На фотокарточке он совсем еще юный солдат, военная форма сидит на нем еще как-то по-домашнему. С крестьянской обстоятельностью и с юношеским задором сражался рядовой Семен Лаврентьев. Он погиб восемнадцати лет...

Лейтенант Александр Александрович Арапов, командир

взвода стрелковой роты. Лидия Федоровна, его жена, прислала мне фотографию мужа. Это довоенный снимок. На нем вы видите бравого старшину, волевого, энергичного. Таким он был и на фронте — сын рабочего из города Кушва, Свердловской области, сам слесарь. Воевал с октября 1941 года на Калининском, Брянском и других фронтах, был несколько раз ранен и снова возвращался в строй. Он так и погиб, гордый, уверенный в нашей победе, всегда шедший впереди взвода своих орлов-автоматчиков.

Я рассказываю вам о погибших воинах и с грустью думаю: сколько хороших людей навсегда осталось на полях сражений, сколько горя и страданий принесла людям эта война.

Восемнадцатилетним юношей ушел на фронт Валентин Васильевич Муравьев. Он недолго провоевал, этот совсем еще юный солдат. Он даже не успел сфотографироваться в военной форме, и его мать, Александра Дмитриевна, прислала мне сохранившуюся у нее карточку, где ему шестнадцать лет.

Очень долго пришлось искать родных и близких лейтенанта Дмитрия Александровича Пищулина. Родился он в Курской области, и все мои письма туда возвращались без ответа. В поиск включились Белгородский военкомат, Первомайский районный военкомат Владивостока, Приморский краевой военкомат. С их помощью удалось наконец узнать, что во Владивостоке живет сестра Пищулина Светлана, а в Петропавловске-на-Камчатке — его брат Михаил. И вот наконец я получил от них письма и подробнее узнал о лейтенанте. Он родился в 1915 году, закончил семилетку и поехал во Владивосток. Работал рыбаком, шофером. В 1936 году ушел на действительную службу в армию. Стал танкистом. Демобилизовался и снова вернулся во Владивосток, работал в торговом порту.

На фронте лейтенант Дмитрий Пищулин командовал пулеметной ротой. Несколько раз был ранен и опять возвращался в строй.

А вот письмо Хавроньи Михайловны Кучиной из деревни Елжанцы, Татауровского района, Кировской области, жены рядового Ивана Кучина:

«Иван Иванович родился в деревне Елжанцы и здесь жил безвыездно до ухода на фронт. С детства он любил тяжелый, но благородный крестьянский труд. Мы поженились, когда нам обоим было по 18 лет. В 1930 году мой муж одним из первых вступил в колхоз, ему очень понравилась колхозная жизнь, работа с коллективом. Ивана Ивановича избрали бригадиром полеводческой бригады, на этой должности он работал

до ухода на фронт. У нас было пятеро детей, которые и теперь все живы и здоровы. Они выросли и так же, как их отец, любят сельский труд — старший сын работает трактористом. Посылаю вам фотокарточку мужа...»

...Фотография шестнадцатилетнего подростка. Может быть, он впервые сел у фотоаппарата, когда потребовалась карточка для получения паспорта. Очевидно, поэтому у него такое хмурое, напряженное лицо. Других фотокарточек Василий Липин, в семнадцать лет ставший солдатом и погибший в восемнадцать, не успел сделать. Он рос в деревне, учился. Когда ему было одиннадцать лет, на шахте погиб его отец. Осталось у матери четверо детей, самому старшему было четырнадцать... Василий пошел работать на шахту. Он был коногоном, когда началась война. В 1943 году добровольно ушел на фронт. В извещении, которое получила его мать, Федосья Яковлевна, говорилось:

«Ваш сын, рядовой Василий Филиппович Липин, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, погиб 25 июня 1944 года...»

Младший лейтенант Сергей Уткин был комсоргом батальона. Извещение о его гибели было послано отцу Григорию Гавриловичу в деревню Кусаково, Череповецкого района, Тульской области. Долгое время на мой запрос не приходило ответа. Наконец откликнулся брат Сергея Дмитрий Уткин.

Вот что он мне написал:

«Сережа родился в 1913 году в семье бедного крестьянина. Детство его было нерадостным из-за тяжелого материального положения. Учился в школе, помогал дома по хозяйству. В 1939 году Сергея призвали в армию. Вначале он служил в Белоруссии, а затем участвовал в боях с белофиннами. В армии он служил до начала Великой Отечественной войны, с первых дней на фронте. Писем Сергея, к сожалению, не сохранилось, посылаю его единственную фотокарточку, сделанную еще до войны. Очень прошу сохранить ее».

О лейтенанте Иване Григорьевиче Ковалеве мне написал его сын Григорий:

«Перед войной мой отец жил в деревне, в Краснодарском крае. Учился в семилетке, в 1939 году поступил в школу ФЗО. Окончил ее и стал работать на

железной дороге в городе Грозном. Когда началась война, ушел на фронт, закончил офицерское училище. Очень жаль, что не сохранилось его писем и фотографии — наша семья была эвакуирована в Азербайджан, и все мы оставили в деревне. Сохранилась лишь довоенная карточка отца, посылаю ее вам...»

У меня пока есть фотография лишь пятнадцати воинов, похороненных в Хорошках, а всего я получил сведения о двадцати. Пять писем прислали мне без фотографий, — они, к сожалению, не сохранились.

Вот что писала мне мать рядового Александра Васильевича Кондаранцева Ксения Федоровна:

«Мой сын родился 20 августа 1926 года в поселке Ново-Шалашово, Челябинской области. Учился в школе, с четырнадцати лет работал в леспромхозе, откуда 13 января 1944 года ушел в Красную Армию. С фронта прислал лишь одно письмо, но оно не сохранилось. Нет, к сожалению, и фотографии сына...»

Такое же письмо пришло из Курганской области от Анастасии Степановны Казанцевой, матери минометчика Леонида Казанцева. Он родился в Курганской области, в армию был призван в 1943 году. Последнее письмо прислал из Белоруссии, писал его накануне наступления. Фотографии Леонида не сохранились...

Написали мне и два сына рядового Андрея Федотовича Махно, уроженца Полтавской области. Сыновья его сейчас служат в армии, и, забегаю немного вперед, мне хочется сказать, что оба они приезжали в Хорошки на открытие памятника на могиле их отца. Я с радостью познакомился с этими крепкими, толковыми ребятами — рядовыми, как и их отец, воинами нашей армии.

И наконец, еще одно письмо. Прислали мне его отец, мать, брат и сестра рядового Петра Талимоновича Бессараба. Он родился и вырос на Полтавщине, в селе Зеленый Гай. Из армии прислал всего лишь два письма — одно из Харькова, где он, видимо, проходил обучение, а другое из Белоруссии, за несколько дней до гибели. Фотографии его, к сожалению, тоже нет.

Так в ходе поиска мне удалось узнать некоторые сведения о довоенной жизни двадцати воинов, погибших в Хорошках.

Но поиск еще продолжается, и я надеюсь узнать и об остальных патриотах, похороненных в братской могиле, разыскать их родных и близких. Нужно еще и еще раз писать в военкоматы, районные и сельские Советы, откуда они были

призваны в армию. Вот краткие сведения о них.

АССО Акоп. Призван Янгибазарским военкоматом Сталинабадской области. Извещение послано его отцу в колхоз «Селит».

БАРАТОВ Абдулла был призван в армию Алабуканским военкоматом Киргизской ССР. Извещение было послано в колхоз «Коммунист» его матери Татжите Шакиязовой.

ВАГИН Николай Константинович. Призван Сосовским райвоенкоматом Ростовской области. Извещение о его гибели было послано матери Вагиной Александре Яковлевне в деревню Вяслы.

ВЯЗЬМИН Василий Николаевич. Был призван Балаганским райвоенкоматом Иркутской области. Извещение было послано Анне Яковлевне Вязьминой, его матери, в деревню Бараново.

ВОЛКОВ Константин Васильевич. Призван Пермским райвоенкоматом. Извещение о его гибели было послано сестре Вере Васильевне Волковой по адресу: Московская область, станция Тайнинская, Пионерская улица, 8.

ГОРБУНОВ Василий Семенович был призван в армию Галкинским райвоенкоматом Курганской области. О его гибели сообщили сестре Александре Семеновне Горбуновой, проживавшей тогда в селе Могильно, Галкинского района.

ГУБАЙДУЛЛИН Камиль Раутзинович. Призван Аксубаевским райвоенкоматом Татарской АССР. Извещение о гибели было послано его отцу Радзиму Минисовичу в Аксубаевский район, село Старо-Терелит.

ГРИГОРЬЕВ Михаил Иванович в армию был призван Полтавским райвоенкоматом Челябинской области. В списке безвозвратных потерь указано, что у него нет родственников, а дальше сделана пометка: «Ленинградская область, г. Тихвин». Видимо, перед войной Михаил Иванович жил и работал в этом городе, и я надеюсь, что кто-либо из его товарищей и друзей, живущих сейчас в этом городе, напишет нам о нем.

ЗИМЕНКОВ Иван Федорович. Призван в армию Куркинским райвоенкоматом Тульской области. Извещение о его гибели было послано в деревню Запахаевка этого же района, где тогда жила его жена Александра Ивановна Зименкова.

КОНДАКОВ Петр Иванович был призван в армию Ленинским райвоенкоматом Марийской АССР. О его гибели сообщили жене Наталье Сергеевне Кондаковой, которая в то время жила по адресу: Московская область, Ленинский район, село Покровское, Октябрьская ул., 52.

МУРАВКИН Василий Павлович. В армию был призван Ковровским райвоенкоматом Ивановской области. Извещение о

его гибели было послано матери Пелагее Федоровне Муравкиной в деревню Рыжиково, Владимирского района, Ивановской области.

САМАНОВ Петр Павлович. Призван в армию Онгудайским райвоенкоматом Алтайского края. Когда он погиб, извещение направили в село Калеча этого же района, где в то время жила его сестра Анна Павловна Тохонова.

ЦИРЕНКОВ Борис Садиевич был призван Закаменским райвоенкоматом Бурят-Монгольской АССР. Извещение о его гибели послали отцу Ирдыку Циренкову, проживавшему в колхозе Ломанчи, Закаменского района.

Должен оговориться, что в этом списке указаны довоенные адреса родных и близких погибших воинов и старое административное деление на районы и области. Но это не может служить серьезным препятствием для того, чтобы найти, где сейчас они живут, и я надеюсь, что родные и близкие, а также друзья погибших солдат, сержантов и офицеров, о которых я знаю лишь по документам военного архива, отзовутся и помогут мне как можно полнее узнать о каждом из них.

* * *

Торжественное открытие памятника было назначено на 28 июня. Этот день выбран не случайно — двадцать лет тому назад части 290-й стрелковой дивизии, в состав которой входил 878-й полк, форсировали Днепр и штурмом овладели Могилевом.

О дне открытия памятника мы сообщили родным и близким погибших воинов, а также бывшему командиру 878-го полка Михаилу Григорьевичу Хомуло, ныне генерал-лейтенанту, Степану Петровичу Струментову и другим ветеранам полка.

Но что бы вы сказали, если бы я сообщил вам о том, что за несколько дней до отъезда в Хорошки я получил письмо от одного из погибших там воинов — сержанта Константина Васильевича Волкова?

Скажите, что чудес не бывает. И я тоже так думал. Но давайте вместе прочитаем это необычное письмо.

Вот что в нем говорится:

«Уважаемый Георгий Николаевич! Моя сестра Вера Васильевна прислала мне Ваше письмо, в котором Вы приглашаете ее приехать на открытие памятника бойцам и командирам, погибшим в 1944 году в Хорошках. Среди них числюсь и я, сержант Волков.

Сообщаю, что в том бою я не был убит. В самый разгар боя меня ранило, можно сказать, смертельно — пуля прошла навывлет через оба легкие. В сознание я пришел в медсанбате, это уже примерно в 30—40 километрах от передовой. Из Кричева в тяжелом состоянии я был отправлен в Горький, где пролежал в грудном госпитале несколько месяцев.

Товарищи, видимо, посчитали меня убитым. Так и сообщили домой родным. Уже после демобилизации я увидел извещение о своей гибели...

Вы просите мою сестру Веру рассказать обо мне. Я сам это сделаю с большим удовольствием.

Родился в 1925 году на станции Тайнинская, около Мытищ. В 1933 году умер мой отец, а через три года — мать. Жил я у старшего брата. Закончил в 1940 году семь классов и поступил в школу ФЗО, которая вскоре была преобразована в ремесленное училище. Когда началась война, я вместе с училищем эвакуировался в Пермь. Работал токарем, по 12—18 часов точил стволы для противотанковых пушек 45 мм, а также обрабатывал казенники к ним. Дважды пытался уйти добровольно на фронт, но безуспешно. В третий раз повезло — попал в учебный полк, окончил школу и получил звание сержанта, командира отделения войсковых разведчиков.

Осенью 1943 года я поехал на фронт, всю зиму простояли в обороне, в мешке между железной дорогой на Оршу и шоссе на Минск. Пришлось всего повидать. Вели разведку бесшумную и с боем, ходили в наступление, чтобы немец не оттягивал войска на другие участки фронта. Представляете, возьмем с боем три линии траншей, а потом отходим.

Весной 1944 года я был легко ранен в ногу, лежал в госпитале в Смоленске. Из госпиталя в конце апреля попал в запасной полк, а оттуда в 878-й полк, который в то время находился во втором эшелоне на пополнении.

За несколько дней до наступления мы заняли первую линию наших траншей, и нам, разведчикам, было поручено вести наблюдение за противником. Я был в это время во взводе полковой разведки. Когда началось наступление, нам приходилось проводить по тылам немцев наши батальоны, чтобы отрезать им пути отхода.

На рассвете 25 июня мы взяли Хорошки, но немцы пошли в контрнаступление. Бой был жаркий, здесь меня и ранило.

Из Горького, где я находился в госпитале, меня отправили в запасной учебный танковый полк, где проводило формирование отдельных самоходных артдивизионов. 13 мая 1945 года наш дивизион погрузился и выехал в Монголию, где я находился до начала войны с Японией.

С дивизионом, в котором я командовал отделением разведки при взводе управления, прошел Большой Хинган, участвовал во взятии Мукдена, Харбина. Когда война закончилась, наш дивизион снова вернулся в Монголию. Меня наградили медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».

В декабре 1946 года я демобилизовался и вернулся домой. Вот, пожалуй, и все о себе...

Письмо Константина Васильевича Волкова, которого долгие годы считали погибшим, меня очень обрадовало. Я, конечно, слышал, что во время войны бывали случаи, когда родным присылали извещения о гибели их сына, отца или мужа, но потом оказывалось, что они живы.

О таких случаях у нас в деревне в годы войны, да и позднее, когда она закончилась, ходило немало рассказов, чем-то напоминавших легенды. По-разному относились к ним люди — верили и не верили. Да и мы сами, получив извещение о гибели отца, долгое время еще верили в чудо, ждали его возвращения с фронта. Даже спустя много лет после окончания войны. А моя мать ждет его и до сих пор...

И вот теперь не по рассказам, чем-то напоминавшим красивые легенды, я, как говорится, вплотную встретился с таким случаем, который глубоко взволновал меня.

Но могут спросить, а как же теперь быть с документами военного архива? Верить им или не верить? Ведь о гибели Константина Волкова было послано извещение, и его фамилия значится в списке безвозвратных потерь 878-го стрелкового полка. Больше того, в Хорошках на братской могиле уже установлен памятник и на нем в числе тридцати двух воинов, погибших 25 июня 1944 года, указан и сержант Волков. Не является ли этот случай лишним подтверждением того, что не следует стремиться к точному установлению фамилий воинов, похороненных в безыменных братских могилах?

Конечно нет! Все, что удалось узнать о солдатах, сержантах и офицерах, погибших в Хорошках двадцать лет назад, а также о сержанте Константине Волкове, еще и еще раз подтверждает необходимость настойчивого, кропотливого поиска материалов о

героях войны, терпеливой проверки имеющихся фактов. Работа эта большая и очень важная. Что может быть благороднее и радостнее шаг за шагом восстанавливать правду о войне, искать материалы о неизвестных, а порой и забытых героях! И документы военного архива всегда будут нам путеводной нитью в этом поиске, исходным материалом, который будет уточняться и дополняться в процессе поиска.

А если фамилия сержанта Волкова уже выбита на памятнике в Хорошках, то это беда небольшая — такую ошибку можно всегда исправить. И я думаю, что жители Хорошей сделают это с большой радостью.

Разве можно не радоваться тому, что человек, которого считали погибшим, живет на свете!

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

*Люди!
Покуда сердца
стучатся, —
Помните!
Какой
ценой
завоевано счастье, —
пожалуйста,
помните!*

Я снова еду в Белоруссию, правда, не в свою деревню, а в Хорошки, на открытие памятника погибшим воинам. Вместе со мной едут Нина Михайловна Двужильная и ее сын Александр. Тот самый Сашуня, которому в каждом письме Юрия с фронта всегда отводилось несколько строчек. И написаны они были по-особому, крупными печатными буквами, чтобы сам смог прочитать.

Теперь это был уже не Сашуня, а Александр Сергеевич, молодой ученый, только что закончивший аспирантуру Ленинградского политехнического института и получивший направление на работу где-то в Сибири.

В Могилев приехали рано утром. Несколько часов, оставшихся до отхода поезда на Чаусы, мы провели в городе. Ведь Нина Михайловна и Александр были здесь впервые, и мне, как местному старожилу, пришлось стать экскурсоводом.

Моих спутников интересовало буквально все: когда был основан город, откуда происходит название, что было наиболее примечательным в его истории. И конечно, их особенно интересовало все, что было на могилевской земле в годы минувшей войны.

И я рассказал им все, что совсем недавно узнал о героической обороне Могилева летом 1941 года частями 172-й стрелковой дивизии и отрядами народного ополчения, продолжавшейся почти месяц.

К сожалению, эта одна из самых ярких и драматических страниц истории Великой Отечественной войны мало известна советским людям. А ведь в этом городе двадцать три дня шли ожесточенные бои, даже тогда, когда гитлеровские войска подходили к Смоленску. Защитники Могилева проявили исключительное мужество и самоотверженность.

Плечом к плечу с воинами 172-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Михаил Тимофеевич

Романов, сражались бойцы народного ополчения города.

Вот что писал о 172-й дивизии маршал Еременко в своих воспоминаниях:

«Эта героическая дивизия заслуживает не меньшей признательности советского народа, чем доблестные защитники Брестской крепости, ибо воины дивизии выстояли на полевых укреплениях, созданных ими с помощью местного населения, двадцать три дня сдерживая напор танковой армады Гудериана. Они оставили город по приказу своего командира лишь тогда, когда фронт откатился на добрую сотню километров от «белорусского Мадрида», как называли Могилев его доблестные защитники».

Я рассказал Нине Михайловне, Александру и о могилевском подполье, которое возникло сразу же после захвата города гитлеровцами. Сколько славных подвигов совершили подпольщики, сражаясь с врагом! Я где-то читал, что Могилев называли карающим городом. Как это верно!

Мы идем по Первомайской улице, здесь почти каждый дом — свидетель героической борьбы подпольщиков. А вот улица имени Тани Карпинской, одной из активных участниц «Комитета содействия Красной Армии» — так называлась могилевская подпольная организация. Руководил ею учитель Казимир Юлианович Мэттэ. Насчитывала организация около 500 человек.

Подпольщики установили тесную связь с партизанами и диверсионно-разведывательными группами, действовавшими в окрестностях города. С их помощью в Могилеве работали две радистки — Аня Анисимова и Вера Зотова, которые прямо из города передавали сведения советскому командованию.

Мы зашли в областной краеведческий музей, где собрано очень много материалов о героической обороне города, о могилевском подполье. А в городском театре, как нам сказали, с большим успехом идет пьеса «Это было в Могилеве», написанная местным журналистом Тарасовым по материалам тех дней.

Не хотелось верить, что официально могилевское подполье было признано лишь в августе 1963 года и все, что мы теперь узнали, стало широко известно лишь совсем недавно.

Чем объяснить все это?

Последняя фотография Юрия Двужильного. Апрель 1944 г.

Мне думается, что героическая оборона Могилева и работа подпольной организации долгие годы оставались неизвестными потому, что у нас, к сожалению, при изучении истории Великой Отечественной войны допускаются иногда своеобразные перекосы. К отдельным событиям в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимают субъективные, привлекалось всеобщее внимание печати, радио, телевидения, в то время как другие не менее, а порой и более значительные события минувшей войны остаются в тени, о них просто забывают.

Время — лучший судья человеческих деяний, и то, что когда-то заслонило собой другие, более значительные события, в конце концов станет на свое место, отведенное историей.

И я верю, что скоро все узнают о героических защитниках Могилева, о боевых делах подпольщиков и партизан этого города.

В Чаусы мы приехали во второй половине дня. Нас ждали, и прямо с вокзала мы направились в гостиницу, где уже были многие родственники воинов, погибших в Хорошках. Они приехали накануне. Среди них жена и дочь лейтенанта Арапова, сыновья рядового Махно, жена лейтенанта Блинова, сестры старшего сержанта Кулагина, жена и сын сержанта Окуловского, жена и дочь лейтенанта Осенникова и другие. Приехал и боевой товарищ погибших воинов — Степан Петрович Струментов, ожидали Михаила Григорьевича Хомуло, бывшего командира 878-го полка.

За эти годы дети погибших, знавшие своих отцов лишь по фотографиям и рассказам матерей, стали взрослыми. Вот два сына рядового Андрея Махно — крепкие, широкоплечие парни. Оба сейчас служат в армии, и по моей просьбе командование отпустило их на несколько дней, чтобы они побывали на открытии памятника на могиле отца. У Филиппа Окуловского тоже сын — Владимир. Несколько лет назад он закончил Курганский сельскохозяйственный институт и теперь работает зоотехником в родном колхозе, где когда-то бригадиром работал его отец. Сын рядового Леонида Казанцева Виктор. Сейчас живет и работает в городе Асбест, учится в институте. Приехали две сестры старшего сержанта Николая Кулагина, одна из них была партизанкой в годы Отечественной войны. У лейтенанта Арапова уже взрослая дочь, живет и работает в городе Кушва, Свердловской области. Замужем, родила двух сыновей-близнецов, одного из них в честь деда (лейтенант Арапов уже был бы дедом) назвала Александром...

Степан Петрович Струментов капитан запаса. Тогда он был старшим лейтенантом, командовал ротой. Невысокого роста, с монгольскими чертами лица. Задумчивый, доброжелательный, спокойный. Пытаюсь представить себе, каким был он двадцать лет назад в те памятные дни июньского наступления — в каске, с пистолетом, вместе с ротой штурмующий высоту 113, служившую гитлеровцам опорным пунктом...

Вечером нас пригласили в районный Дом культуры на торжественное заседание, посвященное двадцатилетию освобождения Чаусского района от гитлеровских захватчиков. Был, как всегда в таких случаях, президиум, с докладом выступил секретарь райкома партии Василий Иванович Гнедько.

Все могло бы показаться обычным, но посмотрите в зал. Там сидят ветераны войны с боевыми наградами, вдовы и сироты павших героев и совсем еще юные солдаты из местной воинской

части. Не совсем обычными были и цифры, которые приводил секретарь райкома в своем докладе. Вот они.

Во время гитлеровской оккупации в Чаусском районе были разграблены 151 колхоз, три МТС, все школы, больницы, полностью сожжены двадцать два села, без крова осталось 75 процентов населения района. Если до войны в районе было 9615 коров, 9825 лошадей, 3290 свиней, то после освобождения чудом осталось 110 лошадей и 122 коровы, а овцы и свиньи были полностью уничтожены. Общий ущерб, причиненный хозяйству района, равнялся одному миллиарду 20 миллионам 584 тысячам рублей в старых деньгах.

Я привел лишь несколько цифр, показывающих размеры народного бедствия. Вот еще две: после освобождения моей родной деревни на триста сорок семей, вернувшихся из леса, было две чудом уцелевшие лошади и ни одного дома...

Но с чем сравнить человеческие жертвы? За годы оккупации на территории Белоруссии гитлеровцы уничтожили 2 миллиона 220 тысяч мирных жителей и военнопленных, более 380 тысяч человек было угнано на каторжные работы в Германию, и сколько там их погибло...

Казалось, без счета и числа обрушились на мой народ беды, лишения и горе и ничто теперь уже не сможет поднять из руин эти города и села, что теперь десятки лет будет пустовать земля, превращенная фашистами в мертвую зону.

Так, очевидно, и было бы, если бы на помощь моему народу не пришли советские люди, вся наша страна. Из центральных и восточных районов привезли тысячи тракторов, комбайнов, сеялок и других сельскохозяйственных машин. Только в Чаусский район с востока было пригнано 2200 лошадей, 2372 коровы, 3712 овец. Семьям погибших и инвалидам войны было выдано 27 905 различных носильных вещей, 500 тонн зерна, многодетным и одиноким матерям было оказано пособие на 180 599 рублей. А ведь Это лишь только та помощь, которая шла, как говорится, в организованном порядке, через государственные учреждения.

При желании все это можно показать колонками цифр статистических отчетов. Но как передать при помощи этих же цифр то душевное тепло и человеческую доброту, с которой трудящиеся других союзных республик помогали жителям освобожденных районов Белоруссии, как говорится, в неорганизованном порядке? Каждый, кто чем мог — зерном для посева, саженцами для вырубленных садов, одеждой, обувью, продуктами питания или просто добрым словом, готовностью приехать на восстановление разрушенных городов и сел, фабрик и заводов.

Мне помнится первая посевная после освобождения. Лошадей, тракторов нет. А надо было сеять хлеб, сажать картофель. Чтобы вспахать поле, женщины по шесть — восемь человек впрягались в плуг и тащили его за собой. За плугом шел кто-либо из подростков или стариков. Зерно сеяли дедовским способом, вручную разбрасывали по вспаханному полю, а потом бороновали на себе. Почти весь картофель посадили под лопату, как в доисторические времена: выкапывали лунку, клали туда немного навозу, чуть-чуть присыпали землей и сажали туда маленькую, как желудь, картошку и все это засыпали сверху. И так дальше и дальше — все картофельное поле.

Почти все мужчины были на войне, в колхозе работали женщины, старики, дети. Работали от зари до зари, до изнеможения, потому что хотели скорее поправить дело и помочь фронту.

И в это время из Башкирии к нам в колхоз прислали три трактора. Колесные, Харьковского завода. А за рулем были девушки, крепкие, работающие. Они приехали к нам со своими тракторами из далекой Башкирии.

...Все это вспомнилось мне в районном Доме культуры, когда я слушал взволнованное выступление секретаря райкома партии, которое теперь меньше всего было похоже на обычный в таких случаях доклад, посвященный торжественной дате. Мне потом сказали, что секретарь райкома родился и вырос в этих местах и хорошо знает все, что здесь было во время войны и в первые послевоенные годы. Видимо, и ему в этот вечер многое подсказала память сердца, которая бережно хранит все, что пришлось пережить одному человеку и целому народу.

СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...

*Не плачьте,
В горле
сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте
достойны!*

*Вечно
достойны!*

Утро следующего дня было теплым и солнечным. В синем бездонном небе ни одного облачка. Совпало оно и с выходным днем. Так что по пути в Хорошки мы то и дело обгоняли празднично одетых людей, и все они шли и ехали в том же направлении, что и мы. Кто-то из райкомовских работников, ехавших вместе с нами, пошутил по этому поводу: «Сегодня все дороги ведут в Хорошки».

Кладбище за деревней. Зеленые ветви берез, не шелохнувшись, свисают почти до самой земли. И среди этой скорбной зелени высоко взметнулся памятник на братской могиле. Очертания памятника только угадываются — он пока закрыт белым покрывалом.

Мы сошли с автобуса и идем к братской могиле. Люди расступаются, дают нам дорогу. Они уже знают, что приехали родные и близкие погибших.

Знал я, что человеческой скорби всегда претит праздное любопытство, и поэтому меня смущало, что так много собралось людей у братской могилы. Что их привело сюда? Неужели только желание посмотреть на приехавших издалека родных и близких погибших здесь воинов?

Я взглянул на лица людей, молча уступавших нам дорогу, и все тревоги рассеялись. Меня обрадовала их теплота, сердечность и та скромная, даже немного застенчивая приветливость, с которой мои земляки встречали приезжих гостей.

Разные бывают встречи — шумные, назойливые, нарочитые, от которых на целую версту несет стремлением провести очередное оргмероприятие, и вот такие светлые, простые и сердечные, удивительно созвучные общему настроению.

Меня могут упрекнуть в излишнем пристрастии, но так уж получилось, что в результате стечения обстоятельств такие

встречи я пока имел возможность видеть лишь у нас в Белоруссии. Как и во многих других районах нашей страны, здесь война прокатилась дважды — туда и обратно.

Не в этом ли причина того глубокого понимания человеческого горя и той постоянной готовности и умения просто и скромно помогать людям, когда им бывает трудно? Я где-то читал, что глубже и добрее смотрят на жизнь те глаза, которые видели много горя.

Не стало ли это умение и готовность откликаться на чужую беду своеобразной чертой национального характера народа, которую так хорошо подметили солдаты отступавших и наступавших здесь войск. Они называли жителей этого края тепло и сердечно, с присущей солдатам доброй улыбкой: братцы белорусы.

И вот сейчас они стоят по обе стороны образовавшегося в толпе прохода. Вот еще не совсем старая женщина, повязавшая голову темным платком. Она стоит задумавшись, но ее глаза смотрят приветливо и ласково. В них чувствуется какая-то грусть и тревога — может быть, женщине вспомнилась вот такая же братская могила под Москвой или Сталинградом, где похоронен муж ее. А могилы сына своего она и до сих пор не знает — мальчишкой шестнадцати лет ушел в партизаны и погиб где-то в Усакинских лесах со своим отрядом в февральскую блокировку 1943 года...

Я пытаюсь представить себе, о чем думают вот эти еще крепкие старики, стоящие чуть поодаль. На своем веку повидали они немало — воевали еще в ту германскую где-нибудь под Перемышлем, а после революции у Семена Михайловича в Первой Конной. В полной мере хлебнули горестей и этой войны, кто на фронте, кто в партизанах.

Вернувшись домой, а их было мало, кому довелось вернуться с войны, стали строиться заново на недавних пожарищах, работали в колхозе, стараясь как-то наладить трудную послевоенную жизнь.

А время не ждало. Вот еще двадцать лет отмерено жизнью, посидели за эти годы, но не согнулись упрямые старики, перед которыми, казалось, и горе и годы бессильны.

Открытие памятника на братской могиле в деревне Хорошки, Чаусского района, Могилевской области.

Кто знает, о чем думают сейчас эти люди, немало повидавшие на своем веку, что стоят молча вдоль длинного прохода, образовавшегося в толпе, заполнившей все пространство от деревни до братской могилы.

И только на смысленных мордашках деревенских мальчишек, в их широко раскрытых глазах можно было заметить детское, ничем не затуманенное любопытство. Мне почему-то захотелось назвать его голубоглазым...

Вот мы и у братской могилы. Она красиво убрана, у подножия памятника множество цветов. Сейчас начнется митинг, будет торжественное открытие памятника. Немного шумно, суетятся многочисленные репортеры, кинооператоры, любопытные мальчишки. И во всем этом людском водовороте оттесненные в сторону и как бы ко всему безучастные стоят родственники погибших — их жены, матери, сыновья. Подумалось: к чему сейчас им этот митинг с речами и даже воинским салютом (возле могилы уже выстроился взвод автоматчиков)? Им бы сейчас, матерям и солдатским вдовам, остаться у могилы одним и молча, а то и во весь голос, как это ведется издавна, выплакать свое закаменевшее, давнее горе, свою боль и тоску.

И все же митинг даже для них, казалось безучастных ко всему, был нужен. Нужны были и эти немного официальные слова Василия Ивановича Гнедько, открывшего митинг, и воспоминания офицеров запаса Струментова и Сапрыкина — боевых товарищей

погибших, и это взволнованное выступление Нины Леоновны Снежковой, секретаря обкома партии.

А потом говорила ученица Сухаревской средней школы Инна Неврозова. Ее звонкий взволнованный голос в наступившей вдруг тишине звучал как натянутая до предела струна, болью отзываясь в сердце каждого. В нем было все — и еще не изведенное, но чутким сердцем девочки понятое человеческое горе, и трепетное волнение школьницы, впервые выступавшей перед таким множеством молчаливых людей.

Нужно, просто необходимо было и выступление ефрейтора Пасечникова — отличника боевой и политической подготовки. Он говорил, положив руку на свой автомат. Я стоял рядом и видел, как побледнело лицо молодого солдата, когда он от имени тех, кто сейчас в строю, давал клятву верности делу, за которое легли в землю их отцы и старшие братья.

И я смотрю на сыновей Андрея Махно, Филиппа Окуловского, Леонида Казанцева — это молодые, крепкие парни, выросшие уже после войны. Они стоят рядом, словно в строю, расправив плечи, высоко подняв головы. Лица их побледнели от волнения, глаза решительны и строги. И кто знает, может быть, и они, стоя у братской могилы, вместе с ефрейтором Пасечниковым повторяли слова суровой солдатской клятвы...

А потом был воинский салют в честь павших героев. Салют из тридцати автоматов, давали его молодые солдаты.

Мне помнится другой салют — у раскрытой братской могилы возле нашей деревни. Это прощались со своими погибшими товарищами красноармейцы, уходившие дальше, на запад. Их руки с автоматами, пистолетами, наганами подняты вверх. Направлены в осеннее пасмурное небо. Головы красноармейцев, без пилоток и касок, скорбно опущены к земле, где темным провалом уходила вглубь большая братская могила. Там, на дне ее, укрытые плащ-палатками, в одном ряду лежали воины, которым теперь не встать никогда...

И сейчас, когда раздался треск автоматов, я невольно вздрогнул. Точно таким был салют на братской могиле тогда, в сентябре 1943 года. Но теперь воинские почести павшим героям отдавали солдаты нового поколения — сыновья тех, кто более двадцати лет назад сражались и умирали за Родину.

Под звуки салюта с памятника медленно спадает покрывало, и все видят на мраморных плитах, укрепленных по четырем граням памятника, золотом высеченные имена, фамилии, воинские звания солдат, сержантов и офицеров, погибших здесь 25 июня 1944 года. И среди них капитан Двужильный Юрий Михайлович, Герой Советского Союза...

К памятнику легли цветы — от родных и близких погибших, от их боевых товарищей, общественных организаций района, сельского Совета, колхоза. Здесь же на митинге было объявлено о решении исполкома Чаусского районного Совета депутатов трудящихся присвоить Сухаревской средней школе имя Героя Советского Союза Юрия Двужильного.

Митинг закончился, но никто не торопился расходиться. Те, что стояли далеко, подходили к могиле, читали надписи на памятнике, знакомились с родными и близкими погибших, приглашали их к себе в гости, расспрашивали и сами рассказывали о пережитом. И меня, как не раз уже было за эти последние дни, удивила и обрадовала та простота и естественность, с которой разговаривали между собой люди, совсем недавно не знавшие друг друга, и с какой теплотой и сердечностью местные жители встретили родственников погибших воинов.

Видимо, ничто так не сближает людей, как горе, перенесенное вместе в лихую годину.

* * *

А на следующее утро на райкомовском газике Нина Михайловна Двужильная, ее сын Александр, Степан Петрович Струментов и я поехали на реку Проня в те места, где 23 июня 1944 года началось наступление 878-го стрелкового полка. Это километров двадцать к востоку от Хорошек.

Степан Петрович надеялся, что ему удастся найти место, где его рота находилась на исходном рубеже перед наступлением, ему хотелось провести нас точно там, где батальон форсировал Проню, показать, где находился командный пункт батальона во время контратаки гитлеровцев, пытавшихся с помощью танков и «фердинандов» сбросить в реку наступающие роты.

Откровенно говоря, я не очень верил, что Степану Петровичу удастся точно восстановить картину давнего боя. Ведь прошло столько лет, и я сомневался, что в памяти могут сохраниться все детали наступления, и поэтому, боясь какой-либо неточности, сверял с записями в «Журнале боевых действий полка» все, что рассказывал нам Степан Петрович. Я не скрывал от него, что мне хочется сопоставить его воспоминания с документами, и он охотно согласился на это.

И всякий раз, когда то, что он рассказывал, соответствовало записи в журнале, мы оба искренне радовались. Меня восхищала память Степана Петровича и та обстоятельность, с которой он

рассказал и показал нам все. Он помнил все, словно это было вчера, — и где наступала рота, и как ей пришлось залечь, ожидая «огонька» сопровождавших орудий, где форсировали реку по штурмовым мостикам, наведенным накануне саперами, а то и вброд, неся над головой автоматы, патроны, гранаты.

Вот Степан Петрович остановился у неглубокой вмятины в земле, огляделся вокруг, прилег и лежа еще раз осмотрел местность.

— Вот здесь, — сказал он, — в воронке от авиабомбы был тогда батальонный командный пункт.

И мы представили себе штурмующие цепи, разрывы снарядов и мин, пронесившиеся над головами штурмовики, грохот танков и самоходных установок и ту воронку, в которую на несколько минут заскочил комбат со своими связными, чтобы осмотреть поле боя и принять новое решение...

Я понимаю Нину Михайловну, которая все расспрашивает и расспрашивает Степана Петровича Струментова о подробностях этого боя, пытается понять его особенности и даже старается разобраться в замыслах командования и усвоить специфическую военную терминологию. Ей хочется представить себе брата на войне — ведь для Нины Михайловны Юрий был и останется мальчишкой, подростком, юношей, увлекавшимся техникой, мечтавшим стать инженером. И она знала, что он стал бы превосходным инженером, если бы не война.

Для нее сейчас он открылся совершенно с другой стороны, она как бы узнавала и не узнавала в этом волевом, храбром комбате своего брата, пыталась даже разобраться в его решениях на поле боя, почему он поступил так, а не иначе. Знаю, что не сразу Нина Михайловна поймет все премудрости военной науки, но я уверен, что она не будет теперь к ней равнодушной. И среди книг, что стоят дома в шкафу, обязательно будут и те, где говорится о боях в Белоруссии в июне 1944 года.

...В Чаусы мы возвращались уже во второй половине дня. По пути решили заехать в Хорошки, хотелось еще раз побывать на братской могиле. Вчера, во время открытия памятника, там было много людей. А Нине Михайловне хотелось побыть одной у могилы брата — ведь человеческое горе всегда застенчиво.

И вот наша машина, проскочив Хорошки, стала подходить к кладбищу. Я сидел рядом с шофером и, пожалуй, первый увидел людей у братской могилы и сразу же догадался, в чем дело. Наверное, еще со времен язычества в Белоруссии сохранился обычай — на кладбище поминать умерших и убитых, там, где они похоронены. На могиле стелют скатерть, ставят вино и всевозможную снедь, принесенную из дома. Родственники, друзья

и товарищи покойного усаживаются вокруг могилы прямо на землю, пьют вино, ведут неторопливую беседу, вспоминают прошлое. Иногда поют песни задумчивые, протяжные.

И хотя еще мальчишкой мне не раз доводилось бывать на таких поминках и я считал, что в этом нет ничего плохого, сейчас, подъезжая к могиле, я чувствовал себя неважно, словно был в чем-то виноват.

Заметив, что у могилы люди, Нина Михайловна сказала с огорчением:

— А мне так хотелось побыть здесь одной...

Пока мы выходили из машины и шли к памятнику, я с тревогой думал: как отнесется ко всему этому Нина Михайловна? Ведь она горожанка и, возможно, не знает об этом обычае.

Мы подошли, поздоровались. Вокруг могилы сидели родственники Андрея Махно, Филиппа Окуловского, Николая Кулагина, Степана Осенникова, были здесь и жители Хорошек, по преимуществу женщины. Среди них Фекла Ивановна Чамрова и многие ее соседи, с которыми я познакомился, когда первый раз приезжал в Хорошки.

Женщины пригласили и нас к своему застолью. С тревогой смотрю на Нину Михайловну: что, если она хотя бы в какой-то мере покажет свою недавнюю досаду, откажется принять приглашение гостеприимных хозяев? И я был очень рад, когда она тут же села на цементную бровку, что была уложена вокруг могилы, взяла протянутый ей стакан, кусок хлеба и выпила вместе со всеми за светлую память погибших воинов.

Наверное, не я один тревожился в эту минуту, всем нам очень хотелось, чтобы сестра Юрия Двужильного, которая до сих пор держалась как-то в стороне, стала здесь своим, близким человеком. И я рад, что так оказалось на самом деле...

Вечерело, когда мы, тепло простившись с нашими друзьями из Хорошек, стали собираться в обратный путь. Солнце уже почти скрылось за косогором, в небе стали появляться первые звезды. Было тихо, даже ветер, раскачивавший недавно длинные ветви берез, затих, притаился где-то в поле.

По дороге, переговариваясь между собой, возвращались с сенокоса мужчины. Их косы, поднятые высоко, доставали лучи догоравшего солнца, и теперь они казались узкими красными полосками, плывущими в потемневшем небе. Чуть погода протопало деревенское стадо, и вскоре послышалось, как хозяйки зазывали на двор своих буренок. Скрипел ворот у колодца, изредка доносился шум ребятишек, видно, и они уgomонились к вечеру. Над печными трубами многих изб тонкими струйками потянулись в небо дымки — хозяйки готовили ужин.

Мы стояли на кладбище, где все: кресты, памятники, могилы и даже поникшие ветви берез — напоминало о смерти. А совсем рядом, в Хорошках, своим чередом продолжалась жизнь со всеми ее радостями и заботами. Вопреки всему, что становилось у нее на пути, наперекор самой смерти...

* * *

А на следующее утро мы уезжали домой. Перед отъездом секретарь райкома В. И. Гнедько пригласил к себе родственников погибших воинов, тепло, поговорил с каждым, пожелал доброго пути. Он пригласил их приезжать каждый год в Хорошки, попросил прислать в Сухаревскую среднюю школу имени Героя Советского Союза Юрия Двужильного фотографии, письма погибших воинов, написать воспоминания о них. Надо, чтобы жители Хорошек и окрестных деревень знали о каждом, кто погиб, освобождая Белоруссию, чтобы память о них передавалась из поколения в поколение.

Работники Чаусского райкома проводили гостей на станцию и каждому из них вручили билеты на обратный путь. Эта помощь оказалась очень кстати, потому что большинство приехавших были из дальних мест, в основном деревенские жители, для которых поездка в Белоруссию стала целым событием.

И вот мы уже в поезде, по пути домой. Вспоминаем эти несколько дней, проведенных в Белоруссии, наших новых друзей, с которыми мы будем теперь встречаться каждый год, писать друг другу письма.

Так на моих глазах сложилась и окрепла дружба людей, живущих за сотни километров друг от друга. Их объединила одна судьба, общее горе, пережитое в годы войны, боль тяжелых утрат, потому что у нас трудно найти семью, где бы не хранились пожелтевшие от времени извещения, письма с фронта, фотографии тех, кто уже никогда не вернется домой...

ДОЛГ ЖИВЫХ ПЕРЕД ПАВШИМИ

*Во все времена
бессмертной земли
помните!
К мерцающим звездам
ведя корабли, —
о погибших
помните!*

Вот и закончилась наша поездка в Белоруссию, а вместе с ней и рассказ о Юрии Двужильном и его боевых товарищах. Конечно, нам еще многое надо узнать, и будем надеяться, что после выхода в свет этой книги откликнутся родные и близкие погибших воинов, их друзья и боевые товарищи. Особенно я буду рад, если откликнутся родные и близкие Акопа Ассо, Абдуллы Баратова, Николая Вагина, Василия Вязьмина, Камиля Губайдуллина, Василия Горбунова, Михаила Григорьева, Ивана Зименкова, Петра Кондакова, Василия Муравкина, Петра Саманова и Бориса Циренкова, о которых, к сожалению, удалось узнать немного, лишь то, что было сказано о них в списке безвозвратных потерь 878-го стрелкового полка.

Да, многое еще надо узнать, но, пожалуй, главного мы уже добились: теперь в Хорошках установлен памятник и на нем золотом высечены фамилии, воинские звания всех, кто здесь похоронен.

На этом в основном можно было и закончить нашу работу и с сознанием исполненного долга обратиться к новым темам, начать новые поиски.

Как вы уже, очевидно, догадываетесь, это будет рассказ о героической обороне Могилева летом 1941 года и о могилевском подполье.

Но почему, заканчивая повесть о Юрии Двужильном и его боевых товарищах, я не испытываю такого удовлетворения, какое было у меня, когда дописывались последние страницы книги о Вере Волошиной? Чем объяснить ту смутную тревогу, которая закралась в сердце после всего, что мы узнали о Юрии Двужильном и его товарищах?

Видимо, оттого все это, что, когда рассказываешь о поиске, длившемся несколько лет, и о том, как наконец удалось узнать о судьбе Героя Советского Союза Юрия Двужильного и его боевых товарищей, невольно думаешь о том, что поиска этого могло и не быть...

Судите сами.

Юрий Двужильный и его товарищи не пропали без вести на войне. Они были убиты 25 июня 1944 года и похоронены в одной братской могиле. Их родным и близким были посланы извещения, письма, которые они не успели отправить сами, документы, фотографии. Боевые товарищи павших написали их родственникам о том, как они сражались и погибли, где и когда похоронены.

Но кроме этого, в Подольске в Архиве Министерства обороны СССР вот уже более двадцати лет бережно хранятся материалы 878-го стрелкового полка, и среди них наградные листы с описанием боевых заслуг погибших воинов, приказы, донесения, сводки, подшивка дивизионной газеты «За правое дело» и множество других документов, которые могут рассказать нам о погибших воинах и о бывших сражениях порой гораздо точнее, ярче и достовернее, чем непосредственные участники тех далеких событий. И в этом нет ничего удивительного — ведь людям свойственно забывать многое, да и сами они, к сожалению, не вечны.

И вот мы столкнулись с парадоксом: капитан Двужильный и его товарищи не пропали без вести, о них сохранились документы, письма, фотографии, но в Белоруссии, там, где сражались и погибли герои, почти двадцать лет никто не знал о них. Все эти годы братская могила в Хорошках была безыменной. Больше того, в Донецке, Кемерове и Ленинграде, где прошли детство и юность Юрия Двужильного, двадцать лет не знали о том, что ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Кто же виноват в этом?

Мы уже критиковали работников Кемеровского военкомата. Ведь еще в августе 1944 года из штаба 878-го стрелкового полка они получили сообщение о гибели Юрия, а затем им стало известно, что ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Но шли годы, и постепенно они забыли о своем земляк-герое, как, очевидно, забыли о нем в Донецке и Ленинграде...

А как нам отнестись ко всему, что мы узнали и увидели в Белоруссии?

Конечно, следует упрекнуть работников Чаусского райвоенкомата за то, что братская могила в Хорошках долгие годы была безыменной. Но в этом районе после освобождения осталось около тысячи воинских захоронений, и почти все они — безыменные...

Можно было бы покритиковать товарищей из Белорусского музея истории Великой Отечественной войны, где собрано немало документов о наступлении советских войск в Белоруссии

летом 1944 года. Я узнал, что у них есть копия наградного листа на капитана Двужильного о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Почему бы им не навести справки, где погиб и похоронен один из Героев Советского Союза, освобождавших Белоруссию, и не рассказать об этом местным жителям?

Но ведь в братской могиле в Хорошках кроме капитана Двужильного похоронено еще тридцать солдат, сержантов и офицеров. Чтобы узнать о каждом из них, разыскать документы в архиве, найти их родных и близких, нужно было затратить немало времени и усилий. Но как быть, если в музее работает не так уж много сотрудников, а таких безыменных братских могил, как в Хорошках, в республике сотни, тысячи?

А может быть, в том, что у нас так много безыменных могил, следует упрекнуть работников Архива Министерства обороны СССР, где сосредоточены документы всех воинских частей и соединений, принимавших участие в Великой Отечественной войне? Ведь они могли бы изготовить копии списков безвозвратных потерь и схем захоронения воинов и послать их в соответствующие областные и республиканские военкоматы, чтобы на местах были исчерпывающие данные о всех воинских захоронениях.

На это нам обычно отвечают, что рассылать копии документов без предварительного запроса с мест архив не обязан. Было бы лучше, если бы военкоматы, желающие узнать, кто похоронен у них в безыменных могилах, запросили об этом архив. И в качестве примера обычно ссылаются на инициативу работников латвийского военкомата.

Не так давно в Москве и Подольске побывала большая группа офицеров и генералов, командированная республиканским военкоматом Латвийской ССР. Несколько месяцев они работали в архивах и других военных учреждениях, ведающих учетом кадров, и увезли с собой копии важнейших документов, рассказывающих о боях на территории их республики. Эти материалы дали им возможность установить, кто похоронен в безыменных братских могилах.

Среди латвийских товарищей, приезжавших в Москву, был и генерал-майор в отставке Петр Оскарович Бауман. Этот неутомимый искатель собрал богатейшие материалы о боях на территории Латвии в годы Великой Отечественной войны. Этими материалами сейчас широко пользуются все, кто изучает историю республики.

А почему бы таким же образом, как это сделали латвийские товарищи, не поступить военкоматам других наших республик, не дожидаясь, когда кто-либо пришлет им документы о погибших

воинах? Ведь не зря в народе говорят, что под лежащий камень и вода не течет...

* * *

Мы с вами долго и, может быть, несколько односторонне пытались решить вопрос о том, кто же виноват, что у нас спустя более двадцати лет после окончания войны осталось так много безыменных могил и неизвестных героев.

Конечно, ответственность за все это в первую очередь несут исполкомы местных Советов, военкоматы и другие организации и учреждения, которые по роду своей деятельности должны заботиться об увековечении памяти павших.

Но будем объективны и справедливы. Критикуя других, надо всегда иметь мужество спросить себя: а что я сделал для того, чтобы люди знали о тех, кто погиб, защищая Родину?

В деревне, поселке или городе, где вы живете, есть могилы героев, погибших за Советскую власть. Спросите себя, что вы знаете об этих людях, откуда они родом, когда и как погибли. И я уверен, что в большинстве случаев вам это неизвестно. Задумывались ли вы над причинами такого положения? Что сделали для того, чтобы безыменные могилы в вашем селе, поселке или городе раскрыли свою тайну, рассказали людям о неизвестных, а чаще всего о забытых героях?

Что скрывать, у нас еще нередко можно столкнуться с казенным и формальным отношением к памяти погибших воинов. И что страшнее всего, мы сами постепенно начинаем привыкать к этому. Вот уже более двадцати лет мы миримся с тем, что большинство братских могил у нас безыменные, что на них стоят, как правило, стандартные памятники, напоминающие чем-то изделия ширпотреба, и написаны на них одни и те же ни о чем не говорящие слова, как будто их писали под копирку...

А ведь в братских могилах похоронены те, кто имел свою судьбу, свой облик, свои надежды и стремления. Среди них были и совсем еще молодые солдаты, погибшие в своем первом бою, и бывалые воины, прошедшие большой ратный путь...

Но об этом мы можем только догадываться, потому что нам ничего не известно о погибших. Для нас они просто неизвестные солдаты, и мы порой точно не знаем, сколько их похоронено в каждой братской могиле — десять, пятнадцать, сто...

Вам, наверно, не раз приходилось видеть пионеров на братских могилах. Обычно они приходят сюда 9 мая, в День Победы. Уберут все кругом, посадят цветы, проведут здесь свою

пионерскую линейку и уйдут до следующего года...

Родные и близкие погибших воинов у памятника на братской могиле.

А ведь было бы совсем иначе, если бы ребята знали, кто здесь похоронен, и приходили не просто к памятнику на безымянной могиле, а скажем, к рядовому Степану Марюткину, сержанту Филиппу Окуловскому, лейтенанту Константину Блинову, капитану Юрию Двужильному и другим воинам, о которых они знают очень многое, бережно хранят в своем школьном музее их фронтовые письма, фотографии, по крупицам собирают все новое, что можно узнать о павших героях. И в душе каждый из этих ребят мечтает, конечно, стать таким же смелым и бесстрашным, какими были Степан Марюткин, Филипп Окуловский, Константин Блинов, Юрий Двужильный...

Надо ли говорить, что тогда бы ребята приходили на братскую могилу не только 9 мая, в День Победы, и не для того, чтобы провести здесь очередное мероприятие, которое наметила их пионервожатая и, уж, конечно, не ради «галочки» в ее отчете...

Как ни горько об этом говорить, но в том, что у нас так много безыменных братских могил, значительную долю ответственности несут родные и близкие погибших воинов, их боевые друзья и товарищи.

Об этом писать трудно. Гораздо легче упрекать работников военкоматов, архивов и других организаций за то, что они без должного внимания относятся к памяти павших героев.

Но как упрекнуть в этом отцов и матерей, братьев и сестер, жен и детей погибших воинов? Ведь на их долю выпали тяжелые утраты, и кто посмеет обвинить их в чем-либо?

И только потому, что мой отец погиб на войне, я беру на себя смелость говорить об этом.

Да, мы — родственники погибших — в большом долгу перед ними. Наша доля такая — не успокаиваться до тех пор, пока мы не узнаем о том, как погибли наши отцы, где они похоронены. Мы должны найти их боевых товарищей, пешком пройти по тем местам, где они сражались. Дорога отцов должна стать нашей дорогой! Здесь, пожалуй, эти слова надо понимать в их буквальном смысле...

До сих пор я говорил о пропавших без вести на войне. А ведь во многих семьях знают, где и когда погибли их родные и близкие. И поныне там бережно хранят пожелтевшие от времени извещения, в которых указано, где похоронен отец, сын, муж или брат...

И вот здесь начинается все, ради чего я пишу эти горькие слова упрека: многие родственники, получив извещения о гибели своих близких и точно зная, где они похоронены, ни разу за все это время не побывали на их могилах. Ведь за двадцать лет никто из родных и близких воинов, похороненных в Хорошках, не побывал там, и этому не может быть оправдания! И в первую очередь непростительно это сыновьям погибших!

Если бы родные и близкие солдат, сержантов и офицеров, похороненных в Хорошках, удосужились за эти двадцать лет хотя бы раз побывать на их безыменной братской могиле, она бы, конечно, не была безыменной и не находилась бы в таком запущенном состоянии.

Как-то в одном из своих выступлений по телевидению я говорил об отношении к воинским захоронениям, о необходимости бережно относиться к памяти павших. В ответ на это выступление пришло много откликов и среди них одно письмо, которое буквально потрясло меня. Сталевар с Липецкого металлургического завода (я не буду называть его фамилию) сообщал, что его брат погиб в 1944 году у поселка Паричи в Белоруссии и похоронен там в братской могиле, о чем в свое

время семья получила извещение. Обеспокоенный тем, что в выступлении приводилось много примеров небрежного отношения к воинским захоронениям, этот товарищ, живущий, по сути дела, по соседству с Белоруссией, попросил меня сделать буквально следующее: побывать на могиле его брата, сфотографировать ее и показать ему этот снимок по телевидению...

Как говорится, комментарии излишни!

Перед павшими в неоплатном долгу и их боевые товарищи и друзья, которым суждено было дожить до Победы. Они хорошо помнят о погибших воинах и должны рассказать людям о каждом из них, о том, как они жили и сражались за Родину.

Очень большую работу в этом направлении ведут генерал-полковник Н. М. Хлебников, вице-адмирал И. И. Азаров, генерал-майоры Н. А. Сабуров, В. А. Дроздов, П. О. Бауман, полковник С. Г. Цыпленков, капитан второго ранга П. А. Мирошниченко и многие-многие другие.

Но ведь у нас есть и другие факты, которые не могут не вызвать беспокойства. Некоторые ветераны войны за послевоенные годы ни разу не побывали там, где когда-то они похоронили своих товарищей, не поинтересовались, в каком состоянии их могилы. А ведь они могли рассказать о погибших воинах местным жителям, побывать в военкоматах и местных Советах и тем самым привлечь внимание населения к боевым подвигам своих товарищей.

* * *

На этом, пожалуй, можно было бы и закончить нашу повесть. Но мне хочется в заключение поставить несколько общих вопросов. Речь идет об организации дела поиска материалов о неизвестных и забытых героях войны.

Эту благородную работу ведут сотни, тысячи добровольных следопытов истории. Это самоотверженные, неутомимые искатели, удивительно скромные и бескорыстные люди, для которых поиск стал смыслом их жизни.

Живет в Москве пенсионер Николай Яковлевич Михайлов. Ему уже идет восьмой десяток. Двадцать четыре года назад у деревни Холмец, Калининской области, погиб его сын Борис. До войны он работал на Московском автозаводе. Когда началась война, Борис добровольно ушел на фронт с дивизией народного ополчения, сражался под Москвой, а позднее на Калининском фронте. Был убит в феврале 1942 года и похоронен в одной из

безыменных братских могил.

Вскоре после окончания войны Николай Яковлевич Михайлов поехал в Холмец и отыскиал братскую могилу, в которой был похоронен его сын. Вначале он хотел добиться, чтобы на ней установили памятник. Но вокруг было много других могил, где похоронены боевые товарищи Бориса. Почему же они должны оставаться безыменными?

И старый человек поехал в Подольск, в Архив Министерства обороны СССР, где несколько месяцев кропотливо изучал документы 158-й стрелковой дивизии, нашел среди них списки безвозвратных потерь, корешки извещений и схемы воинских захоронений. Разыскал он и многих сослуживцев своего сына по дивизии, встретился с бывшим командиром ее, ныне генерал-лейтенантом в отставке, Иваном Семеновичем Безуглым и вместе с ним уточнил собранные документы.

А вскоре было принято решение все отдельные воинские захоронения вокруг Холмца перенести в одно место, в одну большую братскую могилу и установить на ней памятник, на котором золотом выбить фамилии всех похороненных здесь воинов.

И в этой большой и нелегкой работе самое активное участие принял Николай Яковлевич Михайлов. Он помогал отыскивать безыменные могилы и, пользуясь собранными им документами, устанавливал, кто похоронен в каждой из них, уточнял и перепроверял все, потому что он не мог допустить ошибки в этом святом деле.

Наконец большая работа, продолжавшаяся несколько лет, была завершена. Около шестисот солдат, сержантов и офицеров были похоронены в центре села в одной братской могиле, на которой был установлен памятник и по всем четырем его граням сделаны надписи — указаны фамилии всех, кто здесь похоронен.

С чем можно сравнить этот гражданский подвиг отца погибшего воина, старого уже человека, которому, казалось, не по плечу эта огромная работа, требовавшая не только много сил и энергии, но и самообладания, мужества и терпения?

Эти качества свойственны и другому следопыту истории — Михаилу Федоровичу Мельникову. Он живет в Белоруссии, в городе Кричеве, Могилевской области.

Более пятнадцати лет назад Михаил Федорович стал собирать материалы по истории родного края и особенно о боевых действиях советских войск, партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны.

Долгое время считался пропавшим без вести в первые дни войны генерал Э. Я. Магон. На его имени лежала тень

подозрения. Михаилу Федоровичу Мельникову со своими добровольными помощниками удалось узнать, как героически боролся и погиб смертью храбрых генерал Э. Я. Магон. Михаил Федорович также узнал о подвигах артистов подпольщиков Геннадия Лузенина и Александра Окомова, журналистов Николая Денисенко и Артура Гордиевича, героя-артиллериста Николая Сиротинина, летчика Алексея Гуменникова и многих других советских патриотов, беззаветно сражавшихся за нашу Родину.

Все эти материалы, которые на протяжении многих лет собирали Михаил Федорович и его добровольные помощники, дали возможность открыть в Кричеве межрайонный краеведческий музей, в котором насчитывается свыше четырех тысяч экспонатов. В канун 20-летия великой Победы по материалам, разысканным кричевскими краеведами, было награждено орденами и медалями более тридцати воинов.

Я бы покривил против истины, если бы не сказал о тех больших трудностях, с которыми пришлось за эти пятнадцать лет столкнуться Михаилу Федоровичу Мельникову в его работе.

Пожалуй, особенно трудной была борьба с бездушными формалистами и бюрократами, пытавшимися, как говорится, на корню загубить живое дело. Но кричевские краеведы оказались сильнее, они победили в этой нелегкой борьбе, потому что их поддерживали люди.

Недавно, как об этом 5 января 1966 года писала «Правда», кричевский межрайонный краеведческий музей справил новоселье — ему отведено новое помещение, площадь которого в два раза больше прежней.

Но пожалуй, самой большой трудностью, с которой постоянно сталкиваются следопыты, является их разобщенность.

Давно пора подумать о форме объединения этих неутомимых искателей, чтобы они в своей работе чувствовали локоть друга, могли обмениваться опытом и получили равные возможности выступать со своими рассказами о героизме по телевидению, на радио, в печати. У нас в движении добровольных следопытов истории не должно быть людей, занимающих особое, привилегированное положение в деле, которому мы все служим.

Объединение добровольных следопытов истории вокруг какого-нибудь печатного органа или же редакции общественно-политических программ Центрального телевидения будет способствовать их творческому росту, даст возможность оказывать им методическую помощь и позволит в той или иной степени руководить этой большой работой. А это просто необходимо, потому что к военно-патриотической теме тянутся

многие, но не все с должной ответственностью обращаются с историческими фактами. Одним не хватает опыта, а другие ошибочно понимают, право автора на художественный домysel, когда он пишет о реальных людях и конкретных событиях. Я бы мог привести ряд примеров, подтверждающих сказанное, но сейчас в этом нет необходимости, и, кроме того, это тема для специального разговора.

Главное, что хотелось подчеркнуть, это настоятельная необходимость объединения добровольных следопытов истории и повседневного квалифицированного руководства их большой и благородной работой.

Кроме того, давно настало время по-настоящему организовать всенародный поиск материалов, связанных с историей нашего Советского государства, революции, гражданской войны, периода мирного строительства и Великой Отечественной войны.

В нашей стране есть очень много интересных людей, за плечами у которых большая жизнь. Но не все они в силу тех или иных причин могут написать воспоминания, не каждому это, как говорится, дано. А почему бы не помочь этим людям?

Представьте себе, что к одному из таких товарищей пришел участник нашего похода. Он попросил бы ветерана рассказать обо всем, что сохранила его память, и тут же старательно записал все. Кроме того, можно было бы попросить фотографии, письма, вырезки из газет и журналов и другие документы, представляющие интерес.

Собранные таким образом материалы представляли бы огромную ценность для изучения истории нашего общества, для работы писателей, журналистов, историков и могли бы с успехом использоваться в кино, на радио и телевидении. Значение этих материалов возрастало бы с каждым годом, чем дальше время отделяло бы нас от этих событий.

Ведь люди смертны, и каждый год из жизни уходят тысячи свидетелей и участников революции, гражданской и Отечественной войн, и мы безвозвратно теряем множество ярких страниц истории, которые могли бы стать нашим духовным достоянием.

Для руководства всенародным движением по сбору материалов истории нашего общества нужен единый постоянно действующий центр, который бы руководил поиском, давал соответствующие указания, рекомендаций, направлял всю эту огромную работу. У штаба должен быть свой печатный орган, лучше всего газета обычного формата, на страницах которой печатались бы необходимые указания и рекомендации

участникам похода, а также наиболее интересные материалы поиска.

На время всенародного похода все центральные, республиканские, областные и районные газеты, а также радио и телевидение должны значительную часть своей газетной площади и время звучания в эфире посвятить этому важнейшему мероприятию.

Мне думается, что в центральном печатном органе штаба похода, а также на радио и телевидении необходимо было бы публиковать, а также передавать в эфир объявления о розыске родных и близких, пропавших без вести на войне.

Я бы первым поместил такое объявление:

«Товарищей, знавших комиссара учебного батальона 6-й дивизии 40-й армии Фролова Николая Евдокимовича, пропавшего без вести в июне 1942 года под Воронежем, прошу сообщить мне, его сыну, по адресу: Москва, Б-14, Русаковская, 18/20, кв. 84. Фролову Г. Н.».

Несколько строчек, набранных непарелью, совершили бы чудо: уже через три-четыре дня я узнал бы о судьбе моего отца, потому что уверен, что оставшиеся в живых его боевые товарищи обязательно написали бы мне.

Таким образом десятки, сотни тысяч людей узнали бы о судьбе своих родных и близких, пропавших без вести на войне, и, кто знает, сколько бы еще новых, ранее неизвестных страниц было вписано в летопись героической борьбы нашего народа с фашизмом!

В ходе всенародного поиска самое непосредственное участие могут принять все архивы и музеи Советского Союза. Они должны помочь следопытам, дав им исходные материалы для поиска, обнародовав наиболее важные документы. Можно также подумать о форме связи участников похода с другими странами, где в годы войны сражались советские люди.

И наконец, эта работа немыслима без самого активного участия в ней местных органов власти, общественных организаций. Поиск материалов об истории нашего общества должен стать всенародным делом. В этом — залог успеха!

Примечания

Здесь и в других главах повести эпиграфом я взял строки «Реквиема» Роберта Рождественского.